

Ultima ratio

Вестник Академии ДНК-генеалогии

**Proceedings of the Academy
of DNA Genealogy
Boston-Moscow-Tsukuba**

**Volume 5, No. 10
October 2012**

**Академия ДНК-генеалогии
Boston-Moscow-Tsukuba**

ISSN 1942-7484

Вестник Академии ДНК-генеалогии.

Научно-публицистическое издание Академии ДНК-генеалогии.
Издательство Lulu inc., 2012.

Авторские права защищены. Ни одна из частей данного издания не может быть воспроизведена, переделана в любой форме и любыми средствами: механическими, электронными, с помощью фотокопирования и т. п. без предварительного письменного разрешения авторов статей.

При цитировании ссылка на данное издание обязательна.

Составитель
Академия ДНК-генеалогии

Оформление издания
Anatole A. Klyosov
Павел Шварев

© Авторские права на статьи принадлежат Академии ДНК-генеалогии,
2012. При перепечатке ссылка обязательна.

© А-ДНК, 2012

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Оглавление	1111
БЫВШАЯ ЮГОСЛАВИЯ И СОВРЕМЕННАЯ СЕРБИЯ	
Предисловие редактора. <i>Анатолий А. Клёсов</i>	1112
Сербские записки. К истокам славянской культуры. <i>Андрей А. Тюняев</i> ..	1117
Конференция в Белграде по истокам культуры и науки (21-23 сентября 2012) на фоне общих проблем в Сербии. <i>Анатолий А. Клёсов</i>	1128
Олег Валецкий, его война и его книги.	
Предисловие редактора. <i>Анатолий А. Клёсов</i>	1148
Волки белые. Сербский дневник русского добровольца.	1160
Главы из книги. <i>Олег В. Валецкий</i>	
Глава 1.	1162
Глава 14.	1188
Война в Македонии. <i>Олег В. Валецкий</i>	1213
Фактор добровольчества в войнах сербского народа. <i>Олег В. Валецкий</i> ..	1225
Исследование славянских вед «Велесовой книги» как дополнительного источника информации, с позиции последних изысканий в области ДНК-генеалогии. <i>Г.З. Максименко</i>	
Веда 20.	1252
Веда 21.	1273
Веда 22.	1279
ДИСКУССИИ	
Дискуссия по теме «Миграции ариев [R1a] и их прародина»	1285
ОБРАЩЕНИЯ читателей и персональные случаи ДНК-генеалогии.	
Часть 44, письма 150-152.	1298

БЫВШАЯ ЮГОСЛАВИЯ И СОВРЕМЕННАЯ СЕРБИЯ

Предисловие редактора

Значительную часть этого выпуска Вестника занимают материалы по современной Сербии и бывшей Югославии. Этому послужила толчком конференция «К истокам науки и культуры», которая проводилась 21-23 сентября этого года в Белграде с выездом на археологические памятники Винча и Лепенский Вир. В названии конференции не было указано, но подразумевалось, что речь идет в первую очередь об истоках славянской культуры и науки. Председателем организационного комитета конференции был доктор юридических наук Божидар Митрович, который известен своей большой работой по объединению сербов в диаспоре, в том числе в качестве председателя соответствующей организации в Москве. В оргкомитете Конференции были известные сербские историки, археологи, лингвисты, физики, математики, врачи, музыканты, журналисты, писатели, проживающие как в Сербии, так и за рубежом. Многие из них – члены специализированных академий – ПАНИ (Петровской академии науки и искусства, Санкт-Петербург), ИАСПИДА, МАНУ и других. Таким образом, конференция фактически была международной. В этом разделе помещены впечатления от конференции двух участников – Андрея Александровича Тюняева (члена Российской академии естественных наук и Президента Академии фундаментальных наук, а также главного редактора газеты «Президент», индекс 14254 каталога «Почта России»), и автора этих строк. «Сербские записки» А.А. Тюняева опубликованы также в газете «Президент» № 9 (299) за октябрь, с дополнительными фотографиями.

Для того, чтобы понять проблемы современной Сербии, большинство из которых остаются проблемами послевоенными, а также для того, чтобы поставить вопросы ДНК-генеалогии современных Балкан в исторический контекст, в выпуске помещены материалы о войне в Югославии 1991-1995 гг, представленные участником войны, российским добровольцем Олегом Витальевичем Валецким, который тоже был участником Конференции. Подробнее об этом – ниже.

И последнее, что имеет прямое отношение к истории и ДНК-генеалогии. Размышляя над материалами конференции, читая старинные и современные книги по истории как Сербии и России, так и славян юго-восточной Европы и Малой Азии (а в Малой Азии, Анатолии, Турции, что в значительной степени синонимы, и сейчас проживают анклавы людей,

говорящих на славянских языках, и по некоторым уверениям – на древнеславянских языках, довольно легко понимаемых сербами), а также старые и старинные лингвистические исследования, я не могу отделаться от мысли, что историки на протяжении сотни лет отмахивались (по разным причинам) от настоящей истории славянских народов. Слишком много разнообразных и взаимно согласующихся данных, которые ведут к тому, что на огромной территории Юго-Восточной Европы и Малой Азии, Передней Азии, Ближнего Востока, Леванта (я употребляю названия частично пересекающихся регионов) жили люди, говорящие на праславянских и славянских языках, большинство из которых (наверное) имели гаплогруппу R1a, как и те, кто жили к северу от них, от Балкан до Балтийского моря, и далее на восток, по Русской равнине до Урала и Зауралья, и оттуда на юг, в Иран и Индию, и на восток до Алтая, Монголии, Северного Китая. Это все было праславянское и славянское пространство, арийское пространство, связанное по сути одним языком (но в его динамике), одними верованиями, сказаниями, мифами.

Понятие «Великая Сербия» не появилось на пустом месте. Понятно, что в последние два века это понятие имело сугубо политическое значение, а именно освобождение сербов от владычества Османской империи турок, а также объединение сербов и южных славян в целом в сильное государство. Это – кто серьезно, а кто иронически – называли «великосербской идеей», «тайной политической программой», «священной исторической миссией сербов», «популистской идеей пансербизма сербских радикалов». Эта идея вынашивалась в среде сербской элиты, порой в виде создания великой и этнически однородной Сербии. Одна из формулировок такого проекта была следующей: *«первым и главным долгом сербов является создание и организация гомогенной Сербии, которая охватила бы всю сербскую этническую территорию, и обеспечение этой Сербии необходимых транспортных коммуникаций и экономического пространства, которое обеспечило бы ей свободное хозяйственное, политическое и культурное развитие на все времена»* («Гомогенная Сербия», автор Стеван Мольевич, 1941).

Фактически речь шла о создании националистического государства, доминирующего на Балканах и по территории, и по политическому и экономическому влиянию, хотя не очень было ясно, что делать с другими этническими группами. В общем ясно что – интегрировать в свой состав. По сути, послевоенная Югославия и стала таким государством, но, как показали последующие полвека, она была обречена на распад. Югославия была соткана из противоречий. Тито с самого начала повел политику на подавление сербского национализма и на создание «интернационализма», что при наличии трех основных религий, не терпящих друг друга, привело к краху. Это могло держаться только жесткой диктатурой, которая скоро

была размыта либеральным движением и демократическими реформами. Итог известен. «Великая Сербия» просто не могла состояться в окружении политически враждебных государств Европы, как не могло бы состояться никакое «панславянское» государство, тем более на основе православной религии. Экономическая блокада и бомбардировки – видимо, были просто неизбежным развитием событий.

Но я совсем не об этом, и привожу то, что выше, чтобы показать, что я говорю не про «популистскую идею пансербизма». Я говорю про древнюю историю славян. Я – о том, что у идеи «Великой Сербии», при всей ее политизированности и национально-освободительном характере, были глубокие исторические основы. Неудивительно, что они не признаются тем же, по сути, враждебным окружением, враждебным если не политически, то ментально. Это включает и «академическую» среду, и многие слои интеллигенции, причем и в славянской среде, и уж тем более интеллигенции неславянской – и по сути, и по духу. А то, что интеллигенция имеет слои, пояснять не нужно. Современная «интеллигенция» – это вообще рыхлое образование, простирающееся от своего прогрессивного края (или слоя) до полностью регрессивного, деградирующего, разрушающего. Так вот, любое упоминание о древних славянах («древних» в данном контексте – это ниже 6-го века нашей эры), об их истории, об их распространении по миру, об их участии в исторических событиях, об их древней письменности – тут же вызывает у этой «интеллигенции», в том числе и у значительной части историков, воспитанных этой «интеллигенцией», поток сарказма, иронии, отрицаний, передергиваний, обвинений, в том числе обвинений политического характера. Ну не хотят они слышать про древнюю историю славян, да и про славян вообще. Ментальность такая.

Даже тогда, когда – недавно – было показано, что значительная часть (до двух третей, а по регионам и выше) славян относятся к тому же роду, что и древние арии, а именно к роду-гаплогруппе R1a, эта «интеллигенция» либо предпочла не слышать и не реагировать, либо ушла в глубокую агрессивную защиту, которую не отличить от нападения. Пошли сравнения с нацистами с их арийцами, хотя мы – про древних ариев, к нацистам никакого отношения не имеющих. Пошли слова, что «это ничего не означает». Известный российский историк, который многократно на протяжении как минимум последних десяти лет высказывался в научной (!) литературе, что «вот тут некоторые дошли до того, что славян из ариев выводят», в ответ на мои направленные ему ДАННЫЕ про совпадение гаплогруппы R1a у этнических русских и у потомков ариев («индоевропейцев») в Индии долго отмалчивался, потом заявил, что этого

не может быть, что это какое-то случайное совпадение, а потом, разумеется (для него), вспомнил про нацистов.

Любое упоминание про возможную связь этрусков с предками современных славян, любые расшифровки древних писем (в частности, Средиземноморья) как праславянские вызывает насмешки и обвинения в антинаучности. Велесова книга напрочь отбрасывается теми, кто и не видел ее текста (в лучшем случае видел авторские переводы), не говоря о том, что не читал, отбрасывается просто по определению, что все подделано, что славянской истории, кроме той, что в учебниках, просто нет. Шаг в сторону – побег. Книги 19-го века о славянской письменности, обычаях, верованиях на Ближнем Востоке отбрасываются на том основании (опять «по определению»), что это несерьезно, что лингвистика тогда была примитивной, что это не стоит и рассматривать. Я здесь упоминаю именно 19-й век, потому что тогда в России и на Украине был всплеск интереса к древней славянской истории, и на эту тему вышло много книг.

Возвращаемся к Сербии и древним славянам. Так вот, размышляя над материалами конференции, читая старинные и современные книги по истории как Сербии и России, так и славян юго-восточной Европы и Малой Азии, а также старые и старинные лингвистические исследования, я не могу отделаться от мысли, что многие разношерстные (по материалу и по уровню рассмотрения) исследования указывают на огромное белое пятно современной истории и лингвистики праславян/славян, занимавших в древности огромную территорию на Балканах, включая Пелопоннес, острова Средиземного и Эгейского моря, Малую Азию, часть Ближнего Востока, вплоть до Саудовской Аравии, Омана, Кувейта и других – сейчас – арабских государств. Современные сербские исследования называют их язык «сербским», и приводят свидетельства. На самом деле это, конечно, древнеславянский язык. Просто в Сербии он сохранился в большей степени, чем в других славянских странах и регионах, сербский язык более консервативный, архаичный. В России он более динамичен, видимо, за счет большой территории; в Польше и других католических странах славянский язык ушел от древнего за счет перехода на латиницу, замены православных церковных книг на книги Ватикана.

В этом отношении примечательны взаимоотношения Сербии (и южных славян вообще) и Турции. Откуда такая вражда, когда народ в прошлом имеет много общего? В Сербии основные гаплогруппы I2 и R1a, в меньшей степени R1b, E1b, J2. В Турции R1b, J2, в меньшей степени (сейчас) R1a. Но резко разделяет религия, начиная с 7-го века нашей эры. В Турции – ислам, в Сербии – православие. Вот и основная причина вражды. На Балканах масса мусульман относятся к тем же родам, как и славяне, ничем не

отличимы по антропологии (ниже О. Валецкий, описывая войну в Югославии, упоминает светловолосых мусульман, ничем не отличимых от сербов), но другая религия – и они оказались по разные стороны баррикад. Заключая это «Предисловие редактора», подчеркну, что одной из основных задач ДНК-генеалогии должно быть корректное описание истории славян Юго-Восточной Европы, Средиземноморья, Пелопоннеса, Малой Азии. Одна ДНК-генеалогия с этим не справится, да от нее это и не требуется. Нужно привнесение результатов исследований ДНК-генеалогии этих регионов и соответствующее объединение разрозненных данных по истории и лингвистике, с целью получения максимально непротиворечивой картины, которая пока ускользает от «академической» науки, или откровенно игнорируется, или вызывающе отвергается последней. В этом отношении конференция в Белграде сделала большой шаг вперед.

Одни славянские историки и лингвисты с этим не справятся. Они не справляются уже 200 лет, хотя потоком идут статьи и книги, и чемодан книг, привезенный мной с конференции (см. ниже мой очерк) тому свидетельство. Академическая наука от этого только отмахивается. Это легко и просто. Расшифровал исследователь надпись на Фестском диске, найденном на Крите (предположительно минойской культуры эпохи бронзы) как праславянскую – отмахнулись как от ненаучной; показал другой исследователь, что Троя на самом деле была на Адриатике и была славянской крепостью-городом – не обращают внимания, хоть сколько он книг публикует по этой теме. Нашел третий Велесову книгу – отмахнулись как от подделки. Я совершенно далек от того, чтобы говорить о непререкаемой правоте этих исследователей, это все необходимо изучать и перекрестно проверять, но надо изучать и открыто дискутировать, в первую очередь в академической среде. С другой стороны, эту среду ведь не заставить, у них свои трудности, поэтому надо продолжать самим.

Я далек и от того утверждения, что ДНК-генеалогия тут же расставит все по своим историческим и лингвистическим местам. Но она даст новые сведения, которые помогут усилить ту или иную интерпретацию, а то и дать уникальные сведения. Например, представим, что анализ ДНК скелетных остатков в Лепенском Вире даст гаплогруппу I2 или R1a, с гаплотипом, который четко совпадает (с учетом мутаций) с гаплотипами многих современных сербов. Вопрос о непрерывности культур во всей их динамике, о непрерывности генетического и культурного наследия, непрерывности популяции, опять же в ее динамике, будет немедленно снят, хотя популяция могла уходить и возвращаться. Здесь «непрерывность» не обязательно имеет буквальный смысл, это не сиднем сидеть на одном месте. Но это будет означать непрерывность жизни славян

и их предков в данном регионе. Естественно, появятся другие вопросы, так развивается наука.

Анатолий А. Клёсов

Сербские записки. К истокам славянской культуры

Андрей А. Тюняев

В современном динамично развивающемся обществе каждый человек только и делает, что куда-то стремится, бежит, летит, едет. Нам с вами некогда заниматься изучением собственной истории и культуры. Однако давно уже известно: не изучая прошлого, мы не сможем полностью понять законов настоящего и не одолеем проблему решения своих потребностей в будущем.

Одним из наиболее важных цивилизационных аспектов человеческого общества является обладание специальными знаниями в области производства товаров и продуктов питания. Для древнейшего периода формирования цивилизации – это знания о том, когда и как обрабатывать землю, когда сеять, а также – когда ожидать урожая. И есть люди, которые глубоко погрузились в изучение сего вопроса, посвятили этому предмету не один год своей жизни и добились на этом поприще весьма значительных результатов.

В связи с этим чрезвычайно интересным является изучение проблемы формирования сербского и русского народов, которых некоторые историки причисляют к кочевникам железного века. Такие «ученые» помещают сербов и других южных славян на север, откуда они, якобы, пришли на Балканы лишь в шестом веке новой эры. А русских они проводят прямо противоположным маршрутом: мол, русские в том же шестом веке вышли с Балкан и пришли на просторы современной Москвы. Вот каким образом в двух противоположно направленных миграциях была полностью потеряна и реальная история сербов и южных славян и русского народа.

Конференция в Белграде

В самые бархатные сербские дни, в период осеннего равноденствия, с 21 по 23 сентября 2012 года, в столице Сербии – Белграде состоялась Международная научная конференция «К истокам культуры и науки». Это научное собрание осуществляло свою деятельность на самом востребованном сегодня научном принципе – принципе мультидисциплинарного подхода к изучению конкретной проблемы. А в качестве

научной проблемы как раз и был вопрос формирования человеческого общества и его культуры времени неолита, то есть примерно 7 – 8 тысяч лет назад.

При таком подходе ни один из аспектов не должен остаться неучтенным. Среди главных были рассмотрены вопросы возникновения культуры, вопросы перехода древних людей на оседлый образ жизни, а также вопросы формирования человеческих популяций и цивилизаций.

Особый упор был сделан на материалы исследований балканских неолитических культур. Они, безусловно, достойны того, чтобы быть названными полностью. Это – на правом берегу Дуная: Лепенский Вир, Власац, Хайдучка-Воденица, Падина; на левом берегу Дуная: Ветерань, Террасе, Икоана, Разврата, Островул-Банулуй, Скела-Кладовой, Куина Туркулуй; Старчево в Сербии, Кереш в Венгрии и Криш в Румынии и культура Винча в Сербии.

О чем знали наши предки

Участники конференции в своих докладах аргументированно показали, что древнейшее мировоззрение эпохи Лепенского Вира уже содержало взгляды на единство человеческого рода, природы и небесного движения. Эти знания породили технологический прогресс, зародивший в эпоху Лепенского Вира и Винчи основы таких наук и знаний, как математика, календарно-астрономические знания, письменность, архитектура, геология, агрономия, право, медицина.

Кроме этого, были доложены результаты исследований, касающихся вопросов становления главных характеристик культуры Лепенского Вира и Винчи. Эта часть работы конференции рассмотрела проблему как с аспекта археологии, классической истории и социологии, так и с учетом комплекса фактического материала точных и естественных наук – математики, медицины, генетики, исследований ДНК, астрономии, физики, горного дела, архитектуры, климатологии, геологии, палеоботаники, агрономии, языкознания, этнологии, теологии, юридических наук и т. д.

Культурная квинтэссенция конференции заключена в мировоззренческом послые о том, что слово «культура» произошло от сербского и древнерусского слова «коло», которое трансформировано в «kvlv», затем в «cult», «kult», «культ», даже в латыни сохранено, что слово «культура» произошло от слова «collo» – «коло». Мировоззрение древних славян, называвших себя коловены, – это самый древний взгляд на мир и на порядок вещей в нем. Концепция «Все есть коло» была сформирована

славянами на основе наблюдений за движением Земли вокруг Солнца и выводов о единстве природы и человека.

Наши предки уже в неолите знали основы математики. Недавние исследования выпускника факультета вычислительной математики и кибернетики Московского государственного Университета имени М. В. Ломоносова сербского ученого Милоша Митровича показывают, что фундаментом математики являлся ноль. Уже во время Лепенского Вира и Винчи ноль не был «ничем». Ноль понимали как АЗ – первоисточник, которым считали коло-Солнце. Ноль воплощал вечное воскресение кола.

Поэтому на первых башенных азбучных часах, которые в 1404 году в Москве создал сербский мастер Лазарь Хилендарец, азбучный знак «а», то есть «аз», находился там, где сегодня располагается ноль. Только позже, под влиянием латинских обманов, советские реставраторы, не обладавшие древними знаниями, на древних часах в Суздале и Москве на улице Полянка переместили знак «аз» на место сегодняшней единицы.

Из того самого, древнего мировоззрения наших предков берет свое начало символика Матери-Земли и оттуда же произошли основные науки современности. Например, слово *iustitia* (то есть юстиция, или правосудие) русский ученый Николай Рыжков выводит из сербского «устити». В первоисточнике римского права «Законы XII таблиц» субъективное право не было разделено на полномочие и иск (*actio*). Истец должен был правильно высказать формулу обвинения, чтобы получить «право». Оно, судя по культу коло из Лепенского Вира, формировалось по движению Солнца: «вправо», или «прямо» (по ходу) от Бога (*down right*), или рус. «праота, правда». В таком мировоззрении сегодняшний истец завтра может стать ответчиком – по ходу коло.

Профессор Срболоб Живанович в своем исследовании показывает, что известный ученый Милое Васич в своем дневнике, хранящемся в народном музее в Белграде, высказал позицию о том, что найденные в Винче знаки являются письмом, и что их необходимо исследовать и систематизировать на основании мультидисциплинарных исследований. На сегодняшний день эта работа далека от завершения, и она испытывает серьезные трудности.

Известная систематизация профессора Радивое Пешича «Винчанское письмо», его использование термина «Винчанская азбука» и сравнение тождественности с этрусским письмом некоторое время игнорировались. Но на симпозиуме Сербской академии наук и искусств в Нови-Саде

ведущие палеолингвисты мира признали это письмом, хотя и предложили было заменить название «Винчанское письмо» на «Придунайское письмо».

Археологическими исследованиями установлено, что во время существования Винчанской культуры было развито горное дело. Рудна Глава в Восточной Сербии является древнейшим медным рудником в мире. Недавно были открыты следы переработки меди, которыми установлено, что первая металлургия в мире возникла более семи тысячелетий назад на пространстве Винчанской культуры. Рудник цинабарита Шупля-Стена на Авале имел большое значение для развития первой торговли, которая уже существовала в неолитическом обществе.

Живые крупницы знаний

Это, пожалуй, будет интересно даже заядлым скептикам. Можно сколь угодно долго рассуждать о том или ином уровне достижений в древности, но все равно остаться при своих мнениях. А вот когда представляются факты и доказательства, среди которых преобладают данные археологии, то сомнений почти не остается. Их ровно столько, сколько позволяет личное упрямство скептиков.

Даже простое перечисление тем докладов, которые были сделаны на секции *«Древнейшие математические и астрономические знания»*, уже дает понять, что проблема календаря в неолите была нашими предками решена. И решена блестяще. Приведем только названия пленарных докладов: Драголюб Антич: *«Календарные знания в палеолите и неолите»*; Стеванчевич Милан: *«Гелиоцентрическая метеорология: как возникает дождь по догме Аристотеля о конденсации»*; Драголюб Антич: *«Лунарные календари в палеолите и неолите и их преемственность»*; Радмило Петрович: *«Солярный культ, культ Матери Земли и календарные знания на Хелмском полуострове»*; Драган Яцанович: *«Календарные знания, сохраненные в сербской эпической поэзии»*.

В секции *«Первые следы культуры, агрокультуры и этнологии в эпоху Лепенского Вира и Винчи»* были сделаны свои, крайне интересные доклады. Божидар Митрович: *«Как возникло слово «культура», и основные знания многих наук как основание взаимности и преемственности Лепенского Вира и Винчи»*; Драголюб Антич: *«Природные физические рамки для возникновения первой европейской цивилизации»*.

В секции *«Древняя архитектура Лепенского Вира и Винчи»* поднята не только проблема золотого сечения (Педжа Милосавлевич: *«Золотое сечение в неолите»*), но были исследованы и принципы построения жилищ (Педжа

Ристич: «Соха и шестерение в создании жилища Лепенского Вира в форме сектора круга и прения археологов об этом»).

В секции «**Возникновение и развитие общества и права**» материалами докладов исследователи показали уровень развития юридических знаний в древности: Божидар Митрович: «*Древнейшее изображение права в Лепенском Вире и первоначальное значение слова ЮУСТИЦИЯ/IUSTITIA и правильное применение этого значения в процессе оспаривания международных арбитражных решений в России*»; Радомир Джорджевич: «*Законник с обелиска из Ксантоса*» и др.

В секции «**Древняя медицина и современные медицинские открытия о древностях**» основные доклады были сделаны на фоне генетических построений. Это касается и доклада Срболоба Живановича «*Генетико-антропологические исследования Лепенского Вира и Винчи*», и, в большей степени, доклада выдающегося ученого из США Анатолия Клёсова «*ДНК-генеалогия предков славян со времен Лепенского Вира и Винчи*», который был также сделан в качестве пленарного доклада в первый день конференции.

С развитием древнего общества, древних знаний об астрономии, календарях, математике и архитектуре переход к возникновению письменности кажется вполне логичным и вполне разумным. Доклады, сделанные в секции «**Возникновение и распространение первой письменности**», были этому и посвящены: Весна Пешич сделала доклад «*Винчанское письмо Радивое Пешича*», Йован Деретич – «*Пути распространения первой европейской письменности*». Томе Бошевски и Аристотел Тентов рассмотрели вопрос «*Связи винчанской/финикийской письменности с письменами Розеттского камня*», а Павел Серафимов и Джанкарло Томеццоли выдали «*Доказательства раннего присутствия славян на Мinoйском Крите/Новое азбучное прочтение линейного А письма*». О развитии неолитических культур наших предков в контексте сегодняшней конференции ярко говорит и название секции – «**Древнее горное дело и металлургия**», и названия докладов – например, Душко Шливар: «*Древнее горное дело и металлургия на Балканах*».

Для тех, кого интересуют вопросы преемственности цивилизации Винча в современном мире, ее вектор развития и основания для отождествления этой цивилизации с нашими предками, работала специальная секция «**Непрерывность винчанской культуры и цивилизации**», где были сделаны свои, крайне интересные доклады. Например, Слободан Ярчевич: «*Реконструкция источника Илиады Гомера на основании десетераца (сербского десятисложника)*»; Милутин Ячимович: «*Шкодер, сербская древняя столица как вероятное место Трои Гомера*» и др.

Доклады участников конференции организаторами включены в монографию, дополненную и другими материалами. Выход монографии в свет предусмотрен после конференции, а к началу конференции авторы докладов и другие участники получили все рабочие тексты на компакт-диске.

Как все это было

Научная программа конференции была организована так, что 21 сентября в конгресс-центре «Савва» – самом крупном выставочном центре столицы Сербии Белграда – состоялось пленарное заседание. На следующий день, 22 сентября, конференция продолжилась в Торжественном зале Белградского университета, работали секции по нескольким направлениям. А 23 сентября состоялось выездное заседание конференции. В этот день участники мероприятия посетили места археологических раскопок на археологических памятниках Винча и Лепенский Вир.

Организаторами конференции выступили Министерство диаспоры Сербии – Совет по вопросам статуса сербской диаспоры, Объединение Сербов (Москва), Сербское землячество (Москва), Общественная организация за сохранение неолитической культуры Винча (Белград), Общественная организация «Милутин Миланкович», Общественная организация по защите азбуки «Кириллица» (Белград) и Издательство «КолоВения» (Белград).

В научный совет конференции вошли видные ученые из нескольких стран: академик Сербской академии наук и искусств (председатель) Йович Видойко (ученый секретарь, Сербия) Драголюб Антич (Сербия), Джордже Янкович (Сербия), Драган Яцанович (Сербия), Радмило Петрович (Сербия), Ненад Тасич (Сербия), Джанкарло Томеццоли (Италия), Томе Бошевски (Сербия), Аристотел Тентов (Сербия), Андрей Александрович Тюняев (Россия), Анатолий Алексеевич Клесов (США), Душко Шливар (Сербия), Ясмينا Вуйич (Сербия), Божидар Митрович (Сербия), Организационный комитет: Божидар Митрович, председатель, Слободан Добрич, заместитель председателя, Миодраг Койич, помощник председателя, Драголюб Антич, научный секретарь, Сава Росич, доктор Димитрийе Росич, Зоран Матович, Славко Максимович, Миломир Стошкович, Милош Ђошан, Ясмينا Мавренович, Срджан Стоянчев, Даца Паунович, Бранко Стефанович, Дияна Деветак.

Слияние душ

Кроме научной, была реализована обширная культурная программа. 21 сентября участники конференции присутствовали на ежегодном астрономическом явлении – дне осеннего равноденствия. С 18 часов по 18 часов 37 минут со смотровых площадок Кремля Калемегдан собравшиеся наблюдали за заходом Солнца. Звучали древние песни, играли фруламы, присутствовало хорошее вино, ароматная медовуха и праздничная еда. Участники конференции моделировали древнюю ситуацию: в эпоху Лепенского вира врачи были кем-то вроде сегодняшних первосвященников.

На следующий день, 22 сентября, в 19.30 на улице Князя Михаила состоялась акция «Сделаем самый большой хоровод», в ней приняли участие хороводные ансамбли славян. А 23 сентября с 6.27 состоялась заключительная фаза праздника осеннего солнцестояния – винчанское поздравление Солнца. Оно началось в Винче и продолжилось в Лепенском Вире.

24 сентября в галерее «Прогресс», расположенной на улице Князя Михаила, состоялась выставка «Непрерывность искусства Лепенского Вира и Винчи». Были продемонстрированы подлинники артефактов, их реплики, а также гонение «древностей» и современное искусство.

Хранитель Винчи

Словно икру, автобус «выметал» участников конференции на живописном берегу великой реки Дунай. Мы прошли немного и завернули за край холма. Нашему взгляду открылась обширная асфальтированная площадка, на которой уже собрались музыканты и танцоры местного фольклорного ансамбля. Чуть выше по холму возвышалась табличка с надписью «Археологический памятник Винча», а к самому памятнику вверх, на холм, вводила белая ступенчатая дорожка.

Даца Паунович, Андрей А. Тюняев, Милутин Ячимович, Анатолий А. Клёсов, Олег В. Валецкий – в Винче.

Даца (Даша) Паунович, знаменитая в Сербии концертная пианистка, на своей основной работе.

Но сперва нас ждал сербский хлеб и сербская соль. Какой это всё-таки замечательный славянский обычай! Вкушаешь небольшой кусочек местного хлеба и по его вкусу сразу же понимаешь, каковы местные мастера. Сербь оказались превосходными пекарями! Они же оказались и превосходными танцорами. Зажигательные удары большого барабана,

лёгкие переливы скрипки и ритмичные звуки баяна – всё это позволяло танцорам закручивать такие кренделя в хороводах, что даже участники конференции не устояли и пустились в пляс.

А на холме нас встретил доктор Драган Янкович – хранитель музея «Археологический памятник Винча». Он с видом заботливого хозяина провёл нас по периметру раскопа и объяснил, что вот уже два года этот великий памятник находится в консервации, вместо того чтобы для научного мира быть поставщиком ценнейших сведений об истоках цивилизации. Это и понятно: современные учёные по своим религиозным убеждениям (которых у них, якобы, нет) предпочитают поступать так, как высмеяно в известном анекдоте: искать там, где светлее, а не там, где искомое действительно есть.

Телевизионное интервью с А.А. Клёсовым в музее Лепенский Вир. На заднем плане – витрины с археологическими находками.

Драган Янкович прочёл нам небольшую лекцию и ознакомил с экспозиций (музей открыли после реконструкции прямо перед нашим приездом). Мне удалось обсудить с доктором Драганом некоторые аспекты моих исследований. А именно, о существовании уже в неолите торговых путей, пролежавших по территории Сербии и уходивших в Древнейшую Русь и далее. Господин Янкович подтвердил мои положения и сообщил, что все археологические факты, добытые на памятнике Винча, показывают и наличие торговых отношений, и путей, и наличие астрономических и календарных знаний, и существование денег и письменных знаков, которыми помечали товары или иные предметы обихода.

Участники конференции на фоне ночного Белграда

Участники конференции на фоне реконструкции жилища древних поселенцев на памятнике Лепенский Вир. Рядом с А. Тюняевым – Сава Росич, главный переводчик на конференции, выпускница филфака МГУ (с отличием).

В Белграде в «Русском доме»

Российская делегация с удовольствием посетила «Русский дом» – это российский центр науки и культуры в Белграде, один из 44 российских культурных центров, действующих сегодня в различных странах мира. Директор «Русского дома» Михаил Геннадьевич Денисов, человек радушный и доброжелательный, рассказал нам историю «Русского дома» и немного остановился на сегодняшних политических реалиях.

Конференция в Белграде «К истокам культуры и науки» (21-23 сентября 2012) на фоне общих проблем в Сербии

Анатолий А. Клёсов

В названии конференции не было указано, но подразумевалось, что речь идет об истоках славянской культуры и науки, хотя других истоков, древнее Лепенского Вира (11-9 тыс лет назад по разным оценкам), в Европе не обнаружено. Председателем организационного комитета конференции был доктор юридических наук Божидар Митрович, который известен своей большой работой по объединению сербов в диаспоре, в том числе в качестве председателя организации «Объединение сербов» и сербского землячества в Москве. В оргкомитете Конференции были известные сербские историки, археологи, лингвисты, физики, математики, врачи, музыканты, журналисты, писатели, проживающие как в Сербии, так и за рубежом. Многие из них – члены академий – ПАНИ (Петровской академии науки и искусства, Санкт-Петербург), ИАСПИДА, МАНУ и других.

Первый день конференции проходил в крупнейшем белградском конференц-центре, Сава-Центре; второй – в актовом зале ректората Белградского университета; третий – с выездом на археологические объекты Винча и Лепенский Вир. Винча находится в окрестностях Белграда, Лепенский Вир – примерно в 160 км от Белграда, на правом берегу Дуная. Там же, в отеле Лепенский Вир, проходило заключительное заседание конференции.

Должен сразу сказать, что организация конференции была непростой. Это отражало и современную политическую обстановку в Сербии, и раскол в научной среде Сербии. Настрой в научной среде Белграда весьма критический и довольно уныло-пессимистический. Это – и последствия войны в Югославии 1991-1995 гг, и последующей войны в Косово и потеря этого региона, имеющего колоссальное культурное, историческое и духовное значение для сербов, это и поворот девятнадцати европейских стран против Сербии во время прошедшей войны с бомбардировками Сербии и Белграда, и продолжающееся наступление на кириллицу с постоянным стремлением неких «сил» как в Сербии, так и за рубежом заменить ее на латиницу, что рассматривается многими сербами – если произойдет – как потерю православием своих исторических позиций в пользу католицизма (который сейчас в Сербии минимален). Это и продолжающаяся инфляция динара – сейчас за один доллар дают

примерно 100 динаров. Промышленность Сербии в значительной степени разрушена войной и блокадой, многие культурные центры закрыты (в их числе – и центральный исторический музей Белграда), раскопки в Винче и Лепенском Вире остановлены, законсервированы, и когда возобновятся – неизвестно.

Можно вспомнить и войну 1941-1945 гг, в которой больше сербов погибло от рук своих же сограждан, чем от рук немецких фашистов. Партизаны, коммунисты, четники и усташи убивали друг друга с бОльшим озлоблением и в бОльших количествах, чем немцы, во всяком случае немцы в первый период войны. В итоге верх одержали коммунисты, и под руководством И. Б. Тито стали проводить политику образования единого «югославского общества», где даже в паспортах стояло «югослав». В СССР до этого не дошли, и в паспортах в графе «национальность» не писали «советский». Эти попытки снять национальный вопрос в многонациональной стране, что усугублялось наличием трех основных религий – православные, католики и мусульмане, провалились, что и привело к кровавой войне 1990-х. Показательным явилось то, что ЮНА (югославская народная армия) не хотела стрелять по своим, хотя «свои» же по солдатам армии охотно стреляли. В итоге армия несла значительно бОльшие потери, чем повстанцы. К тому же из многонациональной армии многие разбегались по своим национальным регионам. Война стала демонстрацией полной неорганизованности руководства, от верховного до местных руководителей, к тому же и коррупции. В итоге страна распалась. Оттого и продолжающийся пессимизм. У многих сербов острое ощущение, что страна борется за выживание.

Это отразилось и на конференции. Раскол в стране не может не привести к расколу в науке, в ее организации. Официальные инстанции в лице САНИ (Сербской академии наук и искусств) и философского факультета Белградского университета фактически бойкотировали конференцию, заявив еще до ее начала, что она ненаучна. Это тоже отражает раскол. С другой стороны, конференцию посетил Государственный секретарь Республики Сербия Мирослав Тасич, который представляет также Министерство культуры и информации.

В среде сербских ученых у многих резко выражено недовольство «официальной гуманитарной наукой», которая, по их мнению, занимает выраженные антиславянские позиции. Многие часто упоминают Ватикан, «международную закулису», «западную конспирацию», и при этом также кивают на академию. Вместе с тем в стране есть много активных ученых прославянской направленности, которые ведут самостоятельные исследования, публикуя множество книг, и не собираясь согласовывать

проходила, только на вебсайты, эффект которых в анонсе, конечно, крайне мал. Правда, в ходе самой конференции ситуация несколько изменилась, возможно, под продолжающимся давлением организаторов. На второй день конференции вышел номер центральной сербской газеты «Политика», в котором на полную страницу было помещено «эксклюзивное интервью» с автором этих строк, о ДНК-генеалогии и истории славян на Балканах. По телевидению были показаны несколько интервью, первое, правда, частного ТВ канала, но последнее уже государственным каналом. Было взято немало интервью журналистами, и было видно, как их волнует и вдохновляет история славянской Сербии. В этом отношении ДНК-генеалогия в Сербии упала на благодатную почву.

В ней, ДНК-генеалогии, увидели новый угол исторического рассмотрения, в противовес «официальной истории», «академической истории», которая утверждает, что славяне на Балканах и в Сербии люди пришлые, и появились только в 6-м веке нашей эры. Всех до одного, с кем я встречался, такая постановка «официальной истории» глубоко возмущала. Психологически – это тоже часть выживания славян и Сербии на Балканах. Если они пришлые, без корней, то выживание обречено. Так что хотим мы или не хотим, но выводы ДНК-генеалогии в Сербии исключительно политизированы. Поэтому наша задача в том, чтобы сами выводы были максимально корректны, как и сами исследования. Но если правильные, корректные выводы помогают людям приобретать уверенность в жизни, в выживании, в своей правоте, то я буду тому только рад. Значит, не зря.

Такое поведение Академии (САНИ) и философского факультета, который, кстати, контролирует и археологические раскопки (как уже упоминалось выше, они же их и заморозили), вызвало общее возмущение участников Конференции. Этому целиком было посвящено заключительное заседание конференции в Лепенском Вире. Были приняты письма протеста, принято решение обратиться в суд с выдвижением конкретных юридических действий с обвинениями в нарушении закона, благо среди ведущих участников и организаторов конференции были профессиональные юристы, начиная с председателя оргкомитета Б. Митровича. Пошли письма протестов со стороны, в особенности активным оказалось Правительство Республики Сербской Краины (в изгнании), они разослали протесты против Академии и философского факультета в сотни, если не в тысячи дипломатических и прочих адресов (приводилась цифра в 30 тысяч адресов). Для сведения, кто не знает – Республика Сербская Краина – бывшее (непризнанное) сербское государство (основные города – Книн, Вуковар, Петринья) с населением более 400 тыс человек на территории Хорватии, которое было образовано в 1991 году в ответ на стремление Хорватии отделиться от остальной Югославии. Существовало до 1995 года.

Правительство в изгнании возрождено в 2005 году, имеет президента, министра обороны, имеет посла в СНГ (Драган Станоевич). Президент Милорад Буха и подписывал эти письма протеста. В них упомянуты и итальянский лингвист Джианкарло Томецоли (тоже участник конференции), который показал непрерывность культуры славян на Балканах по меньшей мере с 4500 лет назад, и доказал, что письменность того времени в минойской Греции, на Крите, Малой Азии и на Балканах была пра-славянской, и автор этих строк, с работами о древности предков славян на Балканах и на Русской равнине.

Отдельный протест Республики Сербская Краина был о том, что даже в винчанском музее не показаны письмена, обнаруженные в Винче, при том, что показ или не показ контролирует Академия. Упор в протесте делался на том, что это – обычная антиславянская практика Академии.

Настроение многих участников конференции, как и значительной части интеллигенции Сербии, отражает ситуация, происшедшая при нашем появлении в Лепенском Вире. На стене зала заседаний был высвечен слайд со словами *Lepenski Vir*. Вошедший с нами директор был немедленно вербально атакован сербскими участниками, - почему надпись латинскими буквами, а не кириллицей. Директор оправдывался, что многие посетители – иностранцы. Это вызвало еще большую волну возгласов, что идет заигрывание, подлаживание под иностранцев, а фактически – предательство национальной культуры, языка, истории. На фоне возмущенных речей из зала раздался женский крик на сербском – «Латынь – язык прошлого, а язык будущего – русский».

Перечислю несколько докладов, которые могут представить интерес для читателей Вестника.

Драголюб Антич, член Петровской Академии науки и искусства, физик, представил доклад о природных физических условиях во время становления первых европейских цивилизаций. По его мнению, первые цивилизации создавались около 40 тысяч лет назад на Балканах, в Малой Азии и в северном Причерноморье.

Джианкарло Томецоли привел данные о непрерывности культуры славян на Балканах, привязав это к теории палеолитической непрерывности. Его специальность – расшифровка древних текстов, и он доказывает, что древние надписи на о. Крит и в минойской культуре можно расшифровывать на основе древних славянских языков.

Андрей Александрович Тюняев прочитал доклад об астрономических наблюдениях в мезолите и неолите на Балканах и Русской равнине. Он привел археологические материалы о распределении находок по Русской равнине (больше всего – в Ярославской области), и дал многочисленные примеры древнего славянского фольклора и славянских мифов.

Елена Миронова (Ростов-на-Дону) в своем докладе показала сходство керамики из двух неолитических культур – Триполье-Кукутень (Украина-Молдавия-Румыния) и Бан-Чанг (Таиланд). Это сходство проявляется, по ее словам, по 14 параметрам керамики, и не может оказаться случайным. На первый взгляд, столь большая удаленность двух культур делает такое их взаимодействие невозможным. Однако в беседе с Еленой я заметил, что древняя миграция носителей гаплогруппы R1a из северо-западного Китая в Европу и Триполье, в частности, может оставить сходные материальные признаки в обеих неолитических культурах, пусть и разделенных тысячелетиями.

Председатель Оргкомитета Божидар Т. Митрович вручает книги Андрею А. Тюняеву

Автор этих строк представил пленарный доклад «ДНК-генеалогия предков славян со времен Лепенского Вира и Винчи». Были представлены данные о древности арийского эпоса на основании астрономических данных, упоминавшихся в индийских ведах, показаны гаплогруппы и гаплотипы жителей Балкан и Сербии, в частности, приведено дерево 185 гаплотипов Сербской Воеводины, на этом примере показана методология ДНК-генеалогии. Рассказано про анализ древних ископаемых гаплотипов, и поставлен вопрос о становлении этого направления современной науки в Сербии. Так, в Лепенском Вире найдены три скелета, с датировкой 11-9 тысяч лет назад, все европеоиды, антропологи считают их кроманьонцами. Было бы крайне интересно установить их гаплогруппы и гаплотипы, и провести связь с гаплогруппами и гаплотипами современных жителей Сербии. Если бы эта прямая связь обнаружилась, вопрос о том, когда сербы пришли на эту землю, был бы снят.

Эта постановка задачи много обсуждалась в ходе конференции и после нее. Я написал письмо Эрику Крубези (Тулуза, Франция), запросив о возможности сотрудничества с Сербией в этом отношении, и сообщив, что с сербской стороны в этом могла бы участвовать д-р Бояна Панич, специалист по анализу ДНК, возглавляющая частную компанию в Белграде по анализу ДНК для целей криминалистики, и получившая образование в Англии. Д-р Крубези тут же откликнулся, выразив интерес к ДНК-анализу скелетов Лепенского Вира (в Винче костей не найдено, вероятно, сжигались, хотя зольных остатков пока не найдено), но справедливо отметил, что для этого необходимо решить массу вопросов, среди которых финансирование не самое сложное дело.

Милутин Ячимович прочитал доклад на тему «Арийско-Винчанская Троянская цивилизация». По мнению (и данным) автора, эта цивилизация сформировалась 8000-4000 лет назад, с центром в Шкодере, который стараниями Шлимана (которого автор считает откровенным мошенником и позером, специалистом по маркетингу своих «открытий») передвинулся с Адриатики в малую Азию, и стал не сербско-славянским, а греческим.

На ту же тему выступил Милан Ристанович (Сорбонна, Париж), который заключил, что анализ «Илиады» и «Одиссеи» Гомера показывает, что там описывается Адриатика, а не Малая Азия и Эгейское море.

Об этом же говорил в своем докладе Новак Андесилич (Подгорица), что Гомеровская Троя по всем описаниям находилась не в Малой Азии, а на Балканах.

В программе конференции было более 60 докладов, и все даже перечислить невозможно, не то, что описать. Дополнительные сведения о докладах и о конференции в целом дал А.А. Тюняев в своей замечательной статье в этом же выпуске Вестника (см. выше).

В последний день конференции нас повезли в Винчу, и оттуда – в Лепенский Вир. День был – желать лучше некуда. Археологический памятник Винча располагается на высоком обрыве, смотрящем на широкий Дунай. Слои почвы были видны как на ладони, возможно, это были и культурные слои. К сожалению, раскопки законсервированы, из 15 тысяч квадратных метров фактически раскопаны только 400 кв. метров, и там найдены тысячи предметов древнейшей цивилизации. Возраст культуры 7300-6200 лет. Костей пока не нашли, и никто не знает, почему. Возможно, покойников сжигали, но такого места с золой не найдено. Возможно, сжигали на воде Дуная, отправляя огонь на лодках вниз по течению, но это пока чистые предположения.

Рядом с законсервированными раскопками – маленький музей в несколько витрин. К разочарованию специалистов, винчанских знаков, которые некоторыми исследователями принимаются за письмо, в музее не было. Их нет ни в одном музее, они спрятаны. Почему спрятаны – никто не знает. В музее темно, горит только тусклый свет. Почему – тоже никто не знает. В первой витрине, как оказалось, муляжи. Самих «артефактов» нет. Почему – никто не знает, хотя их, как сообщается, несколько тысяч.

В любом случае, поездка была замечательной. На берегу Дуная нас встретили хлебом-солью, были древние народные танцы нарядно одетых девушек и парней. Кто-то постарался и подготовил. Была игра на флейтах и протяжные древние песни.

Оттуда мы поехали в Лепенский Вир, несколько часов езды вдоль Дуная, до границы с Румынией. Раскопок там сейчас тоже нет, центр работает только на прием посетителей. В отдалении стоит макет древнего шалаша, в здании – три скелета в стеклянных витринах. Несколько «артефактов». Никакого оживления, что можно назвать пустотой, хотя место фантастически интересно. Оказывается, Лепенский Вир даже не занесен в списки ЮНЕСКО и подобных организаций. Легально – его просто нет.

В ходе конференции и в перерывах авторы несли книги с дарственными надписями, которых (книг) в итоге у меня набралось более 30 кг. Учитывая, что я после конференции еще был в других европейских странах почти неделю, было не очень удобно таскать все это на себе, но книги бросить было нельзя. Почти все книги были на сербском, но в целом текст понятен.

Перечислю эти книги, для их рекламы, если угодно, поскольку за пределами Сербии эти книги большей частью неизвестны.

Начну с совершенно капитальной книги Божидара Митровича, председателя оргкомитета конференции, под названием **«КолоВени и континуитет культуры и права»** (2008). Книга огромного формата в 750 страниц, совершенно роскошно изданная. В ней – сотни цветных гравюр, карт и прочих иллюстраций, с изложением истории и культуры славян с древнейших времен (Лепенского Вира 11-9 тыс лет назад, Винчи 7300-6200 лет назад) до настоящего времени, письменна этрусков, древнерусские летописи и так далее. Книга Б. Митровича – это поистине сокровищница славянской культуры.

Следующая книга – Милутина Ячимовича «Троя – сербская столица Шкодер».

Интересна биография М. Ячимовича. Он родился в Сербии, в семье крестьянина, в 1991 году окончил юридический факультет университета «Светозар Маркович» в Крагуевце. Написал несколько эссе по литературе и философии. Около 20 лет изучал историю Гомера и Трои, публиковал статьи по этой теме, и пришел к заключению, что античная Троя находилась в Скадре (Шкодере). Перед тем, как опубликовать свою основную книгу на эту тему, напечатал статьи «Троя и Славяне (Сербы)» («Троја и Словени (Срби)») и «Сербы и Албанцы на сербской земле». Избран членом Петровской академии науки и искусства в Санкт-Петербурге.

Гойко Вртунич написал превосходную книгу «Европейцы и сербы» (2012), в которой проводит детальный лингвистический анализ индоевропейских и славянских языков, кельтских праздников, обычаев, мифологии, этрусского языка в сравнении со славянскими языками и латынью. Уже на форзаце

автор размещает цветные карты современного распределения гаплогрупп I, R1a, R1b. В заключении книги обильно цитируются наши работы по ДНК-генеалогии.

Книга Йована Деретича «Сербы – народ и раса» на 400 стр проводит подобное рассмотрение сербского языка, культуры, истории с древнейших времен до средних веков.

«История сербов и русских» Й. Деретича и Драголюбa Антича в трех томах (первые два тома, 2010 и 2011), третий том только что сдан в печать, и в нем уже ссылки на наши работы по ДНК-генеалогии. Из оглавления первого тома:

- Методология изучения истории
- Тысячелетний процесс формирования европейского пранарода
- Сербо-русы – европейский пранарод
- Древняя история сербо-русов
- Сербица – первая письменность
- Сербо-русская вера и обычаи
- Походы сербо-русов на юг и восток
- Первый арийский поход (первое сербо-русское царство)
- Сербо-русы в Месопотамии
- Арии Индии – потомки сербо-русского пранарода
- Сербо-русская культура Крита
- Финикийцы и их торговля с сербо-русами
- Второй арийский поход
- Сербо-русы и греки
- Сербо-русы Малой Азии
- Сербо-русские племена Европы
- Сербо-русские в евразийских степях
- Сербо-русские киммерийцы и скифы
- Троянский поход
- Сербо-русы после Троянского похода
- Общий взгляд на древнюю историю сербо-русов

Это – только часть оглавления. Многие разделы звучат непривычно для «академической истории», и неудивительно, что представители последней «кривят губу» и обычно полностью игнорируют результаты и выводы исследований. В общем, картина знакомая. В дискуссии и полемику «академические ученые» не входят. Они – в своей парадигме, и история на самом деле их, похоже, не очень интересует. Точнее, если и интересует, то только по своим канонам и правилам. Шаг в сторону – побег. Вспоминаю, как я беседовал с российским историком, специалистом по славянам. Времена ниже середины 1-го тысячелетия нашей эры его не интересовали.

Разговаривать о данных на основе ДНК-генеалогии он отказался, ДНК-генеалогия как инструмент и вообще его совершенно не интересовала. Он сказал примерно так – я не хочу в ту сторону даже смотреть. Классический академичный «хомо историкус». И зачем ему, в самом деле? Начальство узнает – могут наказать. В плане работ на пятилетку такие исследования не предусмотрены. Зарплата хоть и жалкая, но все же какая-то идет. Если не очень тепло, то все-таки хоть сыро.

Второй том книги Деретича и Антича в основном посвящен походам Александра Македонского, в контексте древней истории сербо-русов. Видимо, исходя из того, что в Греции и на Средиземноморье вообще в те времена доминирующей силой были славяне, авторы называют поход Александра Македонского третьим сербо-русским (арийским) походом. Звучит опять непривычно, но для рассмотрения нужно разбираться. Вполне возможно, что ДНК-генеалогия покажет, что именно так и было. И тогда станет понятным приток гаплогруппы R1a в Иран и Индию с запада, а не только с севера, если таковой поток (с запада) будет обнаружен. Но гаплогруппы I2 в Индии и Иране нет, что заставляет усомниться в заметной доле I2 среди сербо-русов в те времена, во второй половине 1-го тыс до н.э.

Эти же авторы, Й. Деретич и Драголюб Антич, написали книгу «Србица» («Србица», 2009), о древнем славянском языке. В книге есть разделы:

- Принципы изучения истории письменности
- Палеолитические корни письменности
- Первая письменность
- Расширение пранарода на юг и восток
- Письменность Месопотамии
- Письменность Индии
- Письменность Крита
- Финикийская письменность
- Арамейская письменность
- Греческая письменность

- Семитская письменность
- Письменность малоазийских сербско-русского народа
- Расенская и латинская письменность
- Европейская руническая письменность
- Руническая письменность евразийских степей
- Черты и резы – прекирилловская письменность
- Кириллица.

Книга Божидара Митровича – «Азбучна Математика Винче», опять великолепно оформленная, красочная книга, насыщенная цветными иллюстрациями, с похвальным предисловием профессора математики Белградского университета Милана Божича. В книге показано историческое становление цифр и букв с древнейших времен до нашего времени. Книгу восхитительно даже просто листать, не говоря о том, что читать.

Книга Биляны Живкович «Ясеновац и Сребреница», о концлагере второй мировой войны (Ясеновац) и резне во время войны войны в Югославии 1991-1995 гг. (в Сребренице). Первый был создан хорватскими усташами (хорватскими фашистами) в августе 1941 г., в 60 км от Загреба. В нем планомерно уничтожали сербов, евреев, цыган, хорватов-коммунистов. По официальным данным югославских властей там погибли 840 тысяч человек, по книге Б. Живкович – 700 тысяч человек. Относительно Сребреницы, где согласно принятой в международном сообществе версии, боснийские сербы убили 7000-8000 боснийцев, картина на самом деле была отнюдь не столь однозначной. Б. Живкович приводит факты и дает свою версию событий.

Книга того же автора – «О сербском вопросе» («О српском питању – Разговори са Петром Милосављевићем»). Сборник интервью с профессором философского факультета Белградского университета П. Милосављевићем (р. 1937).

Писатель-историк Драгослава Копривица подарила книгу «ДрагоСлавия», в которой изложила свои представления об истории ариев. Внимание привлекла глава в книге «ДНК Аријевског Рода», в которой подробно пересказаны мои ранние работы. Я уже упоминал, что ДНК-генеалогия в Сербии воспринята с большим энтузиазмом. В книге Драгославы много размышлений об ариях, о славянах, о германцах Тацита, цитируется Вергилий, Гете, Лейбниц, персидская поэзия – в общем, это книга – историческое размышление. Сама Драгослава окончила факультет политических наук Белградского университета, член Союза писателей Сербии.

Еще две книги особенно интересны. Их мне подарил иеромонах Галактион (в миру Бранко Арсенович) из Ковыльского монастыря, куда я поехал по его приглашению уже после завершения конференции. Сопровождали меня Божидар Митрович и Милолюб Цветич, им обоим я очень признателен. Монастырь находится примерно в 60 км от Белграда, в совершенно райском месте, недалеко от Дуная, на 800 гектарах монастырской территории. Там, как водится, делают свечи, ракию, монастырские ликеры, там же, на территории, пчелиные ульи и прочее хозяйство. Монах Галактион изучает историю своего народа, и подарил мне книги – крупноформатную «Жилища Лепенского Вира» и «Обрядные песни древних сербов из Индии», каждая в 500 страниц. Первая книга – детальное изложение археологии Лепенского Вира, в контексте древней сербской культуры, религии, письменности, домостроительства. Вторая – исследование древних сербских сказаний и обрядных песен, содержащих сведения о возможном возвращении древних сербов из Индии, что почти везде сопровождается словами «проклятая Индия». Галактион показал мне книгу на сербском языке, изданную в 1869 году, которая и послужила ему толчком для написания значительно более полной книги. Я с удивлением увидел у монаха перевод своей ранней статьи «Откуда появились славяне и индоевропейцы: ответ дает ДНК-генеалогия» (2008) на сербский язык, оформленный в виде брошюры с монастырскими иллюстрациями. Галактион сказал, что эта статья его так впечатлила, что он рассылает ее перевод по разным епархиям Сербии. Я с удовольствием обещал ему презентовать анализ его ДНК, раз он так интересуется ДНК-генеалогией. Обойма толстых монастырских восковых свечей и несколько объемных бутылок монастырской ракии и ликеров утяжелила мой и без того тяжелый багаж, но такая ноша только приятна.

Белград, у слияния Дуная и Савы. Слева направо – Жианкарло Томеццоли, Елена Миронова, Галина Клёсова, Анатолий Клёсов.

Белград очень понравился. О прошедшей войне почти ничего не напоминает, кроме нескольких разбомбленных зданий. Оживленные и неторопливые пешеходные улицы, прекрасные рестораны, вкусная и разнообразная еда, домашнее вино в фужерах. Невероятно дешевый и разнообразный овощной рынок почти в центре города (правда, дешевый для иностранцев, поскольку в стране, как упоминалась, значительная инфляция динара). Красивые, ухоженные православные храмы в городе.

Этим бы приветливым людям – да уверенности в завтрашнем дне.

А.А. Клёсов

Приложение – фотографии от Винчи. Представлены О.В. Валецким

Релјеф на коме је представљена жена у лежећем положају, која у наручју држи дете. На петоугаоним лицима пластично су моделовани носеви, док су очи урезане. Детаљи одеће приказани су урезивањем. Површина на којој фигуре леже вероватно представља део постеље.
Објављено: Васић 1936а: 152, сл. 322; Васић 1936б: 121, сл. 556 а, б; Бабовић 1984б: кат. 177.

54. *Lady of Vinča*
Ископавања 1929, дубина 4,8 m
Печена глина; висина 13,2 cm
Археолошка збирка Филозофског факултета, инв. бр. 1222
Фигурина жене која седи на постољу. На петоугаоном лицу налазе се пластично моделован дугачак нос и крупне урезане очи. Десна рука савијена је у лакту и положена на дојку. Одећа са V изрезом приказана је урезаним, наизменично црно полираним и црвено бојеним тракама. Перфорације се налазе на лицу, темену и рукама.
Објављено: Васић 1932: сл. 41; Васић 1936б: 113, сл. 539 а-с; Бабовић 1984б: кат. 179.

Олег Валецкий, его война и его книги

Предисловие редактора

С Олегом Витальевичем Валецким я познакомился на конференции в Белграде (см. предыдущую статью). Он подошел, и подарил мне книгу с авторским посвящением. Книга называлась «Югославская война, 1991-1995». Это был том в 650 страниц, 44 главы убористого шрифта. Она написана не только военным человеком, но русским добровольцем на той войне, воевавшим за сербов.

Валецкий, Олег Витальевич

Югославская война, 1991-1995 годы/О.В. Валецкий. - 3-е изд., дополненное и переработанное. - М.: Крафт+, 2011. - 656 с: ил. - ISBN 978-5-93675-180-6

Книга посвящена югославской войне 1991-1995 годов. Ее цель - помочь русскому читателю представить, чем был гражданский межэтнический вооруженный конфликт в бывшей Югославии. В книге проводится глубокий анализ военной ситуации, политической игры, ведшейся всеми участниками конфликта, роли и действий ООН, НАТО и ЕС, даются исторические экскурсы, показывающие истоки югославской войны и объясняющие многие ее «странности».

Автор, участник тех событий, попытался систематизировать опыт югославской войны, сопоставив его с опытом других подобных гражданских войн, вывести из полученных аксиом некоторые теоремы, могущие быть полезными в будущем, и потому вопросам типа «кто виноват?» в данной работе он предпочитает вопросы «что делать?».

Как это бывает, и, наверное, бывает почти всегда, добровольцы оказываются меж двух огней. К ним относятся с подозрением как те, за кого они воюют (точнее, начальство и бюрократия, милиция, а порой и сами военные, за кого они воюют), и у себя на родине. В другой книге, «Волки белые», О. Валецкий это наглядно описал. Отряд «Белые волки» - это разведывательно-диверсионный отряд 1-й Романийской бригады, который состоял в немалой степени из русских добровольцев. Чтобы не пересказывать автора, я дам оглавление книги «Волки белые» и ее предисловие (в сокращении), а также две главы из книги, относящиеся к двум разным периодам войны в Югославии, очерк о войне в Македонии, а также помещу очерк О. Валецкого о добровольческом факторе в Сербии. На первый взгляд, это не

имеет отношения к ДНК-генеалогии, но на самом деле показывает взаимоотношения между этническими группами, к тому же в критических условиях. Это позволяет лучше осознать исторический контекст того, чем мы занимаемся.

Ниже – несколько фотографий с войны в Югославии, представленных О.В. Валецким.

Русские добровольцы Вишеградской бригады, 1992 г.

Похороны казачьего атамана Котова Г.П., погибшего под Горажде в 1993 г., Вишеградское кладбище

Русские добровольцы Горажданской бригады Дринского корпуса ВРС под Горажде. 1993 г. В центре с автоматом – О. Валецкий

**Русские добровольцы и сербские солдаты Горажданской бригады
Дринского корпуса ВРС под Горажде. 1993 г.**

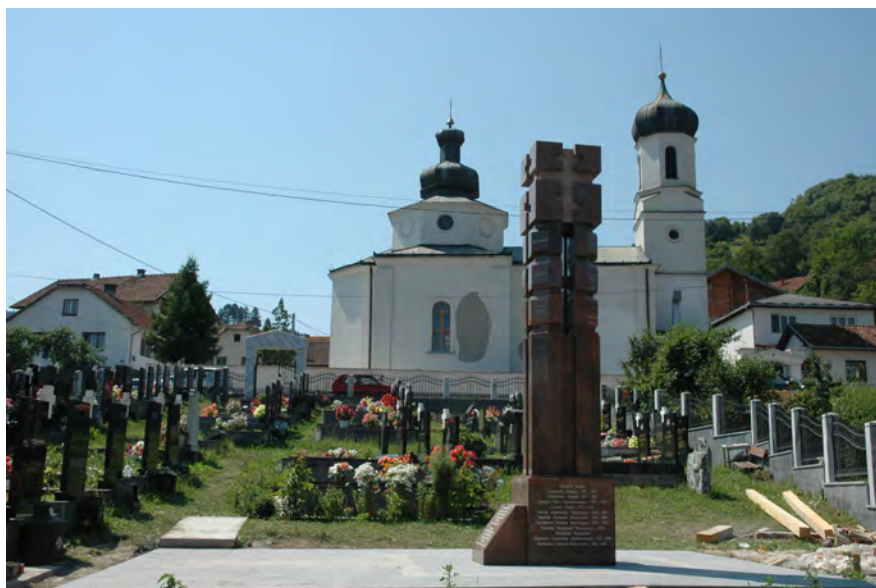
**Русские добровольцы Горажданской бригады Дринского корпуса ВРС
под Горажде. 1993 г.**

**Русский доброволец Виктор Десятов на позициях бригады
«Сербская гвардия» ГШ ВЗС. Олово, 1993 г.**

**Могила русского добровольца Виктора Десятова. Военное кладбище
«Дони Миливиче», Сербское Сараево, 1994 г.**

Памятник русским добровольцам. Установлен в 2011 г. на воинском кладбище г. Вишеграда, Республика Сербская

Похороны русского добровольца Анатолия Астапенкова, погибшего в составе интервентного (ударного) взвода 3-го пб 1-й Сараевской бригады в районе Златишты. Сараево, 1994 г.

Русские добровольцы 3-го пб 1-й Сараевской бригады ВРС. Сараево, 1994 г.

Александр Шкрабов, командир русского добровольческого отряда четнического подразделения Славко Алексича, действовавшего в Сараево. Погиб в июне 1994 г.

**Русские добровольцы 3-го пб 1-й Сараевской бригады ВРС. Пале, 1994 г.
Слева в нижнем ряду – О. Валецкий**

Разведывательно-диверсионный отряд «Белые волки» Сараевско-Романийского корпуса ВРС. Яхорина, 1994 г.

Русские и сербские солдаты. Игман, 1994 г.

Русские добровольцы ЮА на границе с Албанией. Косово, 1999 г.

Русские добровольцы в Косово. 1999 г. В центре О. Валецкий

Русские и сербские добровольцы в Косово. 1999 г.

Следующие три фото – освящение памятника Русским добровольцам в Вишеграде в 2011 году

Олег Валецкий - в середине, второй слева в нижнем ряду

Предисловие

Глава 1. Вышеград

Глава 2. Из Белграда в Сараево

Глава 3. Район Еврейского «гробля» и отряд Алексича. Операция Тырново-Игмана

Глава 4. Октябрь 1993

Глава 5. Командировка под Олово

Глава 6. Становление 3-го Русского добровольческого отряда

Глава 7. Зимние бои в Сараево

Глава 8. Перемирие в зоне Сараево

Глава 9. Поездка в Москву (апрель - июнь 1994)

Глава 10. Весна-лето 1994 года - смерть Шкрабова и распад отряда

Глава 11. «Белые волки»

Глава 12. Русские в сербской среде

Глава 13. Начало войны в Косово и мое прибытие в Приштину

Глава 14. Дреница

Глава 15. Особенности действий Югославской армии и УЧК

Книга цитируется по изданию 2006 года. Впоследствии вышло переработанное издание 2010 года.

Предисловие

К этой работе я приступил в 1996 году и рассматривал ее первоначально как дневниковые записи, сделанные по горячим следам. Но потом появилась необходимость осмыслить эти материалы. Задумывать книгу я начал еще в июне 1995 года, после возвращения из Югославии в Россию, но первые главы в относительно законченном виде были написаны в санатории под Предором. Может быть, это помогало не отупеть окончательно в бесполезных и бесплодных разговорах. Со временем работа меня увлекла, и я почувствовал, что обязан завершить начатую книгу.

Следующие отрывки были опубликованы в журнале «Солдат удачи» (5 и 6 номера за 1996 год)... Позднее, в 1999 году, после возвращения из Косово, я написал небольшую статью на основе своей штабной записки времен войны. Эту статью смог опубликовать в Белграде Георгий Джюриич, потомок русских эмигрантов и переводчик с русского языка. К сожалению, я лишь в 2001 году познакомился с компьютером и Интернетом и опубликовал свои записки о Косово в том же «Солдате удачи» (2 и 4 номера за 2002 год)...

Так как пересылать материалы из Республики Сербской в Сибирь было весьма непросто, лишь недавно я смог подготовить сокращенный вариант своей книги. Именно поэтому в ней не описан полностью период моего двухлетнего участия в войне в Боснии и Герцеговине как военнослужащего Войска Республики Сербской (согласно военному билету – с 15 марта 1993 до 19 января 1995). В то же время период моего участия в войне в Косово и Метохии как военнослужащего «Югославского войска» (Армии Югославии) (6 апреля 1999 – 17 июня 1999 г.) охвачен достаточно полно. Возможно, эта работа окажется полезной, хотя бы потому, что дает какое-то оправдание непростым годам, проведенным мною в Боснии и Герцеговине – и вообще в Югославии (ныне – Союзной Республике Сербии и Черногории). Считаю, что книга может быть интересна и военным специалистам.

Вместе с тем, могу заметить на основании своего опыта, что ныне книгами народ не проймешь, и видимо, поэтому книг больше никто не запрещает. К сожалению, в России многие люди самодовольны и до чужого опыта им дела нет. Стало расхожим утверждение, что, мол, «Россия стояла и стоять будет», хотя этот тезис представляется несколько иррациональным, – дескать, поэтому сербский опыт изучать нет смысла? Конечно, сербы тут блестящим образцом не стали, и сами в немалой мере заслужили тот разгром, который пережила Югославия. Но все же даже в преуспевающей Москве людям следовало бы задуматься, почему в бывшей Югославии, отличавшейся относительно высоким жизненным уровнем, так быстро вспыхнула война, в которой людям все-таки пришлось заняться изучением военных вопросов, уже хотя бы ради собственного выживания.

Я не предлагаю каких-то готовых ответов, но лишь по мере сил вношу свой вклад в решение подобных вопросов, и эта книга, как я считаю, ценна тем, что автор постарался с максимальной точностью передать картину прошедшей войны. Конечно, кое-что я опускал, ибо в противном случае приходилось бы вмешиваться в чью-то личную жизнь, а кое-что старался описывать, не вдаваясь в излишне драматические подробности. Но в любом случае я просто не мог выдумывать мелодрамы о любви или «боевики» с сербскими витязями, русскими «медведями» и толпами моджахедов, ибо это было бы для меня, непрофессионального писателя, – враньем. Конечно, можно было бы издать книгу и в самой Сербии, где любят такие опусы, но вообще-то никакой поддержки от различных сербских «патриотических» организаций я не получил. Однако эту книгу я писал годами не ради сомнительного права стать очередным общественным радетелем за «славянское единство». Я не отрицаю необходимости подобного единства, хотя следует все-таки определиться с идеологией: любое здание нужно строить на твердом фундаменте, а крепкую общественную инициативу – на четком представлении, каково духовное состояние общества. Война лучше всего показывает его состояние, и поэтому пенять на эту книгу – все равно, что пенять на зеркало...

Глава 1. Вышеград

Теплый майский день 1993 года, я сижу за столом кафе Белградского железнодорожного вокзала и пью пиво из полулитровой кружки. Со мной мои боевые товарищи по нашему русскому добровольческому отряду, находившемуся с начала марта 1993 года под Вышеградом [небольшой город на реке Дрина в Восточной Боснии. – *примеч. ред.*] в Республике Сербской (образованной в Боснии и Герцеговине). Мы уже второй день дежури́м на вокзале, чтобы встретить своих товарищей из Вышеграда. За

это время мы видели двух русских добровольцев, возвращающихся домой из Республики Сербской Краины, потом еще одного русского, неведомо какими путями попавшего в Сербию – в состав специальной милиции, действовавшей в Косово. Попались нам на глаза кикбоксёры из Петербурга, но обоюдного желания продолжить знакомство у нас не возникло. Куда более приветливой и симпатичной, в отличие от героев спортивных побед, нам показалась девушка Илона из Днепропетровска. Она следовала домой не по собственному желанию, а из-за печати о депортации, поставленной ей местной полицией: Илона завершила свои обязанности танцовщицы в стриптиз-баре.

Тогда, после двух месяцев скитаний по боснийским горам, очень хотелось встретить своих земляков, но после долгожданного свидания с ними на местном базаре в Белграде ностальгия быстро улетучилась.

Впрочем, в отличие от моих товарищей, меня возвращение домой вообще не интересовало, так как никаких особых обязательств в России я не имел. Зато чувствовал глубокую неудовлетворенность, так как, провалявшись после ранения месяц в больнице города Ужице (Сербия), а до этого пробыв на фронте всего один месяц, ветераном себя назвать никак не мог. Да и эту войну я еще как следует не распробовал и поэтому очень хотел принять участие в какой-либо большой военной операции.

Не стану упоминать о предварительных переговорах, предшествовавших моей миссии на войне в Югославии.

Я воевал в составе бригады, собранной из сербов Горажде [крупнейший мусульманский анклав в Восточной Боснии. – *примеч. ред.*]. Толкового порядка там я не увидел. Наш отряд почти все время проводил в горах, лишь изредка посещая свою базу в штабе бригады, большом сербском селе Семеч: после мы опять уходили в горы.

Мой отряд состоял из сербов, казаков из-под Ростова-на-Дону, добровольцев из Москвы, Саратова и прочих городов бывшего СССР, общей численностью до 35 человек. Большая часть нашего отряда прибыла организованно из Москвы, остальные присоединились в Вышеграде (это были 8 человек из Питера, приехавшие на 2 недели раньше). Несколько человек перешли к нам из предыдущих добровольческих отрядов: 2-го РДО [Русский добровольческий отряд. – *примеч. ред.*], ушедшего в район горного массива Маевица, и казачьего отряда, переставшего существовать в феврале 1993 года.

Мы попали в сложную ситуацию, так как положение в Вышеграде сильно изменилось с ноября 1992, когда здесь появился 2-й РДО. Тогда сербские власти ощущали потребность в обороне: противник свободно передвигался по горам, непосредственно расположенным над самим Вышеградом. Войск у местного командования было мало, и его главную силу составляла лишь «интервентная чета» (рота быстрого реагирования) под командованием местного парня Бобана Инджича, да и та – далеко не в

полном составе. В этих условиях приходилось искать людей, умеющих владеть оружием и способных выполнять ответственные задачи, поэтому сюда приезжали не только отряды «специальной» милиции Сербии, но и добровольцы из Сербии и Черногории.

С одной из таких групп добровольцев мы познакомились сразу же по прибытии в Вышеград, они называли себя «скакавцы» (кузнечики).

В Республике Сербской и Республике Сербской Краине, которые являлись федерациями (а в некотором отношении, скорее, конфедерациями), местные власти были своего рода государством в государстве: даже порой самостоятельно определяли направление военных операций, разумеется, прежде всего, в интересах своих общин.

Всего за период с начала ноября по конец мая, в операциях под Вышеградом приняли участие около двухсот русских добровольцев. Действовали они в самое тяжелое для города время. Ведь части ЮНА [Югославской народной армии. – *примеч. ред.*] в лице Ужичкого корпуса, взявшего Вышеград 15 апреля 1992 года и уже почти захватившего Горажде, были в мае-июне возвращены в Сербию, и местные сербы оказались предоставлены сами себе – перед угрозой многочисленной группировки мусульман (почти двадцать тысяч человек). Опасность усиливало соседство с мусульманами из Санджака.

Впрочем, нельзя тут сербов представлять исключительно жертвами мусульман. Скорее, были они, прежде всего, жертвами собственной лени. Конечно, многие другие народы нынешнего мира могли в подобной ситуации проявить себя и хуже сербов, но оценивать кого-то по худшим примерам – все же дело неразумное. Между тем сербская власть несколько не была озабочена моральным состоянием собственного народа: скорее, наоборот, подавала ему отрицательный пример, ввергнув страну в хаос беззакония и коррупции. Тут уж явно было не до «высоких материй». Стоит ли удивляться, что войска Республики Сербской, получившие значительную часть вооружения и техники ЮНА (несколько сотен танков, а также БТР и БМП, две-три тысячи орудий и минометов различных калибров), уже в начале войны терпели поражения от фактически партизанских отрядов мусульман, плохо организованных и еще хуже вооруженных (не хватало даже карабинов и патронов к ним). Хотя мусульманские отряды в некоторых районах зачастую действовали в полном окружении сербов.

Превосходство в вооружении сыграло отчасти и отрицательную роль, так как смелые и инициативные командиры в сербских войсках нужны не были, и все в свои руки взяла местная номенклатура, озабоченная, помимо вопросов собственного обогащения, выполнением парадоксального приказа сверху, то есть из Белграда, – «ни шагу вперед».

Почему поступил такой приказ осенью 1992 года? Почему остановили все крупные наступательные операции сербских войск? Был

вопрос к дипломатам и политикам, в том числе – международного уровня. Однако было ясно, что сербы, не желая вести большие наступательные операции, часто оказывались не в состоянии проводить и малые.

Зато с большим энтузиазмом местная власть стала поощрять этнические чистки, проводившиеся как раз номенклатурным аппаратом под руководством из Белграда. Почему так произошло – вопрос не для этой работы, но сводить все дело к мести за гражданскую войну, шедшую в 1941–1945 годах, нельзя. Конечно, любое государство имеет право поступать так, как считает нужным, но тогда нужно уметь предвидеть последствия. Какие бы мусульмане ни были, а на арабов они точно не походили: иные наши добровольцы удивлялись, впервые увидев светловолосых пленных мусульман. Но если только в том же Вышеграде перебили весной-летом 1992 года свыше тысячи мусульман, причем как раз гражданских (в том числе женщин и детей), то как-то нелогично ожидать, что по соседству мусульмане в Горажде, Сребренице и Жепе не будут сопротивляться. К тому же трупы частенько выплывали по течению реки Дрины недалеко от Сребреницы и Жепы, и удивляться тому, что оттуда сербы были вынаны, нельзя. Удивляться можно было лишь той недобросовестности, которую проявили сербы в отношении к военному делу, словно не они, а кто-то другой находился в состоянии войны

Сформировавшаяся сербская Горажданская бригада имела в составе человек триста, а Вышеградская бригада была раза в три больше. В Руде также сформировалась бригада, по численности сопоставимая с Вышеградской. Впрочем, численность эта весьма условна, ибо у сербов были раздуты тылы, на помощь которых, как всегда, рассчитывать не приходилось. Русские же добровольцы входили в состав «интервентных» (ударных) отрядов, которые в этой войне несли главную тяжесть маневренных операций – «акций» (по-местному). Сербь могли рассчитывать, помимо интервентной четы Бобана Инджича из Вышеградской бригады, только на интервентный взвод из Горажданской бригады. Были также группы добровольцев из Сербии и Черногории. Русские добровольцы усиливали местные войска не только количественно, но и психологически, давая сербам значительную моральную поддержку, тем более, неприятельская пропаганда продолжала твердить об участии в боевых действиях тысяч русских наемников.

В этой связи напомним несостоявшееся взятие Горажде Ужичким корпусом ЮНА, в апреле 1992 года уже очистившим Вышеград от мусульманских боевиков, установивших там власть СДА [Странка демократской акции (Партия демократического действия), боснийская мусульманская партия. – *примеч. ред.*], преследовавшей сербов. Тогда же был «зачищен» соседний городок Руде. Ужичкий корпус наступал без всяких препятствий, и впереди его действовало несколько «интервентных» групп, обеспечивающих относительно безопасное продвижение техники. Многие

местные сербы, бежавшие в села от власти СДА, а то и в леса, присоединялись к войскам в качестве проводников. Конечно, люди гибли. Так, в одном тоннеле оказались запертыми со стороны мусульман несколько сербских бойцов: их вызволили через девять дней, и в живых осталось двое (об этом позднее в Сербии был снят художественный фильм «Лепа села лепа горе» – «Красивые села красиво горят»).

Сами местные мусульмане Подринья (область вокруг городов Вышеград, Руде, Рогатицы, Братунца, Сребреницы) воспринимали всю эту область как свою вотчину. Но их упорство и храбрость все же были сломлены: ЮНА уже почти вошла в Горажде. Однако затем генерал Ойданич, тогдашний командир Ужичкого корпуса, а впоследствии командующий всем югославским войском, по требованию свыше приказал частям ЮНА отходить в Сербию. Заменили их местные сербы, в то время хоть и лучше вооруженные, чем мусульмане, но плохо обученные, а главное, морально неподготовленные. В конце концов, мусульмане, в большом числе согнанные в Горажде, особенно в соседние села, так и не «зачищенные», пошли в августе в контрнаступление. В результате сербы потеряли: до двухсот человек убитыми, около тысячи – пленными (в том числе гражданских лиц), а также немалое количество орудий, минометов, танков и бронетранспортеров. Мусульмане тогда дошли за месяц до самого Вышеграда, и среди местных сербов настроения были не из приятных. Многие, обвиняя власть в предательстве, вообще уезжали из Республики Сербской.

Уже после войны, в одной телепередаче генерал Манойло Милованович, бывший начальник штаба ВРС [Войска Республики Сербской. – *примеч. ред.*], обвинил четверых сербских функционеров в продаже Горажде за 27 миллионов немецких марок [по современному курсу валют это составляет примерно 17 млн евро. – *примеч. ред.*], но следствия, конечно, так никто и не начал.

Приход первых русских добровольцев еще в ноябре во многом спас Вышеград, что признавали и многие мусульмане, говорившие, однако, о тысячах «руссов» под Вышеградом. Но и сами русские добровольцы давали основания для подобных заявлений, ибо воевали, действительно, «один за десятерых». После первого русского отряда «Царские волки» или 2-го РДО, прибывшего сюда в начале ноября 1992 года и достаточно хорошо себя показавшего (потери: один, Андрей Нименко, убит, и несколько бойцов ранено), в декабре в Вышеград прибыло пятьдесят казаков.

Одна из первых «казачьих» акций в районе Вышеграда – контрудар под сербским городом Руде, где совместно с ними действовали и добровольцы 2-го РДО. Этому предшествовало нападение мусульман на позиции бригады из Руде: дело едва не закончилось взятием самого города. Во внезапной атаке мусульмане перебили десяток сербских бойцов, а еще несколько десятков взяли в плен, причем многих просто подбирали у

дороги и тут же сажали в грузовики. Еще они захватили несколько единиц бронетехники, в том числе ЗСУ М-53 [зенитную самоходную установку. – примеч. ред.] «Прага» и до десятка орудий и минометов. Противник вклинился в сербскую территорию на глубину 20-25 километров, и в городе царила полная анархия. Сербское командование послало на помощь своих «интервентов» из Вышеградской бригады, насчитывающей, кроме десятка-другого сербов, и тридцать человек казаков, а также добровольцев 2-го РДО. Казаки под командованием Александра Загребова были главной ударной силой. Они разделились на две части, одна пошла по дороге, разбирая завалы в тоннелях, под прикрытием шедшего с ними БОВ (югославский вариант советской бронированной разведывательно-дозорной машины БРДМ-2), за которым шел «троцевец» (самоходная колесная зенитная установка с тремя автоматическими пушками калибра 20 миллиметров), причем в БОВе, как и в «троцевце», экипажи были казачьи. Вторая часть казаков пошла по горным тропам, дабы соединиться вместе уже перед последним селом, около которого и шла передовая линия сербской обороны.

Добровольцы 2-го РДО со своим командиром частью были с казаками, а частью находились при минометах, чтобы поддерживать ударную группу, в состав которой были включены сербские «интервенты». Обошлось без особых проблем, если не считать обстрелов из снайперских винтовок и пулеметов противника: от них защищали высокая обочина дороги и броня БОВ. Казаки даже чуть было не захватили грейдер (с его помощью мусульмане, видимо, хотели делать завалы), который следовал прямо на наступавшую по дороге группу. Но тот казак, у которого была радиостанция, находился под броней, а пока до него докричались, мусульмане увидели противника и тут же сдали назад. В село входит группа не стала, так как против этого был сербский командир, шедший с нею, а связь с командованием прервалась, и, в конце концов, группа возвратилась назад. Мусульмане же удерживать позиции не стали и тоже ушли к себе.

Во время акции произошел конфликт Загребова и добровольцев 2-го РДО, что потом надолго испортило взаимоотношения с казаками, тем более что сербское командование стало куда больше внимания уделять казачьей группе, чем 2-му РДО, до этого бывшему здесь в центре внимания. В конце концов, все закончилось покушением нескольких добровольцев Аса на жизнь Загребова, но тот отделался легким ранением, а потом казаки едва не употребили оружие против добровольцев. Впоследствии я слышал много обвинений против казаков, и хотя в частные проблемы влезать не хочется, но все же могу заметить, что воевали казаки хорошо, и зря сербское командование их тогда толком не использовало. Кроме них, в ночные рейды, требовавшие хорошей подготовки, практически никто не ходил.

Такие действия должны вестись отработанной группой: любое изменение плана чревато потерей связи, а то и открытием огня по своим.

Боевые действия ночью также требуют хороших нервов, дабы не обнаружить себя (вспышки в темноте хорошо видны) и суметь сохранить выдержку при «слепом» огне противника, который периодически постреливает очередями. Нападение должно осуществляться лишь при точном определении места расположения противника, и тут очень важно умение скрытно и бесшумно довести силы до линии развертывания в боевые порядки. Затруднено ночью и точное ведение огня, что требует более близкого контакта с противником. В этом плане хорошо помогали осадки, скрывающие звуки. Произвольное открытие огня, просто разговор или зажженная сигарета ведут нередко к разгрому группы – и здесь очень важна дисциплина и подготовка бойцов. Все они должны знать план нападения, дабы действовать быстро и решительно. От быстроты действий зависят либо полное уничтожение противника и занятие всех его позиций, либо своевременный уход, дающий большую, чем днем, безопасность, ибо противник, ошеломленный атакой, с трудом успеет собраться и решиться на преследование. Ночь лучше всего подходит для нападений на фланги и тыл небольшими группами: они парализуют движение противника, и нередко под ответный обстрел попадают его же собственные соединения.

Большое значение имеют приборы ночного видения (на светоусилении и тепловизионные), радары, в первую очередь – переносные. Югославская армия имела такой радар ИР-3 (вес в патрульном варианте – 5 кг, дальность обнаружения ползущего человека – до 300 метров, идущего – до 1500 метров), хотя он определял лишь движущиеся цели, и то вне укрытия. Естественно, важны и средства связи. Но радаров в местном сербском войске мне видеть не приходилось, уж не знаю, почему. Разработанные на предприятии «Энергоинвест» в сербском Сараево охранные системы, определявшие с помощью втыкаемых в землю штырей-датчиков уровень и направление акустического шума, обеспечивали прицельный огонь пулеметов, управляемых автоматически. Но и их не захотели принимать на вооружение. Ночью приходилось полагаться на местные приборы ночного видения, как правило, М-976 (бинокль, работавший на светоусилении), а также несколько ночных прицелов. Такой бинокль могла получить какая-нибудь интервентная группа, Все эти приборы обеспечивали при наступательных действиях нужное превосходство над противником, хотя, к сожалению, их было мало, а случалось, бинокль забывали на дневном свете, не закрыв стекло резиновой крышкой, после чего тот приходил в негодность.

Так что уже одно то, что казаки из Вышеграда ходили в ночные рейды, делает им честь. Сами рейды – дело опасное. Под Буяком одна казачья группа, возвращаясь на базу, пошла назад новым путем и натолкнулась на группу мусульман, шедших как раз к их старому

маршруту. Казаки тогда первые с близкого расстояния открыли огонь, нанеся противнику урон, но тот все же успел уйти.

Не все шло у казаков успешно и они, как и всегда на войне, несли потери. Сербское командование решило организовать «акцию» по взятию мусульманского села Твыртковичи, из которого противник сделал узел обороны. Казакам по плану отводилась ключевая роль. Их разделили на две группы: одна должна была ударить по самому селу, а вторая – отсечь возможную помощь противнику со стороны села Ораховцы. С третьей же стороны сербские «интервенты» и самоходное орудие, а также добровольцы из 2-го РДО Аса, имевшие минометы, должны были вести огонь по селу. Казаки перед «акцией» тренировались на своей базе Околиште на окраине Вышеграда. Они пошли след в след затемно: нужно было выйти на исходные позиции перед рассветом, дабы напасть рано утром.

Одну группу с самого начала стали преследовать неудачи. Сначала тяжело нагруженный боец Костя Ундров (из Москвы) качнулся в сторону и, сойдя с тропы, тут же наступил на противопехотную нажимную мину. Ему бросился помогать командир группы «Мирон», но и он подорвался. Такая же участь постигла их доктора Сергея Баталина, сумевшего все же потом оказать медпомощь ребятам. Косте и Мирону в больнице ноги сохранили, а вот Баталин ногу потерял и, позднее, возвратившись под конец войны в Вышеград, здесь же и умер.

От всей той группы к селу вышло всего двое, остальные, вместе с сербскими проводниками, в суматохе до позиций не дошли. Более успешно действовала другая казачья группа, которая должна была напасть на село и поэтому имела состав более подготовленный. Ею руководили: казачий атаман Геннадий Котов из Волгодонска и майор Загребов. С ними были еще десять человек – Игорь, Стас, Борис Я., Глеб, «Сися», «дед Валентин», Вася Ганиевский, Андрей К. , Женя Т. и двое сербских проводников. Эта группа, выйдя в четыре утра, дошла до исходных позиций, а так как сильный мороз загнал мусульманское боевое охранение по домам, то казаки успели поставить даже несколько взрывных устройств. Дождавшись шести утра и приведя в действие эти устройства, казаки открыли огонь в упор по выбежавшим из домов неприятельским бойцам. Так как опыта стрельбы тромблонами (винтовочными гранатами, выстреливаемыми со ствола) бойцы не имели, то пускали их только навесом через крыши домов в сторону убежавших. С другой стороны огонь открыли сербы. Минометы точно бить не могли, так как главным ориентиром была мечеть. У мусульман началась паника: ее усугубили точные попадания «деда Валентина» из снайперской винтовки. С противником было бы полностью покончено, но дело испортила мина, упавшая под ноги

Васе Ганиевскому, когда тот стрелял из «Золи» (местный вариант советской «Мухи»). Погиб не только он, но и сербский проводник Неделько, а казаку Игорю выбило глаз. Началась суматоха, в которой ударной группе было уже не до села, а резервной группы никто не предусмотрел.

Эти потери были у казаков не последними. В феврале 1993 года, попав в засаду, погиб их атаман Геннадий Котов, воевавший еще в Приднестровье, и в казачьей среде начались разлады: кому быть атаманом. Им стал Виктор З., ветеран Абхазии. Одна группа казаков тогда ушла под Церску. Отбыл в феврале из Вышеграда и 2-й РДО, за исключением самого командира Аса и двух его бойцов: Саши Кравченко и раненого Игоря Казаковского. В несколько измененном составе 2-й РДО перешел в мае 1993 года в Прачу, село в двух десятках километров от столицы Республики Сербской – Пале, где влился в состав местного батальона (штаб Подграб) 1-й Романийской бригады.

Сербские «интервенты» тоже понемногу разъезжались, так как основу их составляли тоже две добровольческие группы. Когда наш отряд приехал в Вышеград, я еще не знал, что 27 февраля 1993 года группа бойцов из состава этих «интервентов» остановила поезд Белград–Бар, проходивший как раз по территории общины Вышеград, и, выведя оттуда 21 мусульманина (естественно, живших в Сербии или Черногории), перестреляла их. Узнал я все эти подробности уже после войны, из сербской прессы, где упоминалось о двух добровольцах – вышеградских «интервентах» из отряда «Скакавцы», которых арестовала в Черногории местная милиция. Один из них, Небойша, был командиром того отряда, а главным обвиняемым, по сообщению МВД, являлся знакомый нам командир всего интервентного отряда Вышеградской бригады Бобан Инджич, с которым у добровольцев Аса отношения были натянутые. Главным же организатором был, согласно данным прессы, Милан Лукич, местный воевода, имевший весьма крепкие связи в верхах, особенно в Белграде, и он-то после подписания мирного договора в Дейтоне стал одним из главных обвиняемых в процессах Международного трибунала в Гааге, и случай с поездом был далеко не единственным пунктом обвинения.

К нашему же приезду ситуация здесь значительно изменилась. К марту 1993 года противник был отброшен значительно дальше от Вышеграда к селам Ораховцы и Джанкичи. Мы сразу же по приезду были переданы Горажданской бригаде в село или хутор под названием Семеч, а оттуда после нескольких незначительных боевых выходов нас маршброском отправили на высоты Заглавок и Столац, разделив на две группы: далее мы должны были двинуться в наступление на Горажде.

Наступление затянулось, и мы устроились на импровизированных и плохо укрепленных позициях на горах, покрытых лесами. Сразу же открылась слабость нашей организации, вызванная отсутствием элементарной подготовки. Не знаю, как обстояли дела в группе, посланной

на соседнюю гору Столац, которой руководил капитан третьего ранга Владимир Сафонов, петербургский политический активист «Русской партии». Я слышал, что неурядицы и у них бывали. Но вот у нас число командиров превышало всякий смысл. Кстати, свою лепту внесло и сербское командование.

Еще в Москве нашим неформальным лидером стал Леша, казак с Дона, воевавший до этого в Карабахе и Приднестровье. Он стал атаманом нашей походной казачьей станицы, в которую входили примерно пятнадцать человек, считавших себя казаками. Они были из Ростова, Омска, Екатеринбурга, Ставрополя, Москвы, Саратова, Киева.

Двое молодых ребят из Киева, Юлик и Тимур, сначала провозгласили себя «космополитами», но затем согласились стать приписными казаками. Деление нашего отряда на казаков и «неказаков» было весьма расплывчато, и проблемы возникали у нас из-за личных амбиций.

В командиры, кроме Леша, стремились и другие кандидаты – Миша, казак из Саратова, назначенный сербами общим командиром, так как он раньше прибыл в Вышеград в составе первого казачьего отряда. В роли военного советника выступал бывший командир 2-го РДО, Ас, с ним был его боец – Саша Кравченко, двадцатилетний парень из Караганды.

Сначала у нас все шло, слава Богу, хорошо, хотя шли мы на Заглавок, по моему мнению, на «авось». Вроде бы организовали оборону, все три бункера (так сербы называют любое укрепление, даже грудку камней, что и было в нашем случае), были устроены по самому верху Заглавка на открытой местности на расстоянии, не больше десятка метров друг от друга. Фланги наши были открыты, и противник вполне мог пройти по заросшему лесом склону и окружить нас. Мне вообще было непонятно, почему он нас атаковал, когда мог свободно сбить с высоты артиллерией. Слева же от нас была зеленая роща, в которой лопатами и техникой можно было создать основательные укрепления, но никто ничего делать не хотел. Командование очень туманно обещало нам акцию, и когда нам в помощь пришли еще несколько сербов, то они также расположились под открытым небом. Наш правый фланг, правда, был относительно надежен, так как там расположился «интервентный» взвод воеводы Велько, усиленный бойцами других сербских чет [подразделений, аналог нашей роты. – *примеч. ред.*]. С этим воеводой у нас в дальнейшем установились хорошие взаимоотношения.

К нам Велько относился с большим уважением. Мне было жаль, когда я услышал о его смерти в мае 1993 года. Погиб же он после того, как на своем грузовике привез нам тела двух убитых на Столце – добровольцев-питерцев Диму Попова и Володю Сафопова. Возвращаясь на грузовике, Велько подорвался на противотанковой мине.

Левый наш фланг был очень слаб. Гора Заглавок была высотой свыше тысячи метров, и по поросшему лесом склону могла пройти и

неприятельская чета (рота), тем более что близлежащее село Ораховцы неизвестно кому принадлежало. Мы также не имели точных данных о силах, средствах и нахождении противника. К тому же наше командование, затягивая с наступлением, допускало слишком большую концентрацию войск, делая их уязвимыми от огня неприятельской артиллерии, тогда как позиции были плохо оборудованы, в чем я легко убедился, проходя вдоль нашей линии обороны.

Оказавшись на Заглавке, мы частенько выходили в рейды на передний откос пострелять: то тромблонами, то из снайперской винтовки и пулемета, а то из миномета. Кстати, стрельба из миномета не произвела на меня никакого впечатления. Миномет наши «спецы» толком не укопали, и он, как бык на корриде, постоянно скакал и «сбивал» прицел.

В один из таких рейдов, организованных по нашей собственной инициативе, донской казак Борис, бывший афганец, едва не погубил, стреляя из пулемета, своих «братьев-казаков», правда, не по своей вине. Тогда Леша и Валера «Казна» решили пройти от переднего края Заглавка в правую сторону для того, чтобы лучше рассмотреть позиции мусульман. Им удалось увидеть, что мусульмане в каком-то доме устраивали свои позиции. Они послали Витю Десятова из Екатеринбургa и одного казака из Омска, по кличке «Очкарик», предупредить оставшихся (радиостанции у нас не было). Неизвестно, почему посланцы не поторопились с сообщением. Неожиданно раздался крик «мусульмане!», который спровоцировал шквал огня по каким-то далеким фигурам на самом дальнем краю горы. Все стали стрелять из автоматов, как оглашенные, особо усердствовал Боря. Вскоре, минут через 15, вернулись разъяренные казаки, которые отчаянно материли своих гонцов.

Я из этого боя вышел с рассеченной губой, потому что кто-то задел пулей разбросанные камни, а каменная крошка разлеталась, как осколки. Этот случай лишний раз доказывал ненадежность бункеров из камней без внутреннего или деревянного покрытия, а это было нормой по всей линии, – как русской, так и сербской позиций.

Не знаю, какие проблемы решали сербы, и почему они не укреплялись, но у нас почему-то возможным считали только наступление. А конфликты у нас чаще всего возникали по поводу дележки консервов и воды, нежели по поводу инженерных сооружений. Конечно, я не хочу представить дело так, что мы только и делали, что ссорились по каждому незначительному поводу, но разногласий по данному вопросу вообще не было, так как он совсем не поднимался.

Вообще винить нас было тяжело – ни я, ни кто-то другой из нас не мог самостоятельно начать укреплять дисциплину, а командование такими «мелочами» не занималось и даже не интересовалось. Условия, кто и как нами должен был управлять, даже не обсуждались.

Были, конечно, и в нашей группе, и в группе на Столаце люди разные. Среди них были слабые, были честолюбивые, были интриганы, но где в мире существует войско из идеальных людей?!

Я уже тогда с грустью осознавал, что военная организация заключена именно в искусстве использования того человеческого материала, который имеется в наличии. В крайнем случае, в отряде можно было устроить выборы атамана, затем, при необходимости, людей, согласно их желанию, поделить на две-три группы, внедрив дополнительно в каждую группу по одному-два добровольца, уже некоторое время провоевавших здесь и знавших язык и среду. Да и сербы нам могли бы оказать посильную помощь. Но было так, как было, и рассчитывать нужно было только на самого себя.

Это подтвердилось в ходе двух больших мусульманских нападений на Заглавок и Столац. И в первый, и во второй раз по нам били изо всех орудий и минометов. Лишь чудом этот шквал огня не нанес серьезных потерь.

Первый удар противник нанес с помощью минометов, хотя большого смысла в этом не было, так как мы особенно не укреплялись, а с более близкой дистанции его стрельба была бы эффективнее. Теперь же мы, предупрежденные неприятельскими минами и огнем из стрелкового оружия с переднего края Заглавка, успели перераспределиться.

Втроем мы вышли на опушку, откуда Саша Кравченко сделал несколько выстрелов тромблонами, и где я убедился в нашей уязвимости. Послав Сашу с сообщением, что отправляемся на разведку, мы с Тимуром короткими перебежками рванулись вперед. Со стороны противника стрелял снайпер, но его пули шли выше наших голов. Мы же, швырнув в овраг гранату и дав очередь из автомата, начали спускаться туда. Выйдя на другую сторону оврага, попытались снять снайпера, но из-за открытой местности от этой идеи отказались. Оставив Тимура, я двинулся дальше по краю склона горы и через метров пятьдесят опять был вынужден форсировать еще один овраг, поросший лесом. Пройдя метров 20-30 и посмотрев вперед, увидел, что оказался на самом краю Заглавка, но самое неприятное было впереди. За кучей камней – две головы на расстоянии десяти метров от меня.

Я был на самой кромке Заглавка на открытом снегу, лес начинался в десяти метрах подо мной, и вряд ли противник не заметил меня, одетого в черную синтетическую куртку и брюки защитного цвета. Я до сих пор не понимаю, почему тогда меня не застрелили... Или время для меня замедлилось, или мои противники были под наркотиками, но тогда, после секундного паралича, я вскинул автомат и дал длинную очередь по этим двум головам (позднее на этом же месте наши ребята нашли много крови и бинтов).

Затем я швырнул туда ручную гранату. Возможно, после этого я пошел бы и дальше, но обнаружил, что у меня остался один рожок патронов в автомате и одна ручная граната. В горячке боя я на это не обратил никакого внимания. Нужно было бежать отсюда, тем более что моя стрельба в самом тылу неприятельских сил наделала переполох. Я же вместо этого, пройдя немного назад, высунулся из-за обрыва и увидел в небольшой ложбине в сотне метров от меня с десятков бойцов противника и открыл по ним огонь. Внезапно что-то обожгло мне бедро, и я сполз под обрыв. Выругавшись, пополз назад (позднее ребята нашли в подмышке с автоматными рожками, который я закрепил на груди, еще одну пулю, пробившую рожок наискось, что, видимо, и спасло меня). Я позвал Тимура, но безуспешно, и уже хотел скатиться вниз и скрыться в лесу, но в это время он появился. Тимур взял мой автомат, и мы пошли в свое расположение. Каждое движение приносило невыносимую боль, штанина намочила от крови, за мной тянулся кровавый след. Один враг мы прошли без проблем, но на дне второго пули зацелкали по стволам деревьев над нами. Тимур вслух произнес: «Это конец», а я пожалел, что приехал сюда, на Балканы, но тут стрельба неожиданно прекратилась.

Мы вышли наверх врага. Я остался лежать на земле с автоматом и гранатой, а Тимур побежал за подмогой. Наши казаки, Володя и «Казна», чередуясь, вынесли меня к роще, где недалеко от наших бункеров стоял грузовик, возле которого меня и положили. Оказывается, за мной и Тимуром шла группа бойцов противника, возможно даже, они шли для окружения наших позиций. Казак Батя из Подмосковья снял одного из них из снайперской винтовки, заставив остальных сначала залечь, а потом отступить.

Моя отправка в госпиталь задерживалась на неопределенное время, так как перед этим уже ушел грузовик с сербскими ранеными. Водителя второго грузовика с ключами нигде найти не могли, и уже когда «Казна» хотел сам сесть за руль, прибежал Ас и «обрадовал» нас, сообщив, что Заглавок окружен и путь в тыл отрезан. Уже основательно стемнело, поэтому выезжать было нельзя. Неприятель не успокаивался, мины и снаряды с воем пронеслись над нашими головами и разрывались неподалеку. Меня это уже не интересовало – боль заглушала все. Обезболивающих препаратов у нас, конечно, не было. До утра я вытерпел, и тогда пришел серб с местным обезболиванием – бутылкой самогона – «ракией». Выпив ракии, я почувствовал облегчение.

Как выяснилось, главное нападение шло только на Заглавок, и наши потери были на удивление невелики. Кроме меня, ранило всего вроде бы двух сербов, а противник отступил. Меня на санитарной машине отправили в госпиталь в город Ужице (Сербия).

В мое отсутствие сербское командование все же попыталось организовать наступление. На другой стороне реки Дрина, протекавшей

под Заглавком, сербские «интервенты» смогли продвинуться немного вперед, затем на позиции вывели обычную пехоту, она и продолжала боевые действия. Не знаю, по каким причинам, но пехота вдруг снялась с занятых позиций, а сербские «интервенты» на бронемашинах, отправившись вперед, налетели на мины и потеряли шесть человек и одну бронемашину, после чего вынуждены были возвратиться.

Противник не дремал и готовил новое контрнаступление. Это наши поняли, когда отправились в очередную разведку и натолкнулись на разведку мусульман. Состоялся бой, в ходе которого был ранен Витя Десятков. Его сразу же отправили в госпиталь. Следующее нападение противника на Заглавок было для отряда намного тяжелее. На Заглавок они не выходили, но на Столаце приблизились вплотную к нашей второй группе из трех питерских ребят. Остальные по непонятным причинам были переброшены на Заглавок. В том бою погибли Дмитрий Попов, Володя Сафонов и четверо сербов. Питерец Паша Петренко все же успел прикрыть отход остальных сербов, бешено паля из пулемета с рук, а сам был ранен в спину. Трупы тогда вынести было невозможно. На Заглавке от артиллерийского и минометного обстрелов погиб Костя Богословский, только что приехавший из Москвы, а Саша К. был тяжело ранен осколком в голову. Контуженными оказались Володя «Бармалей» из Одинцова и Володя «Егерь» из Ростовской области.

Большая часть «казачьей походной станицы» тогда была на отдыхе, но, узнав о нападении, они двинулись на Заглавок и даже под сильным огнем успели взобраться на него, в результате чего противник Заглавком овладеть не сумел, но из штаба пришел приказ об отступлении, совершенно непонятный для нас.

Потом часто ругался Велько, проклиная каких-то начальников, бездарно погубивших людей, а своих детей отправляющих на войну только по безопасным тылам.

Нашему отряду повезло, что он не был собран весь вместе на горе, иначе бы потери были куда больше. Люди были распределены непродуманно, маневренные действия отсутствовали, да если и были, то, как правило, несогласованные с артиллерийским огнем, что обрекало операцию с самого начала на поражение.

Действия командования для меня были непонятны. Помню, как-то нам сообщили, что ожидается авианалет на неприятельские позиции в селе Джанкичи, которое находилось под нами.

Я тогда вместе с Асом и Сашей Кравченко устроился на краю Заглавка, с нетерпением ожидая зрелища авианалета. К моему разочарованию, прилетел какой-то сербский спортивный самолет. Противник открыл по нему огонь из зениток, но тот все же успел сбросить несколько бомб на позиции неприятеля, где раздался взрыв и поднялся высокий столб дыма, и с этим отбыл. Никакой связи с действиями пехоты

вообще не было, словно кому-то не терпелось испытать самолеты. Что же касается моего ранения, то в госпитале мне дали инвалидную коляску. На ней я лихо разъезжал и иногда получал в ней же, практически не вставая, кое-какие инъекции. Кроме меня, в госпитале было немало раненых, но в основном, конечно, там находились гражданские лица, так как это была мирная Сербия.

Я успевал познакомиться с разными людьми, и ко мне, в общей массе, люди относились с уважением.

Встречались довольно интересные случаи. Одна девушка лет двадцати, так же, как и я, разъезжавшая на коляске, была одной из выживших после того, как мусульманское командование устроило под мусульманской же Сребреницей резню с поджогами в нескольких захваченных сербских селах. В физиотерапии лежал мальчишка 12-ти лет, воевавший с карабином в руках. В больнице я познакомился с весьма радикальным и необычным для меня взглядом на курение. В одной палате со мной лежал тяжело раненый Бобан Инджич, командир интервентной четы, и как-то к нему пришли посетители, человек десять его боевых товарищей. Все они, как один, сели на кровати и задымили, благо, что не забыли открыть окно.

Прошло еще десять дней, хирург определил, что я здоров, меня посадили в машину и отправили в Вышеград, где я встретил недавно возвратившегося из Петербурга Валеру Быкова, бывшего бойца 2-го РДО. Валера в одном из боев был ранен, пуля пробила ему насквозь обе щеки, выбила зуб, за что он получил кличку «Меченый». Его помощь мне здорово пригодилась, так как костылями меня не снабдили, и от машины до казармы мне пришлось скакать на одной ноге. Нога же моя, вопреки прогнозам медиков, продолжала болеть, и мне пришлось возвратиться в Ужичкую больницу.

Меня положили в физиотерапию, где доктор Снежана после осмотра сказала, что без продолжительного лечения моя нога может отсохнуть. Такой диагноз меня не обрадовал. Этому доктору я до сих пор благодарен, как и всему медперсоналу, который относился ко мне с большим вниманием, и моя жизнь была скорее похожа на санаторную. Я периодически отправлялся на прогулки в город, который мне очень понравился.

Лечение шло успешно, хотя Снежана меня предупредила, что мне необходимы постоянные физические упражнения для того, чтобы сросся нерв, идущий от пятки до позвоночника. Этот проклятый нерв постоянно причинял мне боль.

В палате со мной лежал Костя Ундров, ростовский певец, воевавший еще в первом казачьем отряде (о нем я упоминал раньше). Костя в ночном рейде наступил на противопехотную нажимную мину, прозванную сербами «паштетами». Стояла обычная балканская зима, а Костя зачем-то

нацепил две пары теплых носков и еще великоватые по размеру ботинки. Поэтому, поскользнувшись на снегу, ткнулся ногой в «паштет» и повредил лишь пальцы на ноге. Первый раз, по его рассказам, большой палец поставили немного вкось, на что ему указали пришедшие к нему «поддатые» казаки, его боевые товарищи. Казаки решили устранить ошибку и попытались ему вставить палец на место, но тут же опять его сломали. Наконец с помощью врачей палец был поставлен правильно и на место.

После ранения я поторопился вернуться в строй. Мне было обидно, что половину времени двухмесячного контракта я провел в больнице.

На фронте ничего особенного не происходило. Противник понес в двух атаках большие потери: видимо, его пехота, шедшая на штурм, начала топтаться на месте и попала под артиллерийский обстрел сербов, а затем пошло в ход стрелковое оружие. Сербь говорили, что на той стороне потери достигали сотни человек. Если в это число включить и убитых, и раненых, то цифра все равно была довольно значительной, так как потери понесли самые лучшие формирования противника.

Однако некоторые наши товарищи стали уезжать до окончания контракта, объяснив, что «они не ожидали того, что увидели здесь», так что группа сократилась наполовину. Мне после выхода из больницы пришлось сразу же идти в очередной рейд, хотя бы для того, чтобы группа стала насчитывать не 13, а 14 человек. Была еще одна попытка наступления сербов, для которой были приглашены бойцы отряда милиции специального назначения, причем по рассказам, им было обещано по сотне-другой немецких марок и добытые трофеи. Но это наступление закончилось ничем. После того как четыре «специальца» (так их называли сербы) были ранены у одного бункера, от наступления отказались, хотя мы предлагали комбригу свою помощь.

Возвращаясь с Ивицы, Горажданская бригада взбунтовалась против своего командира, и мы были свидетелями того, как человек 200 с оружием в руках устроили митинг.

Наше пребывание здесь подходило к концу. Сербская община в Горажде не хотела тратить деньги на нас. 400 немецких марок в месяц по существу нельзя было назвать большой зарплатой даже для тогдашней Югославии. Эти деньги служили лишь для покрытий наших насущных расходов, тем более что билеты на обратную дорогу нам оплачивать никто не собирался. Даже не заплатили положенных по контракту раненым тысячи марок. Саше Кравченко, чье состояние здоровья было особенно тяжелым (он очень плохо видел, так как осколок пробил череп и придавил зрительный центр), заплатили всего 200 марок. В результате последнюю зарплату нам пришлось требовать, угрожая бунтом.

С деньгами все выглядело так жалко, что многие были злы на всех сербов. Конечно, положение в стране тяжелое, но ведь Югославия была

страной далеко не бедной... Обычный официант в кафе зарабатывал по 400 марок.

Были, конечно, неприятные инциденты и с нашей стороны. Во второй месяц двое наших казаков пустились в загул в Вышеграде и даже сумели развалить камеру в местной тюрьме. Но какое войско обходится без таких проблем? По крайней мере, они в Вышеграде не насиловали, не грабили, не убивали, а пара дебошей не в счет. На самом же деле все для сербской власти казалось привычным и спокойным, ибо война тут закончилась, и добровольцы ей просто не были больше нужны. Нас же привезли сюда по необходимости, – да Бог с ними, хотя бы простились с людьми по-доброму, но и этого не сумели сделать.

Построить нас и сказать всем «спасибо» власть вполне могла. И дело здесь не в том, что это касалось только русских, – нет. Так власть поступила со всеми, кто приезжал сюда с благими намерениями. Сербь тоже не были обделены таким отношением. Подобную «дребедень» и даже в худшем варианте я уже наблюдал на Кавказе. И многое отношу, скорее, к глупости, чем к злонамеренности, хотя и последнее исключать не следует.

Хотя особого желания воевать за сербов у меня тогда и не было, но мне хотелось увидеть, что же такое Босния и Герцеговина, ибо, что такое Россия, я уже приблизительно знал. К тому же я считал, что и сербам, и русским противостоят общие враги, и мне, по молодости лет, захотелось повоевать и в Сербии. В этом мое желание не остановил и последний инцидент с Вышеградской властью при нашем прощании.

Когда мы начали разъезжаться из Вышеграда, конечно, без званых обедов и вечеров дружбы, я и Юра, пятидесятилетний казак из Саратова, собрались ехать вместе. Правда, был путь через Рогатицу и Зворник, которым отправился сорокалетний Константин Ершков из московского землячества казаков, но мне нужно было заехать в больницу Ужицы, поэтому мне с ним было не по пути.

Мы с Юрой отправились автобусом через пограничный пункт Добрун. Юра ворчал и был страшно недоволен, что с нами поехали «космополиты» Юлик и Тимур, в этот день прилично выпившие. В общем, все было хорошо до Добруна, пока Юлик с Тимуром лишь распевали песни в автобусе. Перед отходом автобуса я попросил водителя взять у меня мой пробитый пулей автоматный рожок, так как знал, что сербская власть запретила русским вывозить какое-либо военное имущество. Только уже потом я узнал, как лихо через границу на Добруне «незамеченными» проходят полные грузовики в обоих направлениях. Но тогда закон из-за такой ерунды нарушать не собирался, тем более форма, которую выдали нам, была обычной формой солдат ЮНА по типу советского обмундирования, т. е. далеко не престижная, и не являлась камуфляжем. Водитель автобуса согласился взять рожок, а стоящий рядом с ним какой-то

молодой человек, как оказалось, словенец по национальности, что-то уважительное сказал о моем рожке.

Итак, все было хорошо до начала контрольного осмотра автобуса милицией Республики Сербской на пограничном пункте в Добруне. Вначале нас заставили только выйти из автобуса и достать из багажника свои сумки, в которых милиция бесцеремонно начала производить обыск. У меня с Юрой не нашли ничего, у Тимура же были брюки от нашей формы и ремень. Тимур тоже был недоволен таким обращением. Когда же милиционер начал хватать его за ремень, тот попытался оттолкнуть его, тогда «блоститель порядка» позвал своих коллег, которых на пункте было больше десятка, и Тимура отвели в сторону к укрытию из наполненных землею мешков. Тут в дело вступил Юлик, пытавшийся на ломаном сербском языке требовать, чтобы Тимура отпустили, попутно в раздражении вытаскивая из своей сумки какой-то военный ремень. Тимур со злостью ударил кулаком по одному мешку, который сразу же лопнул, и из него посыпалась земля. К нему подбежали милиционеры, ударили, завернули руки и надели наручники, приковав к железному столбу. Здесь я не выдержал и заорал по-сербски, чтобы они прекратили все это безобразия. На мои слова им было плевать, они просто вчетвером окружили меня и один какой-то маленький чернявый тип, выхватив пистолет, направил его мне в голову. При таком раскладе я перестал сопротивляться, и меня наручниками приковали рядом с Тимуром.

Милиция показала себя во всей красе и уже прикованного Тимура ударила несколько раз. Подобную публику, получившую полную безнаказанность, убеждать в чем-либо было бессмысленно. Но Юлик продолжал заниматься какой-то ерундой, предлагать им свои деньги в стиле «подавитесь, гады». Я смотрел и думал, что это похоже на демонстрацию того, кто здесь хозяин, на глазах у всех пассажиров автобуса, никто из которых, однако, за «братушек» не вступился. Наконец, приехал командир милиции, и началось обычное лицемерное успокоение страстей, хотя еще два милиционера пытались напасть на Юлика и Тимура, словно видели перед собой отъявленных врагов. Фаза болтовни закончилась, нас погрузили в грузовик и вывезли на территорию Сербии. Мы с Юрой были злы на ребят за инцидент, но я помнил, что они хорошо воевали и не трусили, поэтому все остальное можно было им простить.

В Ужице мы разделились, и я позднее встретил на железнодорожном вокзале наших казаков во главе с Лешей. Те рассказали, что когда они узнали о нашем «пленении», то устроили небольшой «дебош» в Вышеграде. Сначала они вошли в здание общины Вышеграда, затеяв внутри его пальбу по стенам и потолку, в чем особенно отличились Серега из Фрязино по кличке «Отто Скорцени» и Макс, член «Памяти» из Тульской области. Затем ребята двинулись на штурм пограничного пункта Добрун, но многие уже достаточно выпили, поэтому половина растерялась

по дороге, даже «Харли», тоже член «Памяти» из Тульской области, едва не утонул в какой-то речке, в которой наши бойцы предварительно ухитрились утопить свои автоматы. Все же Лехе и еще двум бойцам удалось остановить милицейскую машину с командиром местной милиции, немного пригрозив ему ножом, далее начались уверения в дружбе между народами, после чего все разошлись.

После всего этого у меня возникло устойчивое предубеждение к Вышеграду.

Единственное, что радовало меня, так это пулевые отверстия внутри здания общины, правда, тщательно замаскированные, но еще хорошо видимые. По крайней мере, было какое-то моральное удовлетворение, пусть и небольшое. Ведь по-другому добиться ничего было невозможно, а тем более, в местной среде, где лучше всего понимают язык силы.

Но и этот инцидент не остановил меня, когда в середине мая 1993 года, сидя за вокзальным столиком, я пришел к твердому решению возвратиться на эту войну...

Глава 14. Дреница

Прибыв в Рашку, я обнаружил, что Оташевич за несколько дней до моего приезда сюда вместе со своей группой и остальными добровольцами уже отбыл в Косово. Проболтавшись в Рашке и соседних селах пару дней, я был вынужден одного местного вояку ударить, а затем убеждать работников спецслужб, что я не шпион. После я уже не удивлялся количеству шпионов на сербской стороне. Иным удавалось устанавливать радиолокационные локаторы размером с пачку сигарет, о чем мне говорил Сергей Сухарев, переехавший к тому времени в Алексинац, и несмотря на свою инвалидность и отсутствие гражданства Сербии, принявший участие в борьбе с этими локаторами. Конечно, кого-то ловили, но куда больше шпионов действовало безнаказанно, особенно в верхах власти. Спецслужбы, конечно, с ними в какой-то мере боролись, но очень много занимались бюрократической волокитой: в особенности этим отличались военные спецслужбы.

Тем не менее, я сумел преодолеть их сито и вместе с колонной был, наконец-то послан в Косово, а точнее – в самый его центр, в Дреницу.

Как я уже писал, эта область была главным и давним центром албанского терроризма: именно здесь была в конце 1997 года создана УЧК, которая уже в марте 1998 начала широкомасштабные боевые действия в этом же районе.

Впрочем, в начале марта 1999 боевые действия против УЧК на Дренице шли со стороны югославской армии и полиции довольно успешно.

В марте в районе Дреницы действовала сводная группа 37-й бригады из Рашки, составленная из нескольких сотен, может, даже тысячи срочнотружущих, контрактников и офицеров, и задачи ею выполнялись довольно быстро. Разумеется, кроме 37-й бригады здесь действовало еще несколько армейских бригад, а так же «Посэбнэ Единице Полиции», т. е. особые региональные формирования полиции (типа ОМОН), САЙ [Специална Антитеррористична единица] (специальные противотеррористические формирования полиции центрального подчинения) «цверене беретке» (красные береты силы госбезопасности типов А и Б), а с ними совместно и под их командой действовали и остальные полицейские силы – как местной полиции с Космета, так и сводные отряды региональных управлений полиции.

УЧК не могла оказать серьезного сопротивления оснащенным бронетанковой техникой югославским войскам и, как правило, им достаточно было подойти на 300 – 400 метров к селу, дабы вызвать бегство албанцев, хотя бывали и исключения. Оборона оказалась не лучшей стороной УЧК, как из-за дезорганизованности командования (пока одно село брали, из другого особого противодействия не было), так из-за слабости вооружения (как правило, стрелковое оружие и иногда гранатометы).

Югославское командование это использовало и ставило, если позволяли условия, с противоположной стороны «блокады», то есть гнало с двух-трех сторон противника на засады своих войск.

Прибыв рано утром в штаб бригады, тогда еще находившийся в поселке Сербича, я в первый же день по моему приезду стал участником сербского наступления на так и не захваченный албанский район вокруг сел Обринья. Правда, в начале я подумал, что опоздал на войну и УЧК полностью побеждена. Такое мнение во мне укрепили слова толстого и важного офицера в штабе бригады, который говорил своим коллегам, что УЧК – конец, и сейчас в штаб приведут самого Султана.

Однако такое мнение у меня быстро развеялось, когда я с двумя подофицерами из штаба – один кадровик, второй из военной безопасности, отправился на место нашего главного удара под Обринье. На вершине одной лысой горы было собранно немало войск. Мы миновали подразделения армии и полиции, размещенные в длинных одно-двухэтажных зданиях перед склоном, как оказалось, бывших казармах УЧК, и подъехали к дому, вокруг которого стояло три грузовика и человек двадцать-тридцать солдат. Как всегда, последовало предложение выпить кофе со стороны командира, но попробовать его мы не смогли. Кружившие в воздухе самолеты НАТО стали сбрасывать сначала ловушки, а потом и что-то еще, покрепче, и вдруг рядом раздались взрывы. Все побежали в подвал и, посидев там, опять было выбрались наружу, хотя, по моему мнению, тресни в этот дом ракета, особой защиты подвал не дал бы. Тут

опять раздались взрывы, и все опять побежали в подвал, а потом опять выбрались наружу. Что делать, никто не знал. Поскольку беготня вокруг дома мне надоела (тем более, он вместе с военными машинами представлял собой хорошую цель), то я отошел от него на метров 50 к машине командира бригады и прилег с моими спутниками на пригорке за кустом вместе с Негошем, телохранителем нашего комбрига Любиши Диковича. Отсюда хорошо было видно, как в лощине под нами на поросшем лесом склоне следующей, более низкой горы, что-то дымилось, и поднимались белые клубы разрывов. Как мне объяснили, там наступала разведрота и, как выяснилось потом, она прямо на машинах попала под удар авиации НАТО. Прямым попаданием управляемой ракеты была уничтожена одна машина с восьмью бойцами, в том числе с командиром разведроты. Еще человек пять где-то было ранено, а при этом колонна попала в засаду УЧК.

Интервентному взводу военной полиции, наступавшему левее, больше повезло, и он только попал в засаду, потеряв троих ранеными. УЧК, очевидно, имела связь с авиацией НАТО: в этом я уверился, когда во время авиаударов услышал по захваченной раньше у шиптар [одно из названий косовских албанцев. – *примеч. ред.*] портативной радиостанции торопливый говор, что офицер безопасности перевел как просьбы оборонявшихся к своему командованию о поддержке авиации.

Под удар попали и другие подразделения. В паре сотне метров от нас валил густой черный дым, но никто особого желания отправиться туда не испытывал, хотя было много криков, что в какой-то машине «наш» водитель. Мои спутники, недолго подумав, завели свою легковую машину, и мы отправились назад по дороге, где незадолго до этого проехали. Дорога была перегорожена горящим танком, а рядом с ним горели бензозаправщик и еще одна машина. Как оказалось, ракета разорвалась в нескольких метрах от бензозаправщика, и пламя перекинулось на заправлявшийся горючим танк и соседнюю машину. Одного раненого, Любо Месара из военной полиции, увезли, но никто не мог сообразить, все ли живы, пока не выяснилось, что в танке остался механик-водитель, и его обугленный труп вытащили позднее. Тут неожиданно появились два или три бронированных УАЗов с пулеметами на крыше, состоящих на вооружении «специальных» сил МВД. Правда, они тут же развернулись (как и несколько грузовиков с полусотней полицейских, державших здесь позиции, но к тому времени упаковавшихся и сразу же отбивших назад под озлобленные комментарии военных). Через минут пять-десять за ними последовало еще два три десятка резервистов нашей бригады на трех тракторах с прицепами, и я хорошо запомнил, как один из них, бородатый тип лет 30-40, кричал, что, мол, Косово было и останется шиптарским. Не помогли уговоры и приказы бывших со мной штабных подофицеров и танкистов, остававшихся с двумя танками без всякого пехотного прикрытия в самом важном месте

Появился командир бригады Любиша Дикович со своей свитой и сам опешил от происходящего. Сказав, что сейчас кого-то срочно пришлет, отправился вслед уехавшим, а мы трое заняли оборону, встретив лишь одного добровольца из пехоты, который со своими товарищами занимал позиции слева и внизу от нас. Это немного прояснило ситуацию, и доброволец, сев в трактор, брошенный полицией и погрузив туда брошенные ею же упаковки с минеральной водой, отправился назад к своим. Прошло полчаса или час – все-таки появились сначала резервисты, правда, не ставшие занимать позиции, а затем какие-то срочнотрудовые солдаты, распределенные своим командиром по позициям и освободившие нас.

Понятно, что на этом операция была закончена: в конце дня я узнал, что бригада потеряла убитыми в тот день до 10-15 человек.

По возвращении я был переведен в роту военной полиции, где встретил моего знакомого по отряду «Белые волки» – Перо, родом из Рашки, приехавшего воевать добровольцем в Республику Сербскую. Перо сразу начал агитировать командира роты «Гишку» принять меня в интервентный взвод. После «экзаменационного» разговора с сапером роты, меня приняли в военную полицию, где я от телохранителя «Гишки» – Уроша – получил достаточно сведений о характере местного театра боевых действий. Главный наш противник находился в так и не взятом районе, вокруг сел Горня и Доня Обриня, Резала, Ликовац, Тырстеник, Полужа. Этот «анклав» был под полной властью УЧК до начала мая, и в нем находилось около тысячи бойцов УЧК. Там же долгое время пребывал и командир УЧК региона Дреницы Сулейман Селими («Султан»), один из главных помощников Хашима Тачи, какое-то время бывший и военным командиром УЧК. Этот анклав весной 1999 года и был главной целью наших наступлений. Еще до моего приезда в одном неудачном наступлении «црвени беретки» потеряли несколько бойцов.

К сожалению, через несколько дней к нам пришел начальник военной безопасности бригады, который сказал, что не может оставить меня в роте военной полиции, но может предложить мне на выбор: переход либо в инженерную, либо в разведывательную роту. О причинах этого предложения я стал догадываться позднее, но тогда без размышления согласился на переход в разведку.

В разведроте как раз в это же время на замену погибшего под Обринье капитана Ивицы, прибыл новый командир роты, по кличке «Струя». Последний мне предложил стать его телохранителем, на что я согласился, пробыв, правда, на этой должности всего пару недель. Моим напарником стал один доброволец из Боснии – Ранко, впрочем, задержавшийся на этой должности еще меньше меня, и после нервного срыва отправленный домой.

Нашей первой «акцией» была операция по зачистке села Лауша.

Во время «акции» обнаружилось, что мужчины отсюда ушли с оружием еще за пять дней до этого. Можно было вообще обойтись без стрельбы, но группа сводного отряда из Крушевца, входившая в село с другого направления, стала без толку палить, не зная, есть ли кто здесь, или нет, а на выходе из села бойцы этой группы, сопровождая колонну гражданских, открыли огонь по нам, разведчикам, сидевшим в засаде и чудом уцелевшим от метких сербских выстрелов. Все это было довольно странно, и подобный случай был не единичный: противник просто ускользал от войск.

Новая акция началась через пару недель и опять после долгой, но неторопливой огневой подготовки артиллерии и танков на нашем участке пехотный батальон и наша разведрота первое время наступали без проблем, хотя полкилометра пришлось идти полдня. Противник отступал, спорадически отстреливаясь.

Махалы (селения), из которых состояли албанские села, лежащие в долине, еще задолго до акции опустели. Но когда мы входили в дома, то видели, что во многих из них ночевали бойцы УЧК – на полу лежали матрасы, в углу стояли печи, и вообще комнаты, где они спали, были хорошо прибраны, хотя сами дома нередко были сожжены.

Как развивалась операция на других участках, не знаю, но наша разведрота, хотя и вышла после пехоты, быстро достигла высоты Бок Тырстенички. Оставив взводы срочнотружущих и резервистов в домах под ней, «Струя», второй по счету командир роты, со мною и взводом добровольцев вышел на высоту, и дабы показать наше местонахождение, поджег амбар с кукурузой около одиноко стоящего дома. Его действия оказались результативными: вскоре взвод добровольцев был обстрелян снайпером. Стало понятно, что противник лишь выжидает время в лесу на склоне следующей высоты, за которой уже лежало Горне Обринье. Справа от нас должна была находиться полиция МВД, но попытка установить с ней связь оказалась бесполезной. Пройдя метров 500 вправо и спустившись с высоты до ручья и селения Беженич, мы никого не обнаружили, зато, возвратившись, увидели в 200 – 300 метрах от себя троих албанцев, быстро скрывшихся в зарослях после нескольких очередей нашего пулеметчика «Бырко».

На крайнем левом фланге, который держал взвод срочнотружущих, дело шло нормально, но пехота, бывшая левее с двумя танками, вырвалась слишком далеко вперед, и ее в теснине зажали огнем. В конце концов, наступила ночь, и разведрота была отведена на базу, зато пехота осталась ночевать в лесу и, как потом выяснилось, потеряла в тот день около десяти человек убитыми и ранеными. Пехота шла через поляны цепью в полный рост и хорошо была видна албанцам, подкараулившим ее в удобном месте. К тому же пехоту, похоже, накрыла и наша артиллерия, вызванная для

поддержки этой же пехоты. Понятно, что и эта операция была неудачна, и УЧК опять возвратилась на свои исходные позиции.

Сам разгром УЧК произошел только на бумаге. Объявленное в начале апреля генштабом югославской армии общее число оставшихся террористов на Космете (300 – 400 человек) на деле можно было найти в лесах, а то и селах в ближайших окрестностях Глоговца. Трудно говорить о точных цифрах, их здесь не знало и командование самой УЧК. Так, например, в полностью подконтрольном УЧК районе сел Горня и Доня Обрыньи, Тырстеник, Резала, Ликовац, находившихся слева от дороги Глоговац – Сырбица, по разведанным югославской армии, находилось в конце апреля 1999 года до тысячи бойцов УЧК, а что касается горного массива Чичавица, отделявшего Дреницу от Приштины, то он не был очищен от отрядов УЧК до конца войны.

Наша рота лишь чудом тогда избежала потерь в засадах. Хорошо помню случай с нашим очередным переездом, когда после перемещения штаба бригады из Сырбицы в Глоговац, наша рота, до этого уже сменившая село Лаушу на Полянце, отправилась из последнего в село Глобаре под Глоговцем. Тогда опять поменялся командир роты, и место нашего капитана «Струи», ушедшего на должность погибшего командира 1-го батальона, занял резервный капитан «Жути». Ему, естественно, было нелегко в уже устоявшейся офицерской среде, и даже в роте первое время решал вопросы не он, а другие – старшина, командиры взводов, связисты и так далее. И вот он, буквально на следующий день после своего назначения, должен был командовать переездом. Все было организовано впритык по времени. В шесть вечера основная часть нашей роты должна была выехать из Полянце по дороге Сырбице – Глоговац и въехать в село Глобаре под Глоговцем, в котором наших войск вообще не было. Мне все это стало немного непонятно, ибо любая задержка оставила бы нас в темноте, а наши войска, как мне было известно, ночью практически не действовали, чего нельзя было сказать об УЧК. К тому же вдоль дороги стояли посты полиции, и с ней по темноте всегда могла вспыхнуть случайная перестрелка. Я все это сказал командиру, но, видимо, от него ничего не зависело, и мы стали действовать по плану.

Выехав под шутки и песни, как и полагается сербскому войску, мы двинулись колонной: четыре грузовика, 4-5 трофейных тракторов с прицепами и две – три легковые автомашины «Лада» и «Нива». Со стороны тяжело было сказать, кто мы такие, тем более что и два грузовика были мобилизованы в Сербии у частных владельцев, один из которых, Жиле, будущий чемпион Сербии по каратэ, водил в нашей роте свой грузовик. Однако УЧК как-то не интересовало, кому принадлежат машины, и уже через несколько километров (до подъезда ко Глоговцу) мы услышали, как над нами свистят пули, а колонна неожиданно остановилась. Почти всех словно свела судорога, но когда я начал кричать, чтобы все выскакивали на

обочину, и хотел последовать примеру своего товарища, уже выпрыгнувшего, грузовик опять куда-то двинулся, хотя было ясно, что наша машина, будучи в хвосте, таким маневром подставлялась под пули УЧК, бивших, главным образом по началу и середине колонны. Не знаю, почему, но радиосвязи не было, хотя с ней мы могли добраться до поста полиции (оставалось до него несколько сот метров), откуда нас могли бы прикрывать. На деле же нас никто вообще не прикрывал, командная машина была в 2 – 3 километрах от нас, и так и не появилась, а нам еще повезло, что гранатометчик УЧК промахнулся и не попал в первую машину нашей колонны. Все наши машины были переполнены, и имей противник хотя бы один ПТРК, без жертв бы не обошлось. Впрочем, он мог причинить нам ущерб и обычным пулеметом, целясь по самой кромке дороги, так как выскочившие все-таки из нашей машины резервисты собрались у одного куста. Между тем Боро, наш доброволец из Зренянина, управлявший трактором, уже вел огонь из пустого дома, где остановился, и мы, человек пять, один за другим забежали в этот дом. Вместе с ним я и Радэ-«Сурчинец», еще один доброволец, открыли попеременно огонь из подъезда по сожженным домам, стоявшим в нескольких сотнях метров справа и выше от нас; двое моих русских товарищей Слава и Миша залегли на втором этаже, наблюдая за окрестностями; а еще один доброволец – снайпер «Гоги» – открыл огонь из окна, из которого я вынул несколько кирпичей. После получаса стрельбы последовала команда на дальнейшее движение, причем мы опять были вынуждены бежать по открытому пространству назад в машину, водитель которой, резервист, видимо, боялся остановиться у нашего дома. Перед постом полиции наши машины опять остановились на отрытом участке. Я начал кричать, чтобы люди выскакивали и вообще действовали быстрее. Начало уже темнеть, и опять пришлось кричать, чтобы люди зря не стреляли, если не видят куда, ибо противник мог нас поймать по вспышкам. Командования не было никакого. Когда, наконец, десяток полицейских со своим бронев автомобилем (типа советской БРДМ) и с танком подошли нас прикрывать, наши машины сами остановились за домами, у поворота на грунтовую дорогу. Все это уже стало надоедать, и мне захотелось выяснить, кто же чем здесь командует? Я прошелся вдоль всей колонны, интересуясь этой актуальной проблемой, но оказалось, что в отличие от вопросов, связанных с поездкой домой, делением формы и продуктов, занятием удобных домов, для решения вопроса о том, что же делать дальше, компетентных лиц не оказалось. И более того, никто и не заявлял о себе, как о командире (обычно таких было больше, чем нужно)! В конце концов, пришлось садиться в трактор с Пантой, десетаром (сержантом), единственным, готовым чем-то командовать, но не знавшем, куда мы должны ехать, и колона двинулась по дороге. Кое-как, уже в темноте, мы доехали до перекрестка в Глобары, и я пытался было выбить двери в одном

дворе, но тут, наконец, появившийся комроты «Жутый» сказал мне, что в нем размещен еще какой-то пост полиции, хотя полицейские совершенно не показывались. Командир роты сказал, что нам в Глобары лучше не въезжать, и мы опять поехали в обратном направлении, и через километр свернули направо в еще какое-то село, где нас ждала уже наша военная полиция. Кое-как, с руганью, мы все разместились по домам, и, распределив часы ночного дежурства, легли спать. Утром нас подняли, и было сказано, что несколько человек должно отправиться вместе с еще каким-то подразделением, что бы занять селение, откуда по нам вели огонь, а остальные пойдут занимать Глобары. Когда мы, трое русских, и еще несколько сербов (добровольцев из нашей роты) готовились отправиться в составе этой группы, и я пошел об этом договариваться, начальство все переименовало. Зачем-то была создана другая, значительно большая группа наших добровольцев и резервистов, и она с двумя моими товарищами отправилась в селение, а я с еще одним сербским добровольцем по прозвищу «Бырко», двумя резервистами и со штабным отделением был отправлен занимать село Глобаре.

Штабисты, заняв самый удобный и безопасный дом, оставили дело на нас четверых. Собрав гражданских в колонну и закончив с осмотром домов, мы вчетвером пошли в соседнее село, где мои сербские товарищи сразу сели пить кофе с местными албанцами – или шиптарами, как их все здесь называли. Я же, прогулявшись по селу и заходя в каждый двор, собрал из него всех албанцев на лугу между двумя частями села. Полежав на травке и посмотрев на несколько сотен албанцев, собравшихся передо мной, я сходил к командиру роты и узнал, что эта часть села не является нашей целью, вопреки утверждениям «Бырко». Тогда я распустил людей по домам. Другая наша группа в это же время, занимая селение, под которым мы и попали в засаду, была обстреляна из домов уже на подходе, и лишь благодаря нескольким ребятам, в том числе Славе, Нешо из Зренянина и штабному офицеру Ацо Петровичу, командовавшему ею, группа смогла занять дома без потерь, тогда как шиптары ушли дальше за лес: в село наверху этой горы. Вообще-то нам тогда повезло, что противник, устроив засаду, не заминировал обочину с другой стороны дороги. Подобные засады часто организовались, в особенности, на проселочных дорогах. Так, однажды семеро человек из пехоты, ехавшие на тракторе, попали в засаду, и были сразу же перебиты, причем один попал в плен. Другой раз албанцы попали из гранатомета в микроавтобус, вынужденный замедлить движение по извилистой грунтовой дороге, убив и ранив тех, кто был внутри. Нехватка бронетехники довольно дорого стоила, и неясно, для чего было держать сотни единиц бронетехники на границе с Боснией и Герцеговиной и с Болгарией, откуда, очевидно, нападения бы не было.

Нашей бригаде еще везло, что противник лишь во второй половине мая стал использовать мины, иначе потери были бы куда больше. Самое

поразительное здесь то, что порою мины УЧК получала не только по воздуху, а и от нашей армии. Во время одной из бомбежек сербы сбежали и оставили грузовик с минами (до девятистот штук!), которыми завладели шиптары. Не знаю точно, где это произошло, но большинство людей упоминало один наш пехотный батальон, а иные – и аэродром, и возможно, что речь шла о двух отдельных случаях, за которые никто так и не ответил, вопреки военному положению. Главное же то, что буквально через несколько дней по всей зоне ответственности нашей бригады наши машины стали подрываться на минах, и до начала июня мы имели не менее двух десятков убитых и раненых.

В июне диверсанты УЧК вообще поставили мину на дорогу Приштина – Печ рядом с перекрестком на селение Комораны, на месте, по которому проезжали почти все наши машины, ехавшие или в Приштину или в Сербию. Тогда утром за час до того, как я здесь проехал, подорвался грузовик «ПИНЦ» из Приштины, в котором погибло пять солдат военной полиции; мина была установлена в одну выбоину в асфальте. Позднее было установлено, что мины порою ставили и местные женщины, пользуясь свободой передвижения. После этого нашим подразделениям было приказано усилить патрули для проверки дорог, но это ведь одновременно и делало их подверженными снайперскому огню, хотя сам противник не прикрывал свои мины организованным огнем, а использовал дистанционные подрывы, в особенности мины направленного действия. Но ошибки противника часто перекрывались халатностью многих наших бойцов и командиров: село через дорогу от Комораны никто, как потом оказалось, и не проверял, хотя от него до дороги было метров 300. К тому же дороги контролировала полиция, а содействие с армией было весьма неудовлетворительно. Однако иные командиры действовали так, что перебивали все рекорды мыслимой халатности, что уже просто приводило в недоумение.

Засады участились с середины апреля, в особенности на дороге Глоговац – Сырбица. Я уже не помню, сколько раз наши машины попадали в засаду, но за период с конца апреля по конец мая произошло не меньше 5 – 6 инцидентов, (это только те случаи, когда противник добивался успеха).

Так, однажды недалеко от села Полянцы была обстреляна машина с людьми, возвращающимися из отпуска, в результате чего было до десятка убитых и раненых. Положение усугубилось тем, что многие не имели оружия, так как командир их подразделения запретил ехавшим в отпуск увозить оружие в Сербию. В другой раз на этой дороге, между двумя постами полиции людьми УЧК, одетыми в югославскую форму, была остановлена машина командира пехотного батальона, после чего комбат и несколько сопровождавших его солдат были расстреляны, и исчезли все штабные документы, находившиеся в машине. Так как бронетранспортеров не хватало, то сербы укрепляли борта грузовиков и делали в них бойницы.

Однако часто это был самообман, особенно, если устанавливали под досками только резину без брони: пули могли прошить и два ряда досок, и эту же резину, что один наш доброволец из Воеводины с успехом и продемонстрировал. Тактика выхода из засад была совершенно не отработана, и лишь по инициативе некоторых наших бойцов люди в нашей роте стали становиться через одного у борта машины, осматривая местность вокруг, а наверх кабины устанавливался пулемет.

Силы нашей 37-й бригады были распределены, как правило, поротно-повзводно по селам, а штаб бригады, находящийся вначале в Сырбице где-то в конце апреля – начале мая, был переброшен в Глоговац. Войска, размещенные по албанским домам, откуда местное население было либо выселено, либо сбежало, в какой-то мере вросли в эти села и не очень охотно шли в другие места. Между тем без акций обойтись было нельзя, так как далеко не все очищенные села были заняты войсками и в них возвращались бойцы УЧК, которые после первого шока стали несколько приходить в себя. Новые акции заключались в «чищении»: силы роты, батальона, а то и бригады, развернувшись в цепь, шли, прочесывая все на своем пути, и это делом было утомительным, да и напряженным. Практически никто из бойцов не имел опыта такого передвижения по лесу, и шум с гамом, разносившиеся вокруг, издали давали знать албанцам о продвижении войск. К тому же большая проблема заключалась в том, что люди сбивались в группы, обходили густые заросли или просто шли гуськом: часто группы УЧК просто проходили сквозь боевые порядки войск. Албанцы, надо заметить, давно готовились к этой войне и выкопали в лесах и селах немало блиндажей, используемых и как склады, и как укрытия.

Сделаны они были хорошо, и порою можно было пройти по ним, не заметив входа, тем более что все, естественно, смотрели перед собой, ожидая в любую минуту выстрела. Албанцы нередко выкапывали и своеобразные мышьи норы, залезая в которые по грудь, они проводили дни и ночи, пока войска не уходили из их сел. Выдерживать они могли долго, попивая чай с сахаром и закусывая самой простой пищей. Нередко, прячась от войск, они себя засыпали листвой, что заставляло обращать внимания на каждый звук. По лесу они шли хорошо, особенно ночью, так что сложилась абсурдная ситуация, когда днем передвигались сербы, а ночью албанцы, и не только по дорогам и тропам, но и нередко по соседним домам, ища продукты, теплые вещи или спрятанные боеприпасы.

В прямой бой они вступать хотели редко и, постреляв полчаса, тут же уходили. В ходе одной операции произошел случай, когда отделение добровольцев из интервентного взвода военной полиции напоролось на доты в лесу. Двое албанцев с карабинами и ручными гранатами продержали их (а заодно и нас, шедших на фланге) час или два, ранив при этом одного полицейского, пока не подошел танк и не подавил их огнем.

Встретив сопротивление, сербские бойцы большей частью предпочитали отлеживаться, отвечая огнем, и лишь потом продолжали движение, гоня УЧК на свои засады. Не скажу, что эта тактика была особо успешной.

Конечно, когда было известно, где противник, как правило, если он удерживал села, дело шло относительно легко, и где-то в мае в селах Каменица, Вирбовац и Полуца нашей ротой и ротой военной полиции было взято в плен до двух сотен албанцев, в основном местных жителей, организованных в отряды УЧК. Особого сопротивления они не оказали: боеприпасов у них осталось мало, а единственный 60 миллиметровый миномет они так и не применили. В еще нескольких дополнительных «чищениях» (зачистках), в том числе проведенных силами нашей разведроты, в течение двух недель было найдено по лесам еще несколько десятков человек, а несколько убито. Не все они были из УЧК, но определить это было тяжело, ибо бойцы УЧК при угрозе плена сбрасывали свою форму (пятнистую, германского производства, хотя были и другие расцветки, в том числе югославской армии) и становились «мирными» гражданскими лицами.

Было заметно, что их вожди о них особо не заботились, ибо ни оружием, ни подготовкой они не блистали. Однако с позиции разведроты, находившейся через дорогу от вышеупомянутых сел (всего в нескольких сотнях метров от села, контролируемого УЧК), ночью мною во время одной вылазки было замечено, как оттуда в подозрительное село перешла группа из 5 – 6 человек. А так как в дозор этот пошел я по своей инициативе, то не было гарантии, что в другие ночи не просочилось еще несколько десятков человек, тем более никому из сербов не хотелось ночью мерзнуть и рисковать.

Другая подобная операция была проведена в мае в районе Кралицы и Донего Преказа силами роты военной полиции, нашей разведроты, танкового батальона, роты обеспечения и пехотного батальона. Сводная группа нашей роты насчитывала три-четыре десятка человек. Это было обычной практикой, что значительная, а то и большая часть людей оставалась во всех подразделениях на базах, и многие бойцы за всю войну вообще по 2 – 3 раза участвовали в каких-то, даже относительно боевых выходах.

В той операции справа от нас шла военная полиция, а слева тыловики, которые, впрочем, вскоре потерялись. Хорошее взаимопонимание у меня было с Винко, командиром взвода срочнотружущих, тогда командовавшего нашей группой, выделенной из роты. Мы договорились, что цепью будем идти лишь лесом, а открытое пространство преодолеваем колонной – и то впереди шел бы дозор в 4 – 5 человек (то есть мы вдвоём и несколько срочнотружущих во главе с черногорцем Небойшей-«Мырчей»), бравший под контроль высоты по линии наступления.

Это было не лишним не только из-за албанцев, но и из-за двух американских штурмовиков А-10А, беспрепятственно круживших над нами пару часов. Первой с шиптарами имела близкое столкновение военная полиция и погнала их на нас. Мы как раз вышли на высоту перед последним нашим рубежом и увидели, что на другой стороне ложбины перебегают какие-то люди в черной форме, тяжело нагруженные и вооруженные. Я, Слава, Винко и несколько срочнотружущих сразу побежали вниз – и вовремя. Стоило нам достичь опушки леса, как в паре десятков метров от нас застрочило сразу несколько китайских автоматов. После получасовой перестрелки и бросания нами ручных гранат, все стихло; так как левое крыло нашей роты не поторопилось охватить противника слева, то, пользуясь кустарником, он оторвался и ушел в сторону села Дони Преказ. Мы здесь опять задержались на полчаса – час и затем, соединившись с военной полицией, прошли наверх последней высоты и лесом вышли на опушку, под которой лежало село Дони Преказ. Там шла стрельба, и несколько домов горело. Оказалось, группа как раз тогда прибывших, в бригаду русских добровольцев первой вошла в село, обозначая дымом подожженных домов свое местонахождение, обеспечила продвижение танка и уничтожила несколько бойцов УЧК. По общим оценкам, всего было уничтожено в той операции 7 – 8 албанцев. К сожалению, тыловики опять остановились, оставив свободные проходы, а часть остальной группы из танкового батальона занялась грабежом и потом вообще открыла огонь по своим, убив одного серба, пошедшего с русскими, свалив ответственность на последних. После же операции при возвращении пехоты на базу, она попала в засаду, потеряв троих человек убитыми. Многие недостатки были вызваны плохой подготовкой людей. Лишь военная полиция смогла как-то держаться на уровне, но только потому, что имела в своем составе интервентный взвод, состоящий из трех отделений срочнотружущих резервистов и добровольцев. В нашей разведроты интервентного взвода создать не разрешили, да и многие наши люди этого не хотели, за исключением разве что меня, Славы и «Бырко».

Мне все это было непонятно. Создавалось впечатление, словно всех, в том числе и командование, устраивала серая одинаковость. Особо характерной была судьба русского отряда в танковом батальоне. Сначала их пару недель мытарили по казармам Сербии, а потом отправили на границу, но туда, где никаких боевых действий не велось. Я в то время как раз просил еще русских, но их (хотя половина из них были разведчиками по специальности, и многие уже участвовали в боевых действиях в Чечне и Афганистане), перебросили в танковый батальон, о чем я случайно узнал лишь через десять дней. В танковом батальоне их разбросали по танковым ротам, а комбат словно задался целью насолить им покрепче. Надо сказать, комбат был не единственным в этом роде.

Еще в Сербии какой-то генерал, как и полагается генералам, очень важный и уверенный в себе и своих суждениях, заявил им, что, мол, «опыт Боснии научил нас, что русские, когда собираются вместе становятся неуправляемыми и начинают убивать гражданских лиц». На самом деле русские и в Войске Республики Сербской приезжали воевать и, как правило, в армейских «интервентных» (ударных) подразделениях, тогда как работа с гражданским населением была в ведении полиции. К тому же русские отряды в Боснии и Герцеговине появились в конце 1992 года, когда прошел период массовых убийств и грабежей. Что касается Космета, то они ехали сюда воевать не с УЧК, а с НАТО, тем более что сама же югославская пропаганда уверяла весь мир, что УЧК больше не существует. Если бы тот генерал хотел думать, он бы понял, что люди из России просто не могли ехать сюда, дабы грабить гражданских лиц: те, кто хочет грабить, на войны не ездит, а занимается уголовной, предпринимательской либо политической деятельностью. Конечно, и среди добровольцев всяких проходимцев хватало, но вину за это несло командование, распустившее свои войска, не проводя ни должного отбора, ни подготовки в них.

Не знаю, зачем надо было нести подобную чушь: в бою русские добровольцы были в общей массе куда дисциплинированнее, а и подготовленнее большей части местных резервистов. Русская группа в танковом батальоне со своим сербским капитаном впоследствии была отмечена во время еще одной, майской операции на Обрине командованием резервного отряда САЙ, предлагавшего шестерым русским, составлявшим ударную группу, переход в свои ряды. Другое дело, что дисциплиной в югославской армии нередко считалась подобострастность к командиру, в чем весьма отличались в танковом батальоне иные офицеры, особенно вытщенные из резерва пенсионеры и, в конце концов, их стараниями русская группа в конце мая прекратила свое существование. Использовали они случай с пьянкой и дракой между русскими, хотя таких драк здесь случалось немало. Моментально последовал доклад командиру бригады и всю группу, кроме офицера-«афганца», бывшего врачом, разоружив, посадили в сопровождении военной полиции в машину и отвезли в казарму Косово Поля, откуда те сами добрались до Ниша. В паспорта иным из них им поставили печать о депортации, а у нескольких вообще паспорта пропали из их личных дел. Не знаю, о какой порядочности после этого можно говорить в данном случае. Ведь с самого начала было ясно, что им, никогда не бывавшим раньше в Югославии и не знавшим языка, необходима была помощь, И я просил несколько раз командование, чтобы их перевели в мою группу, созданную к тому времени в разведроту. Нас же даже не оповестили об их приезде, хотя обещаний было достаточно.

Не сделав это, командование само создало в их среде анархию, ибо своего официального командира у них не было, а их сербский капитан

Боян (всего лишь командир одной из рот) и сам едва не был отправлен под суд комбатом.

Вскоре это привело к трагедии, когда один из них, Сергей Старцев (уроженец Черкасс), бывший милиционер из Днепропетровска, по предложению одного местного резервиста пошел в одно якобы незанятое село. Этот резервист своими коллегами оценивался как большой врун, но Сергей тогда должен был показать сербам, что он «русский солдат и пулям не кланяется». С собой они взяли всего одного русского добровольца из Крыма и в селе напоролись на шиптар из УЧК. Резервист еще до этого куда-то пропал, и врач-«афганец» потом доказывал, что он специально повел в то село Сергея по сговору с пленными шиптарами, которых держали в танковом батальоне. В начавшейся суматохе Сергей пропал без вести, и так о нем ничего не узнали: там, где его видел последний раз его же товарищ, остались следы крови. Впрочем, впоследствии в том селе был найден труп без головы и кожи, но никто в югославской армии не побеспокоился определить, Сергей ли это, оставив его ребенка без пенсии.

Подобная политика по отношению к русским добровольцам шла с армейского верха, и была лишь показателем общего отношения югославской армии к ведению войны. Много добровольцев хотело тогда помочь сербам, и в другой, более нормальной армии организовали бы все, дабы побольше людей приехало в какую-нибудь отдельную добровольческую бригаду. Югославская же военная верхушка, наоборот, пыталась людей, уже приехавших на свои, в основном, средства, поставить в наихудшие условия. Это касается и денег, которых даже положенных 1200 динар зарплаты и от 45 до 120 динар суточных (тогда 20 динар один доллар) иным из них не выплатили, дав лишь пособие на отъезд, и условий, в которых люди воевали, так что больше приходилось «воевать» с югославскими командирами, чем со шиптарами.

Русских добровольцев было на Космете в общей сложности не больше двух сотен, и уж свести их в одну часть вместе с сербскими добровольцами их вполне было можно. В конце концов, и к тем относились не многим лучше. Правда, добровольцев из Республики Сербской я встретил здесь мало, всего пять-шесть человек, куда больше я видел русских. Впрочем, как я слышал, несколько групп добровольцев из Республики Сербской было на границе. Русских же было относительно много в районе Призрена. С одним из них я познакомился в Приштине, где был по делам, когда мне сербы сказали, что какой-то «рус» лежит раненый в больнице.

В Югославии «воюющие» русские представляли определенную общность и, по крайней мере, проведать в больнице раненого было принято еще в Боснии. В данном случае «русом» оказался здоровенный, под два метра, осетин по имени Альберт. Он со своей группой воевал в составе полиции под «анклавом» Будаково, и у него была снайперская винтовка

югославского производства «Цырна стрела» калибра 12,7 под патрон от советского пулемета НСВ. В одном из боев Альберту пуля попала в голову, но на удивление прошла навывлет, выбив ему только глаз. После выхода из больницы Альберт опять возвратился в строй.

Стоит отметить, что у русских добровольцев, прибывших из другой страны на собственные средства, чувство долга все-таки присутствовало куда сильнее, чем у большей массы сербов, готовых поставить под сомнение практически любой авторитет, что в теории, что на практике. Подобная психологическая несовместимость всегда мешала, но с другой стороны иные сербы именно поэтому и предпочитали быть с русскими.

Единственно, что можно заметить, что в отличие от Боснии, русских добровольцев на Косово никто и не пытался организовать, и та компания по записи добровольцев, что была организована в Москве хоть и охватила около 50 000 человек, но за границы России так и не выплеснулась.

Что касается шумихи в прессе, в том числе российской, то она была бы в любом случае, и если было, кому платить деньги, то находились и те, кто готов выдумывать что угодно – для того, чтобы лишний раз «разоблачать» сербов.

Так, Наталья Пуртова в «Новых Известиях» использовала смерть русского добровольца Федора Шульги, погибшего на границе, куда его югославское командование послало в компании с финским и датским добровольцами. Доброволец из Дании Нильсен до войны работал на Космете в представительстве Организации европейской безопасности и сотрудничества и, следовательно, хорошо зарабатывал и приехал на Космет не ради денег, что не избавило его в Дании от судебного преследования. Шульга там и погиб, а финн и датчанин были ранены, и все они были награждены югославским командованием. Этот случай был использован Пуртовой дабы, бездоказательно назвав Шульгу и финна и датчанина наемниками, и то бойцами каких-то неведомых «особых» отрядов, заодно поставить большой заголовок «Русские добровольцы возвращаются на Родину в цинковых гробах».

То, что в России в это же время ежедневно гибли тысячи людей, Пуртову не интересовало, ибо она должна была обойти вопрос, за что же погиб Шульга. Насколько мне известно, здесь погибло трое русских добровольцев: в нашей бригаде Сергей, а кто он – русский или украинец, никто не разбирался, на границе Шульга, а также Виталий Булах, который был в списке посмертно награжденных, но где погиб и точно ли в Косово он воевал – неизвестно.

Еще одна статья о добровольцах появилась в «Комсомольской правде» (и правда в ней была действительно «комсомольская»), которую написал Николай Варсегов. В статье был типичный голливудский набор для русских: водка, секс, наемник, мат. С Николаем я познакомился после войны в Белграде в «Русском Доме» (Культурный центр, выстроенный

русской белоэмиграцией, а затем «национализированный» СССР). Варсегов, кстати, тогда хорошо прошелся по кафе, работавшим всю войну в этом доме, демонстрируя этим, видимо, свою признательность хозяину кафе Новице, а заодно и тем сербам, что тогда образовали сами собой своеобразное общество русско-сербской дружбы. Правда, в отношении русских добровольцев в Косово меру человек все же перебрал (особенно с «русбатов»), ибо речь в статье шла как раз о группе русских добровольцев танкового батальона нашей бригады, перебрал что «с густыми ягодно сочными кустами черешни», что с «чучелом трупа, лежащим на мосту, как воздушная маскировка» (полный бред!). Видимо, причина этого заключалась в том, что «Очарованный странник», как он сам себя назвал, на деле из Приштины на место боевых действий и не выезжал.

Помню лишь один объективный репортаж о русских добровольцах, но его сделала одна британская журналистка. Можно сказать, что она была в самом деле объективна, в отличие от многих других журналистов. Она встретила нас, русских добровольцев, в ресторане Гранд-хотэля, куда мы привезли несколько ящиков с пивом и вином, и несколько бутылок водки, и потом по радио «BBC» мы услышали репортаж об этой встрече. При этом обязательного слова «наемники» здесь она попыталась избежать, оговорив, что «их» можно назвать наемниками, а можно и добровольцами.

Но с другой стороны, чего высказывать претензии к людям «второй древнейшей профессии» коль иные командиры российского контингента КФОР говорили о добровольцах в том же духе, что и журналисты. Правда, у первых для этого были отдельные причины. Первоначально российский КФОР был у сербов популярен, особенно после занятия им 12 июня аэродрома Сатина под Приштиной, когда дело едва ли не дошло до боя с англичанами. Сербь надеялись тогда, что россияне получат свой сектор на севере Космета, что включало бы Приштину, Гнилане и Косовскую Митровицу и дало бы возможность сербам сохранить хоть часть Космета.

Однако благодаря «умелой» российской дипломатии, свои сектора получили американцы, британцы, французы и итальянцы, но не россияне (подобно туркам, голландцам, норвежцам и арабам из ОАЭ). Даже запланированной смены голландцев россиянами в Ораховце не произошло, хотя сербы в этом городке были в полном окружении албанцев, но россиянам преградили путь албанские баррикады. Понятно, что это была намеренная провокация УЧК и то по заказу Запада, дабы еще раз унижить русских и показать сербам, кто хозяин Космета. Оправдание же было найдено типичное – русские наемники настолько много здесь убили гражданских лиц, что албанцы ненавидят всех русских. Российское же командование сразу же проглотило наживку УЧК, и стало оправдываться «мол, надо же видеть разницу между уголовниками из России и честными солдатами». Хотелось бы спросить: почему русские добровольцы были

сразу зачислены в уголовники, и на каком основании? Насколько известно, наркотиками и рэкетом по Европе занимается как раз албанская мафия.

Воевать едут те, кто хочет именно воевать, и тут есть люди всех положений и убеждений. Вся демагогия о том, что российские десантники не смогли войти в Ораховац из-за русских наемников, была смешна, ибо британцы сербские баррикады в Косово Поле за полчаса разобрали, избивая сербов, хотя те требовали внимания к судьбе сербов, захваченных УЧК уже после прихода сюда НАТО. Российский же контингент, имеющий в международной полиции сто своих земляков из МВД, не мог разобрать баррикады албанцев из-за того, что его многие командиры это сделать просто не могли в силу отсутствия приказов сверху, но никак не из-за русских добровольцев. Албанцы держали ведь баррикады на дорогах, а в лесу их не было, вот бы и сделали десантники ночной марш через горы в Ораховац. Вообще было неясно, почему в контингенте, собранном штабом ВДВ, нет вертолетов. Ведь парашютные десанты дороги и редки, а вертолеты куда более эффективный транспорт. Российское командование в состоянии было организовать такой десант прямо на Ораховац, тем более российскому контингенту на Космете вождь УЧК Дреницы Сами Люштраку открыто, угрожал, а чеченские «братья» УЧК одно время со своим флагом разъезжали вокруг аэродрома Слатина. То, что здесь делали русские добровольцы, чеченцев явно не интересовало, в отличие от того, что российские войска делали в Чечне.

Конечно, среди русских добровольцев попадались разные люди. Были и те, кто действительно занимался настоящим разбоем, а были и те, кто ничем особо на фоне общей массы сербов не выделялся (разве что пьянством). Но все же среди местных сербов большая часть русских добровольцев «марку держала», а стоит напомнить, что тогда против сербов воевали и силы специального назначения НАТО, и моджахеды в рядах УЧК. При этом воевать сербам приходилось в условиях превосходства противника в воздухе, так что пропагандистский «шаблон» о диких балканцах здесь никак не подходит.

Как пример можно привести действия русской группы в танковом батальоне. Вообще-то ребята просились в разведку, а почему их отправили к танкистам – вопрос к штабу нашей бригады, как и к военной безопасности.

Когда мы узнали о существовании русской группы в этом батальоне то я и Слава, вдвоем, решили использовать свободное время и сходить к ним в гости. Встретили мы двоих: Колю из Екатеринбурга и Давида, который был гражданином Израиля (правда, родом из Баку). В Полянцы они прибыли со своим комбатом на разведку. Что тот мог разведывать здесь, где была кухня его батальона, я не знаю, но потом, после часа шатаний, он позвал двоих наших новых знакомых, и мы, недолго думая, присоединились к ним. Добравшись до села, где стояла одна рота, комбат,

человек довольно самоуверенный, повел человек десять на пригорок, откуда все они в бинокли стали рассматривать полусожженное село на горе через глубокую лощину и, видимо, для них это и называлась разведкой. Комбат потом сказал нашим новым товарищам, что, мол, сходите в село на полчаса и проверьте, но никого не трогайте, там, мол, живет мой «шиптар», копающий нам траншеи, и после этого пошел пить кофе и ракию.

Внимательно наблюдая в бинокль за селом, мы увидели, что опушка леса прямо над ним весьма сомнительна и там виднеются какие-то темные провалы и целлофан. Решили, в конце концов, идти в обход справа, держа в поле видимости село, и одновременно прикрываясь кустарником. «Моторол» мы, естественно, не получили, но все равно разделились на две группы, в одной двое ребят из батальона должны были идти краем леса, а во второй мы вдвоем и один резервист с пулеметом делали бы более глубокий обход; мы договорились о месте встречи в лесу. Выйдя на нужное место, мы сразу обнаружили там блиндаж и траншеи, а затем продолжили путь. Как это и бывает в горах, расстояние было обманчиво, а мы к тому же по пути были вынуждены перейти одну лощину. На подходе к селу мы вышли на место отдыха шиптар, которые, не желая спать в уязвимых домах, здесь оборудовали шатры и несколько стрелковых позиций, хотя и пустых, но полных свежих следов. Шли мы шиптарскими тропами, что было самое бесшумное, быстрое и безопасное дело и, выйдя на грунтовую дорогу, шедшую по опушке леса, как и предполагали, нашли несколько выкопанных ячеек огневых позиций. В селе никого не было, но и здесь было много следов, а в сарае стоял конь. Пройдя через рощу во вторую половину села, где жил, якобы, «лояльный» шиптар комбата, в первом же доме мы нашли семью в человек десять, но мужчин здесь не было. Молодая женщина, месившая хлеб, увидев нас, перепугалась, но на все вопросы лишь пожимала плечами, мол, не понимаю сербский. Махнув рукой, мы пошли дальше, опять разделившись на две группы. Там было найдено несколько жилых домов, в каждом по десятку детей (плодовитость «лояльного» шиптара просто поражала, но самого его мы так и не нашли). В одном дворе была выкопана ячейка, направленная прямо на село, где находился штаб батальона, и в ней была набросана свежая солома. В нескольких домах были найдены запасы продуктов и лежанки на десяток человек.

Особых сомнений в том, что отсюда действовала группа УЧК, не было, и мы местных ни о чем и не спрашивали. Тропа с края села вела как раз в том направлении, откуда они не раз вели огонь по дороге.

Неожиданно в этом направлении, примерно в полукилометре от нас, раздалась стрельба, что произошло, мы из-за отсутствия радиосвязи не знали. Потом выяснилось, что в засаду попала одна из наших машин, на которой офицеры штаба шли на разведку места будущего наступления:

был убит один «заставник» (прапорщик) из штаба, а шиптары смогли взять не только документы, но и пулемет.

Мы же, возвратившись в первый дом, выпили воды и перекусили хлебом, вынесенным местными женщинами. Встретившей нас женщины мы уже не нашли: видимо, та побежала предупреждать своих в лесу. Делать нам было уже нечего, и я, присев отдохнуть у дерева, поднял голову и вдруг увидел сидение на ветках, к которому вела лестница, но не с земли, а с нижней толстой ветки. Отсюда хорошо просматривались позиции танкового батальона, но, разумеется, никто здесь из шиптар не понимал по-сербски – даже сказанных мною слов об УЧК, которые обычно они хорошо понимали. Махнув на все это дело рукой, мы пошли назад напрямик, договариваясь о месте будущей засады. А что касается комбата, он нас, естественно, ждать не стал. Впрочем, засады не получилось, ибо командование начало «капать на мозги» ребятам из танкового батальона – их комбат жаловался в штабе, что его «русы» вышли из-под контроля, хотя контроль, по его понятию, заключался в несении сторожевой службы. Борьба с шиптарами здесь понималась в избивении кого-нибудь из трех-четырёх десятков пленных албанцев, которые были размещены как рабочая сила в танковом батальоне, к тому же по соседству с русскими.

Возможно, комбат в глубине души надеялся, что «русские криминальцы» кого-то из них убьют, но у русских не было никакого желания этого делать, тем более что тут «героев» хватало, в отличие от боевых ситуаций. Что касается нас, то мы встретили хороший прием у капитана Бояна, до этого уже воевавшего где-то в Краине и Боснии и бывшего командиром одной из рот танкового батальона, ставшего неформально командиром «русской» группы, в которую вошли шестеро из десяти русских, до этого уже тоже воевавшие где-то в Краине и Боснии. Главным препятствием в планировавшейся засаде были приборы ночного видения (ПНВ). Комбат и его «пенсионеры», если бы и имели их, то не дали бы, а командование нашей разведроты, имея семь таких приборов, по какой-то странной логике не давало их никому, хотя использовалось лишь три из них, и то для стражи (службе на позициях), словно ее не могли вести без них, как и в пехоте. Не помогли просьбы ни наши, ни капитана, да и мы сами при выходе на дозор ни разу не могли их получить, а если и получали, то с незаряженными батарейками. Помню: однажды, когда я и Слава опять вдвоем ночью залезли в отдельно стоящий дом в 500 – 600 метрах от наших позиций в одном селе, то сначала один командир взвода выключил свою «Моторолу», когда мы уже вобралась в дом, хотя я долго трудился перед выходом, объясняя ему и его подчиненным, каковы ориентиры и каковы сигналы. Потом у нас закончились батарейки в ПНВ, и вся надежда была на находившиеся рядом минные поля и на мину, поставленную на нашем первом этаже, да на какого-то пса, почему-то ставшего нести вокруг дома стражу. Скорее всего, мы уже тогда так пропитались запахом местных

домов, что ничем для него не отличались по запаху от шиптар, его хозяев, которые, как мы слышали, находились рядом; но так как в полночь у нас разрядились батареи в ПНВ, то об этом наверняка знать мы не могли. Ходили в такие засады и русские добровольцы из танкового батальона. Один раз вчетвером или впятером вместе со своим капитаном Бояном, зайдя в албанское село, два часа не могли из него выйти, отбиваясь от полутора десятков шиптар, а все те герои из их батальона, кричавшие о том, что «шиптары – пички» (п. . . ды по-русски), что-то к ним не пришли на помощь, хотя танки батальона были недалеко.

Все же повоевать вместе с остальными русскими нам пришлось.

В какой-то мере закономерно, что это произошло в ходе, пожалуй, самой большой операции нашей бригады в этой войне, в районе тогда еще албанского «анклава» УЧК, охватывающего села Обриня, Полужа, Резала, Тырстеник. Для нашего последнего, майского, наступления на этот анклав были отправлены силы двух бригад 37 и 58 и отряды специальной полиции, и отряд САЙ.

Операция эта прошла быстро и удачно, в том числе и потому что еще было немало тех, в том числе и офицеров, кто считал, что ради общего дела, жалеть силы и жизнь не следует.

Как перед этим доносили я и Слава в наш штаб, на основании наблюдений в приборы ночного видения, УЧК имела в лесу много траншей, из которых албанцы могли обстреливать дорогу. Впрочем, вначале сопротивления на нашем участке почти не было. Наступала наша разведрота с левым крылом, завязанным на военную полицию, а правым крылом на специальную полицию. После нескольких часов медленного продвижения, когда людей приходилось постоянно подталкивать и доходило порою до идиотизма: командир взвода добровольцев нашей роты уложил своих людей цепью на середине поляны, хотя при этом был слышен шум бегущих людей, по которым сразу все начинали стрелять. Разведрота дошла до первой речки, точнее, ручья. Здесь движение остановилось, так как сводная группа тыловых подразделений настолько отстала, что военная полиция не могла держать связь с ними (занимавшими левое крыло), и с нами, разведчиками. Тоже самое происходило по всей линии наступления, что можно было понять по радиопереговорам, когда многие подразделения не могли найти своих соседей. Сама практика, когда в одной линии шли и тыловики и артиллеристы и даже бойцы ПВО вместе с пехотными ротами, а также разведчиками, интервентными взводами военной полиции и пехоты специальной полицией и САЙ, приводила к тому, что шли мы очень медленно.

К тому же противник начал сопротивляться, и наш взвод срочнослужащих был вынужден прийти на помощь военной полиции, остановленной огнем перед одним селением. И хотя несколько бойцов УЧК здесь было убито и ранено, движение это задержало, а тут же произошло

нападение со стороны двух групп противника на взвод резервистов нашей роты, с которым шли тогда я, Слава и Михаил. Албанцам, приблизившимся к нам на 10-15 метров, но находящимся, правда, под склоном, густо заросшим лесом, чуть-чуть не хватило хладнокровия, дабы прорвать наше кольцо окружения, ибо опять у нас стреляло человек пять, а десять отлеживалось, и противника удалось отогнать лишь ручными гранатами. Впрочем, как выяснилось через пару недель, противник смог пройти здесь: мы потом обнаружили в одном патруле, что между резервистами и взводом срочнослужащих и военной полиции оставалось метров 300 густо поросшего пространства, которое никто не проверил – именно там были найдены блиндажи. О наличии блиндажей можно было командирам догадаться еще в ходе акции, когда мы нашли землянку (склад с мукой) и ясно было видно, что часть мешков была вынесена за пару часов до нашего прихода. Однако что-то сделать по своей инициативе было тяжело, а командование было озабочено своевременным занятием намеченных позиций на карте, хотя все эти сплошные линии на ней на деле напоминали решето. Движение продолжалось до большой поляны, где находилась конечная точка разведроты – селение Беженич. Было ясно, что двигаться следовало колоннами по одному через лес слева от поляны, что я и предложил командиру роты. Вместо этого движение было продолжено цепью через открытую поляну, и при этом на середине поляны оно было остановлено по приказу сверху – и то в нескольких сотнях метрах от домов. Более того, кто-то из штаба роты притащил кому-то посылку из дома с пивом и соком прямо на поляну. Все это было настолько глупо, что, казалось, превзойти такую глупость было невозможно, но это только казалось.

Парадоксально, но на душе стало легче, когда послышался характерный звук стрельбы из китайских автоматов УЧК в лесу слева: было понятно, что они уже прорвались сквозь наше кольцо. Как оказалось, УЧК напала с тыла при выходе из кольца на военную полицию и выпустила по ней одну или две 60 миллиметровые мины. Наши решили не оставаться в долгу, и сами саданули по лесу из минометов, хотя точно было неизвестно, где военная полиция, а где шиптары. Хорошо, что перед этим левое крыло ротной цепи, неизвестно что ждавшей на поляне, подтянулась к центру, ибо одна наша мина легла как раз на место, где был левый край цепи (и где стояли до этого я и Слава). Выяснилось потом, что миномет плохо очистили.

Наконец, решили входить в Беженич колонной, хотя пошли скорее толпой, но на входе в него по нам был открыт огонь из одного – двух карабинов, и два-три десятка человек из взводов резервистов и срочнослужащих были вынуждены залечь в кустах, не зная, откуда стреляют. Связь с добровольцами, шедшими правее лесом, была потеряна, не было и радиосвязи. Попытка выйти на них не увенчалась успехом. Мы

двинулись к горящим домам на опушке леса на высоте справа, но выскочившие оттуда люди, чью форму в сумерках было трудно различить, заняли оборону вокруг одного дома и, хотя им кричали, что мы – «свои», они не отзывались. Потом выяснилось, что это была группа специальной полиции, вообще потерявшая связь и со своими, и с нами, разведчиками.

Ночью мы, опять вдвоем со Славиком, вошли в село, бросив на подозрительный шум ручную гранату. Когда мы возвратились, узнали, что в село будет рота входить под утро, и после малоприятного сна на природе мы опять поперлись в село, после чего наконец-то оно было занято, и кроме семидесятилетнего деда там уже никого не было.

Опять началось надоевшее «сидение» на позициях, и я со Славой отправился в танковый батальон, который согласно плану операции и должен был нанести удар в центр «анклава».

Но и в танковом батальоне дело шло по схожему сценарию. Несколько танков с пехотой из состава этого же батальона также шли от точки к точке совместно с отрядом САЙ, а впереди – сербский капитан Боян со своим танком с сербским экипажем и с ударной русской группой в шесть человек на броне. Здесь, кроме шиптар, действовала и авиация НАТО. Командир танкового батальона русских невзлюбил, ибо они действовали вместе под командой еще более им нелюбимого сербского капитана, чем вызвали еще большее раздражение комбата. Все же в той операции их группа, занимая ключевые точки, перед движением цепи обеспечила хороший темп наступления. Однако в самом начале операции, когда войска шли цепью на первое село, оттуда шиптары открыли огонь и один тромблон (винтовочная граната) попал в «Прагу» (спаренную 30 миллиметровую зенитную самоходную установку) и отбил одному парню ногу. Вскоре под чьи-то пулеметы попала и полиция, потеряв четырех человек убитыми. Потери были и в 1-м пехотном батальоне и в других подразделениях. В середине операции, отряд «Крушевацкой» бригады самовольно покинул свои позиции, а вскоре и все шестьсот человек из этого отряда самовольно покинули Космет, устроив демонстрации в Крушевце, требуя «современное» оружие, хотя албанцы воевали с китайскими автоматами и гранатометами против танков и бронетранспортеров.

В конце концов, с русской группой танкового батальона мы вошли в Обринье и смогли сверху наблюдать, как наша пехота и полиция в лощине поросшей лесом под нами пытаются загнать группу УЧК в ловушку. Албанцы отстреливались и несколько раз пускали в воздух черные сигнальные ракеты, давая знаки друг другу. Не знаю почему, но поддержки танков никто не попросил, хотя лощина была как на ладони и группа, в конце концов, ушла. Мы попытались сами проследить, куда ушли шиптары и следы вели вправо в лощину, где внизу село, якобы, было занято нашими войсками. Было непонятно, куда делось до тысячи бойцов УЧК, о которых говорили в штабе и которые действительно держали линию фронта против

сербских войск. По окончании операции из сел были выведены лишь колонны женщин, детей и стариков.

Не знаю, сколько во всей операции было точно убито и взято в плен шиптар из УЧК, всего несколько десятков, а куда делась тысяча остальных – можно было только догадываться. Между тем, когда мы вдвоем перед операцией ходили в ночные разведдозоры, то в прибор ночного видения только на участке селения Истог-махала села Полужа, длиной приблизительно в 400 -500 метров, в лесу было обнаружено девять дымов, а потом выяснилось, что в местах, откуда исходили дымов, находились траншеи и блиндажи. Понятно, что костры жгли не женщины и дети, а вооруженные бойцы УЧК, и вероятно, по три-четыре человека у каждого костра. Не были найдены места, где были спрятаны грузы, ни вообще какие-либо документы и средства связи. Найденный позднее подземный тоннель не только не был уничтожен, но и даже не заминирован. Куда делась УЧК, обнаружилось уже по возвращении, когда все русские танкового батальона вместе с сербским капитаном и двумя его бойцами, были посажены в небронированный грузовик, долженствующий идти впереди, обеспечивая дорогу, а за ним шла бронированная «Прага», три танка и бронетранспортер командира батальона.

До выезда на дорогу Глоговац – Сырбица все шло нормально, хотя зрелище места, где незадолго до этого подорвался на mine бронетранспортер полиции, было не из приятных. Наш маленький грузовик был переполнен людьми, а какой-то тип сюда запихал найденный им сварочный аппарат, который, в конце концов, один наш сербский товарищ с матом вышвырнул по дороге.

Выехав на автодорогу, наш грузовик неожиданно встал, так как в двигателе закончилось масло. Подумав немного, наш капитан Боян сказал, что, мол, давайте пройдемся пешком, ибо до поворота в село Морина, где была база танкового батальона, осталось немного. Стоило нам сделать пару десятков шагов как из леса справа, с расстояния в несколько сотен метров, по нам ударило несколько очередей. Мы растянулись тогда уже в колонну на 20 – 30 метров и пули били как по нам, так и по грузовику. Шедшие впереди капитан и шесть русских сразу скрылись на левой обочине, а мы вдвоем со Славиком забрались в дом, стоящий у дороги. Остальные же сербы, вместе с одним добровольцем из Белоруссии, заняли позицию на обочине у грузовика. Противник вел огонь, не переставая. Было их, скорее всего, человек двадцать, разделенных на две группы, так что останься мы в грузовике – без потерь вряд ли бы обошлось. Мы отвечали огнем, а потом стал бить и танк, стоящий у грузовика, но никаких результатов это не дало. Более того, одна группа противника стала приближаться лесом справа от нас к грузовику, и выстрелы становились все слышнее. От командира батальона не было ни слуху, ни духу. Вероятно, он со всем своим штабом под прикрытием «Праги» ждал, пока мы «победим» УЧК. До победы было

далековато, к тому же группа во главе с капитаном оказалась отрезанной от нас, и пришлось мне лезть на броню танка и, подогнав его к этой группе, вместе с ней за броней танка бежать еще пару сотен метров, ведя из-за него огонь, меняясь с бывшим российским десантником Сашей. Едва передохнули, как пули засвистели с левой стороны, и пришлось опять бежать до следующего полуразрушенного дома, откуда опять пришлось вести огонь. Полтора десятка полицейских, дежуривших у выезда на дорогу, толком не стреляли, хотя их пост стоял совсем рядом. В конце концов, капитан дал знак колонне проезжать, и танки пошли на базу, стреляя на ходу по лесу из пушек, но это, видимо, не причинило вреда бойцам УЧК, укрывавшимся в траншеях, которые войска в ходе «зачисток» не уничтожали. Командир батальона уехал на своем бронетранспортере, не только ничего не сказав, но и сбив шлагбаум перед въездом в базу, а мы, вскочив в два грузовика, выбрались последними.

Думается, что уже на основании таких фактов командир батальона должен был поблагодарить ребят, а не писать на них доносы в военную безопасность. Там же эти доносы пришлось как нельзя кстати, так как уже в середине мая она получила указание отправлять восвояси добровольцев, в первую очередь – иностранных, так как «разработку» о «славянским единством» надо было сворачивать в связи с готовящимся подписанием мира.

Интересно, как при этом иные лица в армейских верхах, еще во время войны стали порочить всех без исключения добровольцев, сваливая на них все те грабежи и убийства, что произошли на Космете. Однако подобная версия, успехом даже на Западе пользоваться не могла. Вряд ли кто-то там поверил, что только разрозненные группы (до 20-30 человек) добровольцы, которых, допустим, в нашей бригаде насчитывалось около двух сотен (да и в других подразделениях не больше), виновны в убийстве тысяч человек и изгнании десятков тысяч в Македонию и Албанию. Ведь в операции «чищение» (зачисток) шли все: и резервисты, и срочнотрудовые, и контрактники, и добровольцы, а эти операции проводились по приказам армейских и полицейских штабов. Войска шли цепями через горы и леса, входя в села с боем или без боя. Солдаты просто выбивали двери ногой, а то и бросали гранаты в окна, а в населенных пунктах жителям был или дан приказ выйти из домов и собраться в колонны, либо выйти из домов во дворы, пока шел обыск домов.

Если села были предусмотрены для размещения войск, то колонны выводились и передавались специальной полиции, если нет, то жители оставались дома, дабы защитить штабы и войска от ударов авиации. Что такое размещение войск по частным домам, тем более без хозяев, известно по каждой войне. Тем более, здесь иные села «зачищались» по два-три раза. Тут не то, что имущества, а крыш не оставалось. Естественно, что многие люди «обрастали» трофеями, но это относилось ко всем, а не только

добровольцам, среди которых, как и среди других были и те, кто этим занимался профессионально, кто по нужде, а кто вообще ничего не хотел брать.

У войны своя логика и ее тяжело понять тому, кто не был на ней, но любому понятно, что за любое дело, а тем более, военное, платить надо. Здесь же зарплата у военнослужащих нашей бригады была 1200 динаров, то есть 60 долларов в месяц и плюс суточные где-то в 5 долларов, но их многие получали через несколько месяцев после войны, и при этом после демонстраций.

Что же касается трофеев, то их вывоз командованием был запрещен; но естественно, на практике это нарушалось, однако, автомашины вывезти рядовым солдатам было тяжело, и многих это раздражало, особенно при виде сжигаемых и расстреливаемых тракторов.

Армейские подразделения колонны гражданских передавали специальной полиции. А та их сопровождала в Албанию или в Македонию. Военноспособные мужчины также передавались полиции, хотя тут всякое бывало, однако стоит заметить, что те горы документации, которые собраны в международном трибунале в Гааге. то это дело рук как раз сербских «органов», так как неграмотные албанцы часто не могли отличить армию от полиции, а не то, что определять фамилии командиров и номера частей.

Впрочем, вряд ли те, кто на Западе принимал решения о войне против Югославии, не знали, что может произойти в Косово и Метохии. Имея опыт войны в Боснии и Герцеговине, осмелюсь предположить, что военные преступления были нужны кому-то на Западе, ибо в противном случае международному трибуналу в Гааге пришлось бы ограничиться Боснией и Герцеговиной и Хорватией, и тем самым несколько сократить «фронт работ»

Велась та война со стороны НАТО для разгрома Югославии, а не для защиты албанцев. На последних командование НАТО было наплевать, тем более что десятки тысяч албанских беженцев, выгоняемых югославскими армией и полицией с Космета в Албанию и Македонию, должны быть за это благодарны именно Западу. Тот отлично знал, что при авиаударах НАТО будет организовано югославской властью выселение албанцев из Косово и Метохии, тем более что прецеденты в Боснии и Герцеговине уже были.

Война в Македонии

Олег Валецкий

Когда в западных СМИ причиной албанского восстания в Косово и Метохии называют репрессии органов безопасности Сербии, то обходят стороной точно такое же восстание албанцев в Македонии, где столкновение интересов было еще более сложное, чем в Косово, и традиционно македонцы поделены здесь на сторонников независимости и сторонников объединения с Болгарией.

Разумеется, нельзя отрицать этнические и культурные особенности Македонии, однако этот регион, носивший также название Старой Сербии, был населен сербами согласно историческим документам. Правда, часть Македонии к 19-му веку была заселена болгарами, и не касаясь вопроса о том, к какому славянскому народу принадлежало население нынешней Болгарии до появления здесь тюркских племен болгар, все же сами болгары, населявшие восточную часть Македонии, македонцами также не являлись.

Согласно ряду сербских историков, как, например, Милошу Милоевичу и Ольге Лукович-Пьянович, полученная после Второй Балканской войны Грецией территория Эгейской Македонии исторически представляла собою не просто Македонию, но являлась частью сербских земель.

Сама суть существующего десятками лет конфликта между греками и македонцами обусловлена тем что Греция установила свою власть над районом Северного Эпира, где автохонным было славянское население, и хотя власти Греции достаточно успешно его «элиминируют», то, что население Эгейской Македонии является славянским, вряд ли кто будет отрицать.

Сама македонская нация была создана как раз в ходе процесса насильственной «болгаризации» сербского населения Македонии, проходившей во второй половине 19-го - первой половине 20-го веков, и в самой Македонии македонцев не было, были либо болгары, либо сербы.

История «болгаризации» сербов Македонии может быть прослежена через историю жизни и деятельности сербского этнического воеводы Мичко Кырстича (1855-1908) из района Поречья на территории районов нынешних Македонского Брода и Прилепа в центральной Македонии.

Согласно изданной в 1930 году в Скопье книге «Воевода Мичко - жизнь и деятельность», написанной его сподвижником Коджей («Војвода Мичко-живот и рад». Коџа. Скопје. Штампарија и књиговезница. Крајничанац.1930), после сербско-турецкой войны (1876-77 гг), в которой воевода Мичко Кырстович принял участие как доброволец, восстания

сербов против турок начались и в Македонии, в чем важную роль сыграли те сербы, что сражались в рядах сербской армии против турок. В ходе русско-турецкой войны (1877-78) сербское восстание при поддержке Сербии охватило целую Кумановскую область, а затем в 1880 году началось и в районах Кичево и Пореча под руководством Ивана Делии, Мичко Кырстича, Ристо Костадиновича и Анжелко Танасовича.

После подавления востания в Пореча и в Кичево в 1882 году Турция решила как меньшее зло разрешить расширение болгарских школ из областей Битоля, Костура и Лериня в области Кичево, Прилепа, Велеша и Скопя. Возникшее при поддержке из Софии болгарское политическое движение имело собственное военное крыло – комитов, которые, помимо нападений на турок, силой устанавливали свою власть на сербских территориях. После поражения армии Сербии во время сербско-болгарской войны 1885 года, правительство созданной Болгарии сумело поставить под свое влияние значительную часть антитурецкого движения в Македонии. В Фессалониках в 1894 году был создан Болгарский центральный революционный комитет, организовавший в 1895 году при поддержке правительства Болгарии налет четырех отрядов комитов под командой болгарских офицеров на турок в Македонии.

Используя греко-турецкую войну 1897 года, болгарский князь Фердинанд смог, согласно книге «Воевода Мичко - жизнь и деятельность», получить от султана Абдул-Хамида под юрисдикцию болгарской православной церкви две сербские епархии в Македонии-Струмицу и Дебар.

После подавления турками болгарского восстания в Западной Македонии в 1903 году правительство Болгарии развернуло культурно-политическую кампанию на ассимиляции сербов и греков, находившейся под турецкой властью Македонии, прибегнув силами своих «комитских» организаций к террору против всех тех сербов и греков, кто этой ассимиляции сопротивлялся. В ответ Сербия силами созданной тогда четнической организации организовала сербское восстание в районе Прилепа, во главе которого в апреле 1904 года встал выпущенный из турецкой тюрьмы воевода Мичко Кырстич. Последний в октябре 1904 года в сражении на Мовнатце разбил болгарских комитов Дамьяна Груева.

Болгары однако сумели реорганизоваться, и в 1905 году была создана политическая организация ВМОРО (Вътрешна македонско-одринска революционна организация), имевшая свое военное крыло, тогда как сербы в Македонии своей организации не имели.

После революции «младотурок» в 1908 году нападения на турок, сербских четников и болгарских комитов в Македонии практически прекратились, однако взаимная сербско-болгарская ненависть только росла, что и привело к началу Второй балканской войны 1913 года, в которой Болгарии потерпела поражение, потеряв всю Македонию.

Вместе с тем включение всей Македонии с ее традиционно болгарскими краями на востоке в состав Сербии не привело к ее умиротворению, и уже после окончания Первой Мировой войны Македония стала полем действий созданной в 1919 году в Софии ВМРО (внутренняя македонская революционная организация), поднявшей в 1921 году восстания как в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев - в Вардарской Македонии, так и в королевстве Греция в Эгейской Македонии.

В 1925 году новое руководство ВМРО во главе с Иваном Михайловым при поддержке армии Болгарии создала четнические силы численностью в полтора десятка тысяч человек и развернула партизанскую войну в Македонии как на сербской, так и на греческой стороне.

ВМРО осуществляла полномасштабные вооруженные нападения на органы королевской власти и сербских колонистов в Македонии, в чем имели поддержку как отрядов албанских качаков (разбойников), так и югославских коммунистов.

Компания вооруженной борьбы ВМРО увенчалась убийством короля Александра, совершенным совместными силами ВМРО и хорватских усташей в Марселе во Франции в 1934 году.

Так как главными врагами коммунистической партии Югославии были провозглашены сербский национализм и королевская власть, то неудивительно, что с установлением коммунистической власти в Македонии здесь стала проводиться политика насильственной ассимиляции сербов силами партийных и государственных чиновников тогдашней Социалистической Республики Македония при полном попустительстве официального Белграда.

Социалистическая Македония с самого своего основания находилась вне влияния Белграда. Согласно книги «Уничтожение сербства в 20-м веке - идеологическое употребление истории» академика Веселина Джуретича („Разарање српства у 20ом веку' - идеолошка употреба историје“.Веселин Ђуретић.Српска академија наука и уметности.Балканолошки институт.Београд,1992 г.), на втором заседании (29-го ноября 1943-го года) так называемого АВНОИ (АВНОЈ) - Антифашистского веча народного освобождения Югославии - созданного коммунистической партией Югославии «народного парламента» было принято решение о том, что целый край вокруг города Дебар будет включен в состав Социалистической Республики Македонии, хотя согласно приведенным также Джуретичем данным Дебарско-велешской епархии («Архив Србије, МИД-ПП,1908.бр.256“, “Просветне прилике у Велешко-дебарској епархији коче младотурске револуције“.Милић Петровић), еще в 1908 году этот край был почти полностью сербский и в нем жило 24585 сербов и находилось 64 православные церкви и один монастырь.

В годы СФРЮ сербский идентитет был достаточно успешно выкорчеван у большой части бывших сербов Македонии, ставших тем самым

считать себя македонцами, как и та часть македонцев, которая традиционно в Болгарии считалась болгарами, но в условиях СФРЮ была идентифицирована властями как македонцы.

Однако в своей борьбе против сербского национализма руководство тогдашней Македонии ослабило внимание к албанцам, составлявших в годы СФРЮ до четверти населения Македонии, тем более что некоторые албанцы в ходе переписи были заявлены как турки, и как пишет Миролуб Евтич в своей книге „Шиптары и ислам“, среди жителей тогдашней республики Македония, заявивших, что их национальность турецкая, у 17,5% родной язык тем не менее оказался албанским. Сам подсчет численности албанцев был достаточно затруднен в силу того, что большая их масса фактически саботировала деятельность государственных органов, а последние особо и не настаивали на проведении государственных законов в албанских селах, боясь обвинений в «фашизме», ибо в СФРЮ идея «антифашизма» была официальной идеологической линией, и любые действия, расходящиеся с идеей «братства и единства» югославских народов могли быть квалифицированы как фашизм.

Между тем, в отличие от сербов, албанцы в социалистической Македонии по отношению к македонцам придерживались достаточно жесткой сегрегации. Показательно было и то, что в населенных местах сохранялась религиозная и этническая сегрегация, и даже в Скопье на левом берегу Вардара уже в 80-х годах, согласно книге „Шиптари и ислам“ Миролуба Евтича, в структуре населения доминировали мусульмане, но основную массу среди мусульман Македонии, помимо достаточно тогда лояльных государству этнических турок, мусульман-македонцев и цыган, составляли албанцы. Хотя в соседней Албании среди албанцев был значительный процент православных и католиков, в Македонии подавляющую массу албанцев составляли мусульмане.

К тому же согласно книге Миролуба Евтича „Шиптари и ислам“, после победы коммунистов в Албании дервишский орден бекташей из Албании перебрался в тогдашнюю югославскую республику Македонию, где вполне благополучно продолжил свое существование. Бекташи хотя и представляли достаточно особое течение в суннитском исламе, часто расхившееся с традиционным исламом, как в пишет Миролуб Евтич, в Албании традиционными являлись идеи о национальном единстве всех албанцев. В условиях Македонии, где, в отличии от Албании, практически все албанцы были мусульмане, идеи бекташей тем самым стали подпитывать идею исключительности албанцев по отношению как к сербам, так и к македонцам.

К концу 80ых годов албанцы составляли большинство в македонских общинах Тетово, Гостивар, Дебар и Струга, тогда как в Кичево и Куманово они составляли треть населения, а в Скопье пятую часть. В силу начавшейся в соседнем Косово и Метохии компании гражданского неповиновения

албанцев, начавшейся с беспорядков, устроенных албанскими студентами Приштинского университета в 1981 году и сопровождавшимися нападениями на сербов, возможность такого сценария должно было бы предвидеть и руководство Социалистической Республики Македония. На практике этого не произошло, и как партийные, так и государственные органы здесь до распада СФРЮ продолжали уверять общество в незыблемости идей социализма.

Так как сербский национализм продолжал оставаться главным противником югославских коммунистов вплоть до распада СФРЮ, то закономерно, что никакой "сербской агрессии" на Македонию не произошло. После прошедшего 8-го сентября 1991 года референдума о независимости Македонии, на котором большинство населения Македонии проголосовало за независимость, ЮНА ушла из нее без выстрелов, что само по себе доказывает отсутствие у тогдашних югославских властей серьезных планов создания "Великой Сербии", карты которой печатали и сербская оппозиция и западные средства массовой информации.

В силу этого в Македонии не появилось ни одной влиятельной сербской политической организации, несмотря на наличие значительного числа сербского населения в районе Куманово и Скопской Черногории, где самым большим сербским населенным пунктом было село Кучевишты.

Между тем, как и в остальной СФРЮ, первые партии появились в Македонии еще в 1990 году. На этих выборах националистическая македонская партия ВМРО-ДПМНЕ (Внатрешна македонска револуционерна организација-демократска партија за македонско национално единство) получила 38 мест в парламенте, албанская ПДП 23 места, тогда как бывший Союз коммунистов, позднее преобразованный в СДСМ (Социјалдемократскиот сојуз на Македонија) получил всего 32 места, потерпев тем самым поражение.

Политика созданного в годы СФРЮ македонского национализма привела и к созданию Македонской православной автокефальной церкви. Эта церковь возникла по воле македонских властей, и решение о ее создании было совершенно неканоническое, и ни Сербская православная церковь, ни все остальные православные церкви, его не признали.

Помимо этого, свою лепту в церковный раскол внёс и Ватикан, требовавший от непризнанной македонской православной церкви принятия унии с католиками.

Вместе с тем нивелирование сербского влияния и победа македонских националистов уже не могли быть использованы Болгарией, вставшей к тому времени на путь «евроатлантических интеграций», и тем самым на присоединение Македонии она не могла решиться. Вместе с тем в силу незаинтересованности официального Белграда в судьбе Македонии, влияние официальной Софии на судьбу Македонии значительно выросло. Впрочем на судьбу Македонии влияние оказывала и соседняя Греция,

которая из-за принадлежавшей ей Эгейской Македонии оспаривала право получившей независимость Македонии на ее название, что впрочем не воспрепятствовало притоку греческого капитала в экономику Македонии. Значительное влияние на Македонию оказывала также Турция, пытавшаяся сыграть на греческо-македонских противоречиях. Помимо Турции, и другие страны исламского мира проявляли определенную заинтересованность в событиях в бывшей Югославии, а тем самым и в Македонии. Еще Любомир Фырковский, бывший министр МВД в правительстве бывшего коммунистического лидера Македонии Киры Глигорова, ставшего в 1992 году президентом, заявлял об активностях в Македонии разведок Саудовской, Аравии и Ирана. Македония для различных иностранных спецслужб являлась куда более легкой добычей, чем Сербия, и не случайно именно в Македонию перебросился в 2001 году пожар войны.

Этот пожар, вопреки ныне сформированному мнению, не предотвратило то, что Македония, после получения независимости, полным ходом двинулась к членству в НАТО и ЕС. При этом сразу после получения ею независимости и под предлогом защиты от сербской агрессии, в Македонии появилась тысяча американских и скандинавских солдат в составе миротворческого контингента ООН, которые получили для своих нужд военный полигон ЮНА - Криволак и аэродром Петровац.

Правда, каким образом американцы представляли себе тогда будущее Македонии, виделось ли по их планам объединение Албании и Македонии, но македонцы не знали, как избавиться и от собственных албанцев, которые здесь так же, как и на Косово, образовали собственную нелегальную власть.

Уже 11-го января 1992 года албанцы на западе Македонии провели референдум об автономии, признанный властями Македонии нелегальным, и 31-го марта 1992 в Скопье прошли массовые демонстрации албанцев с требованием автономии. В следующих беспорядках, прошедших в Скопье 6-го ноября 1992 года, уже пролилась кровь, и четверо албанцев были убиты и 36 ранено.

Македония в 90-х годах, в силу все большего ослабления государственного аппарата, стала неуклонно двигаться к национальной войне, и в данном случае важную роль сыграло то, что албанские политические партии, используя опасение потери власти Киры Глигорова, стали вырывать у него одну уступку за другой, получая в этом поддержку американской дипломатии.

Американская поддержка была обусловлена во многом влиянием албанского лобби в США, которое многие политические аналитики были склонны ассоциировать с наркомафией. На сторону данного лобби были привлечены сенатор Боб Дол и конгрессмен Бен Гилмор. Благодаря данному лобби, когда в Тетово в западной Македонии 15-го февраля 1995-го

года был открыт албанский университет, без разрешения на то министерства образования Македонии, то там собралось довольно большое количество американских гостей, среди которых были американские сенаторы, как например, Джозеф Диогарди, а также американские директора университетов и председатели комиссий конгресса. Так как подобным фактом македонские власти были недовольны, восприняв его как попытку создать в Тетово центр албанского сепаратизма, то была привлечена полиция Македонии и начались беспорядки, устроенные местными албанцами, в ходе которых один албанец был убит.

Высокие американские гости по этому поводу сделали внушение президенту Македонии Глигорову, что было неудивительно, учитывая, что албанцы финансировали и некоторые американские компании, занимающиеся платной пропагандой, а также различные "независимые" газеты, хорошо подрабатывающие на журналистской "объективности".

Благодаря подобной дипломатической и пропагандистской кампании албанская мафия превратила Македонию в своеобразную балканскую Колумбию, в которой производство наркотиков стало едва ли не важнейшей отраслью производства. Американское правительство, славшее свои войска в Панаму для борьбы с наркокартелями, об этом не промолвило ни слова, хотя албанская мафия наркотики производила не только на европейский рынок, но и на американский.

В таких условиях компания гражданского неповиновения албанцев в соседнем Косово и Метохии с последующей волной терроризма не могли не повлиять на события в Македонии, где уже в 1998 был заметен рост силы и влияния косовской УЧК (или ОАК - освободительная армия Косово), чьих боевиков можно было встретить не только в Тетово, но и в Скопье.

В районах, граничащих с Косово, от Куманово до Тетово, где албанцы представляли большинство, македонская власть лишь относительно существовала, тогда как албанские партии сумели добиться разграничения общин по этническому принципу между македонцами и албанцами, чем обеспечили правовую основу для получения албанцами автономии.

На выборах 1996 года в городах Тетово и Гостивар должность градоначальников получили кандидаты албанской партии ДПА Алайдин Демири и Руфи Османли, сразу же давшие указания вывесить албанские флаги перед зданиями местного самоуправления.

Премьер-министр Македонии Бранко Цервенковский, кандидат ВМРО-ДПМНЕ, дал приказ на проведение полицейской операции в Гостиваре и Тетово. В ходе этой операции, прошедшей 9-го июля 1997 года и сопровождавшейся массовыми беспорядками, Демири и Османли были арестованы, и впоследствии первый был осужден на два года тюремного заключения, второй на 13 лет, но после новых парламентских выборов оба они были амнистированы.

С началом в 1998 году войны в Косово и Метохии Македония превратилась в тыловую базу албанской УЧК(ОАК), и вскоре начались прямые вооруженные столкновения между македонскими пограничниками и полицией с одной стороны, и албанскими боевиками УЧК с другой. Так как в рядах УЧК в Косово воевало значительное число албанцев - граждан Македонии, то до начала гражданской войны в самой Македонии оставалось немного.

В марте 1999 года с началом кампании НАТО против Югославии и начала широкомасштабного наступления армии Югославии и полиции Сербии в Косово и Метохии, в саму Македонию из Косово бежало две с половиной тысячи албанцев, многие из которых здесь были мобилизованы в ряды албанской УЧК. Силы УЧК вели с территории Македонии нападения на сербские войска, но и сербские подразделения нередко нападали на силы УЧК и войска НАТО, дислоцированные в Македонии, и в одном из таких сербских нападений ими было взято в плен трое американских военнослужащих.

Сама армия Македонии с ее тремя армейскими корпусами (со штабами в Куманово, Битоле и Скопье), тремя легкопехотными резервными дивизиями, 22 бригадами и восемью полками насчитывала всего 15 тысяч человек, набравшихся главным образом по призыву, и располагала четырьмя танками Т-34, тремя десятками танков Т-55, имела полторы сотни 120 миллиметровых минометов, 60-70 реактивных систем залпового огня «Пламен» и «Огань» калибра 128 миллиметров и Град калибра 122 миллиметра, четыре вертолета Ми-17, два штурмовика J-21 „Орао“, два легких устаревших штурмовиков J-22 „Ястреб“ и два устаревших учебно-боевых самолетов „Галеб“ Г- 2. Однако в дальнейшем, перед началом войны в Македонии, Болгария поставила Македонии достаточно большие запасы вооружения, в том числе сотню гаубиц М-30 калибра 122 миллиметра и пять десятков танков Т-55, и еще пять десятков обязалась поставить в ходе войны. Увидев неизбежность войны, правительство Македонии закупило еще в 2001-2002 годах на Украине четыре Ми-8МТ, два Ми-17, восемь Ми-24В, два Ми-24К вместе с четырьмя Су-25 (правда о последних писали как об аренде), причем на них летали украинские пилоты.

В данном случае вооружению Македонии способствовало то, что правительство Македонии продало сеть мобильной связи Греции, получив от этой сделки значительные финансовые средства.

Помимо этого, в 1998-99 годах, согласно программе военной помощи НАТО, армия Македония получила от Германии до двух сотен БТР типов БТР-70 и ТАМ-170, а из Италии БТР М-113, из США четыре десятка автомобилей «Хаммер», тогда как в Казахстане для сил специального назначения было закуплено двенадцать БТР-80.

Показательно, что тогдашняя Югославия была в Македонии куда менее активна, нежели Болгария и Украина, и поставила в Македонию

ограниченное количество боеприпасов и единиц стрелкового и противотанкового вооружения, в частности, снайперские винтовки «Цырна стрела» калибра 12,7.108 миллиметров и гранатометы М-90 калибра 120 миллиметров, а также отправила лишь в конце июля-начале августа пару десятков инструкторов в состав МВД Македонии.

Сама война в Македонии началась достаточно быстро, когда УЧК, получившая в ходе войны на Косово и Метохии (1998-99) боевой опыт и оружие, нанесла весной 2001 года с территории Косово, находившейся под контролем международных сил безопасности НАТО-КФОРа, удар по Македонии. Помимо этого в Македонию решением руководства бывшей УЧК стали перебрасываться силы из района Прешево и Буяновца, находившегося на территории Сербии, где при посредничестве международных дипломатов был подписан мир после вооруженного конфликта 2000-2001 годов.

15 марта 2001 года группа в полтора десятка албанских боевиков, открыв стрелковый огонь, напала на силы македонской полиции в квартале Кале в Тетово. В нападении было ранено 18 македонских полицейских и один албанский боевик. Затем группа ушла в сторону границы с Косово. Это было началом войны, и вскоре албанцы перешли в более масштабное наступление и установили свой контроль над албанским село Малиново Мало. На следующий день албанцы с соседних сел и боевики, пришедшие с Косово, развернули стрелковый и минометный обстрел всего Тетово, в первую очередь квартала Колтук, где жили в основном македонцы, а 17 марта албанцы напали на здание полиции в Куманово. Обстрелу подверглось и расположение немецкого подразделения КФОРа, дислоцированного с 1999 года в Тетово, и тогда один немецкий военнослужащий был ранен.

18 марта под Тетово в бой вступили силы спецназначения МВД Македонии и армии Македонии, а 19 марта в Тетово вошли и первые четыре танка армии Македонии, полученные ею перед войной из Болгарии. Несмотря на это, 20 марта вооруженные албанцы вошли в город и дошли до кварталов Мала Речица и Теке. В ответ к Тетово были переброшены новые силы македонской армии и был начат артиллерийский обстрел позиций албанцев артиллерией армии Македонии.

Наконец, 21-го марта вертолеты Ми-24 нанесли удары по позициям албанцев под Тетово, а силы спецназначения МВД Македонии перешли в наступление, отбросив албанцев от Тетово, и с боем заняли албанское село Гайре. На следующий день в боевые действия вступили и части армии Македонии, В районе села Джермо, где находился центр снабжения албанцев, был высажен вертолетный десант при огневой поддержке вертолетов Ми-24.

В результате общего наступления македонских сил албанцы были отброшены от Тетово, и македонцы к 24 марта установили контроль над селами Селце, Вейце, Лахце, а 27го марта и над селами Лисец, Дренок и Тече, выйдя к границе с Косово.

29-го марта спецподразделение МВД Македонии „Тигри“ и спецподразделения армии Македонии „Вольци“ и „Скорпиони“ заняли с боем село Танушеви, однако под давлением международной дипломатии наступление было остановлено, и в село вошло подразделение КФОРа с Косово.

30-го марта наступление македонских сил под Тетово было окончено, но под контролем албанцев было сохранено в данном районе село Радуша на границе с Косово, а сами албанские отряды, хотя и понесли серьезные потери, однако избежали уничтожения и вышли из-под удара македонских войск.

Учитывая что вооружены албанцы были в основном стрелковым и легким противотанковым вооружением, располагая также противотанковыми минами, зенитными установками калибра 20 миллиметров, а также захваченными у македонцев несколькими БТР и ограниченным количеством ПЗРК «Стрела-2», закупленных албанской мафией в бывшей Югославией, то для них это было успехом.

На другом направлении - под Куманово, действия сил албанцев были более успешны, и они установили контроль над районом села Матеичи и озера Липково, так что албанские патрули из занятого ими монастыря Матеичи выходили на отроги гор, с которых было видно как на ладони Скопье. При этом албанцы в районе села Брест перебрасывали силы с Косово из района Гнилане, где находилась база армии США.

В начале мая силы албанцев в районе Куманова и озера Липково достигали четырех тысяч человек, и они уже были объединены структурой Освободительной народной армии - ОНА, формально объединявшей вооруженные силы албанцев на территории Македонии. Однако на практике ОНА существовала лишь на бумаге, и фактически боевые действия велись силами формально распушенной УЧК, чьи командиры командовали «Косовским охранным корпусом», созданным при поддержке международной администрации ООН в Косово и сил КФОРа.

Помимо этого, согласно данным «Белой книги», составленной в МВД Сербии, член руководства УЧК Даут Харадинай - брат Рамуша Харадиная, организовал также переброску моджахедов из Судовской Аравии, Боснии и Герцеговины, Турции, Афганистана, Косово на фронт в Македонии, в чем согласно «Белой книге» МВД Сербии, важную роль сыграла зарегистрированная в Косово международная организация "Islamic Relief".

Общая численность моджахедов, согласно показаниям арестованного Седулы Мурати, боевика отряда «Исмет Яшари», действовавшего в районе Куманово и Липково, достигала полторы сотни боевиков.

9-го июня несколько сот вооруженных албанцев, среди которых были и моджахеды, под командованием Джезаира Шакири вошли в село Арачиново, населенное в основном албанцами, от которого до Скопья было всего восемь километров.

Возникла угроза того, что силы албанцев войдут в Скопье, где албанцы к тому времени составляли до четверти населения, и потому 22-го июня силы армии Македонии под командованием генерала Панды Петровского начали операцию по освобождению этого села. Одну из важнейших ролей в боях за Арачиново сыграли украинские пилоты вертолетов Мт-24 и штурмовиков Су-25, сумевшие нанести серьезный урон позициям противника.

Однако наземное наступление на село македонских сил, ключевую роль в боевых порядках которых играли спецподразделение МВД Македонии „Тигри“ и спецподразделение армии Македонии „Вольцы“, несмотря на поддержку танков и артиллерии, шло с большим трудом, так что тогда были даже применены и отравляющие вещества. Продолжалось македонское наступление три дня, однако успех был лишь частичный. После приезда в Скопье представителя ЕС Хавьера Соланы было достигнуто перемирие, и албанских боевиков на автобусах вывезли 26-го июня из окружения под защитой американского контингента КФОРа.

Одновременно была начата операция македонских войск в районе Липково озера, однако она прошла неудачно, и хотя спецподразделение МВД Македонии "Тигри" и спецподразделение армии Македонии "Вольцы", совместно с силами бригады македонских пограничников, вышли на направление села Брест, однако албанцы смогли, применив противотанковые мины, его остановить.

Неудаче македонской стороны способствовало не только международное давление на Скопье, когда западные дипломаты требовали «сесть за стол переговоров», но и внутривластная нестабильность в самой Македонии. Армия Македонии находилась под контролем партии СДСМ, созданной на базе бывшего Союза коммунистов Югославии, но ВМРО, которая разыгрывала национальную карту, контролировала МВД, и министр внутренних дел Любомир Бошковский был одним из ключевых функционеров ВМРО.

Руководство ВМРО, недовольное как СДСМ, так и самим президентом Македонии Борисом Трайковским, являвшимся формально независимым кандидатом, организовала в Скопье беспорядки 26 июня 2001 года, когда несколько тысяч македонцев, в основном из состава резервных сил полиции, в ряды которых принимались в первую очередь члены ВМРО, ворвались в парламент после бурного митинга, а в Прилепе митингующие македонцы-сторонники ВМРО сожгли мечеть XVI века.

СДСМ была вынуждена уступить ВМРО, но после того, как вопросы внутривластных отношений между македонскими партиями были

решены, международное сообщество при ведущей роли британской дипломатии уже успело договориться о мерах по установлению мира в Македонии.

Правда, 7-го августа в ходе полицейской операции в Скопье было убито 5 албанцев, а затем албанцы подорвали противотанковыми минами сначала БТР македонской военной полиции, а затем и армейский грузовик с солдатами.

В ответ спецназ МВД во главе с Йоханом Тарчуловским и под общим командованием министра МВД Любомира Бошковского провел с 10-го по 12-е августа зачистку в македонско-албанском селе Люботен, находившемся с самого начала войны под контролем армии Македонии. После того как македонская полиция арестовала несколько десятков местных албанцев, десять из которых она расстреляла по приказу Бошковского, арестованного впоследствии вместе с Тарчуловским и вместе отправленных в Международный трибунал в Гааге, где Бошковский был оправдан, но Тарчуловский получил десять лет тюремного заключения.

Вместе с тем дел по фактам военных преступлений албанцев возбужденно не было, чему способствовало то, что массовое захоронение македонцев под Тетово было перемещено албанцами сразу после подписания мира, а попытка македонцев воспрепятствовать этому закончилась тем, что шедший к месту захоронения македонский БТР был подбит албанцами из гранатомета.

В результате после подписанного 13-го августа 2001 года Охридского соглашения, бывшие албанские террористы в Македонии не только легализовались, но и задержали под своей властью два ими захваченных района - Тетовский и Кумановско-Липковский, где контроль над ними согласно Охридскому соглашению был передан «многонациональной» полиции, состоявшей из вчерашних албанских боевиков и македонских полицейских, а также миротворческим войскам НАТО, введенных в Македонию в ходе операции «Жемчужная лисица». Сам ввод войск НАТО в Македонию прошел без особых проблем, не считая организованную македонцами демонстрацию, в ходе которой были забросаны камнями британские военнослужащие, один из которых от удара камнем был убит.

Сама албанская ОНА была переформированна в политическую партию во главе с Али Ахмети, принявшую участие в парламентских выборах и добившуюся проведения в 2004 году референдума о изменения границ общин, благодаря чему был установлен албанский политический контроль над общинами Тетово, Гостивар, Струга и частичный контроль над общиной Чашка.

В общем, это была типичная балканская война времен распада Югославии, в которой личные интересы номенклатурных чиновников и олигархов господствовали над государственными, так что обе стороны в войне контролировались «международным сообществом».

В силу этого вместо быстрого и решительного удара по силам УЧК, многократно уступавшим вооружением силам армии и полиции Македонии, военно-политическое руководство Македонии теряло время в бесконечных выяснениях отношений между собой и в постоянных консультациях с «партнерами» на Западе, которым победа вооруженных сил Македонии над по сути курируемыми миссией ООН в Косово вооруженными силами УЧК, преобразованными в силы «Косовского охранного корпуса», абсолютно была не нужна.

Потому-то и столь популярны были в этой войне не те, кто бы без лишних вопросов приступил к выполнению боевых задач, а те, кто рассматривал данную войну как возможность быстрого личного обогащения, либо путем банальных хищений, либо путем несколько более замысловатых планов по реорганизации и модернизации, как и поисков все новых образцов вооружения, хотя и существующих было более чем достаточно. Фактически на этой войне, как и на остальных войнах такого типа, не хватало прежде всего настоящих боевых командиров, и ничего более.

Фактор добровольчества в войнах сербского народа

Олег Валецкий

Военное добровольчество традиционно играло большую роль в войнах, ведшихся сербским народом. Объяснение тому лежит в самой сербской истории, в которой государственный аппарат длительное время представлял собою враждебную силу. Единственный “национальный” институт сербов - Сербская православная церковь в какой то мере

обеспечивавшая сербам определенные элементы политической и культурной автономии, в силу самих церковных канонов просто не могла готовить и организовывать воинские формирования.

Так как главное острие удара турок в XVI–XVII веках было направлено через Балканы против Австрии, являвшейся после разгрома Венгрии в XVI веке последним барьером на пути турок в Европу, то создание добровольческих формирований было вопросом выживания сербского народа.

Созданию таких формирований способствовало то, что после поражения сербов от турок Австрия, следуя более раннему примеру Венгрии, приняла тысячи сербов, отступавших от турок. В книге „Жизнь и обычаи сербского народа“ („Живот и обичаи народа српског“) Вук Караджич описывал жизнь сербов, живших по так называемым „задругам“ в которые объединялось несколько сербских семей и которые управлялись одним главой. Подобная организация по сути делала из сербов достаточно дисциплинированную и управляемую воинскую массу которую и использовала австрийская власть.

Важную роль играла и политика властей Османской империи. Так, Белградский пашалук, в котором проживала основная масса сербов, как и другие подобные пашалуки Османской империи, представлял собою военно-территориальное формирование и управлялся пашей, имевшим право осуществлять как военное командование, так и судебную власть, а также собирать налоги. Как писал сербский историк Вук Караджич, для подобных задач белградский паша имел собственные вооруженные конные отряды так называемых „делий“ во главе с дели-башей, у которого в услужении были сборщики налогов - кавазы и чауши - а также судебные приставы-бумбараши. В книге „Сербия Караджорджевичей“ Живко Марковича („Карађорђева Србија (1804-1817)“ Живко В.Марковић. Берн. 2006) приводится отрывок воспоминаний путешествовавшего по Турции де Николе („Бродарења и путовања по Турској“) в котором пишется, что делии, не имея платы, жили от плена и „всегда стремились показать свою храбрость“, и что среди них были люди всех вер, в том числе и сербы. Белградский пашалук делился на санджаки, каждый из которых управлялся санджак-беем, а санджаки делились на нахии. Во главе нахий были поставлены судья-кадия и администратор-муселим, которые, как писал в своей книге Вук Караджич, были источниками всяческих злоупотреблений, в первую очередь по отношению к обесправленным сербам. Положение сербов красочно описано Иво Андричем в его книге „Мост на Дрине“ на примере, когда турки (под которыми понимались тогда все мусульмане, в том числе и боснийские) собирали по сербским селам детей для отправки в янычары. Впрочем, ничуть не менее страшной была картина, когда эти же турки собирали по селам девушек, а нередко и

юношей для гаремов своих беев и пашей и, пожалуй, более показательного примера бесправия сербов тяжело найти.

В книге „Сербия Караджорджевичей“ Живко Марковича приведены также воспоминания бывшего янычара Константина Михайловича из Островицы, который писал, что когда армия султана берет штурмом какой-то город, то всех видных людей города, взятых в плен, убивали, молодежь отправляли в янычары, а женщин раздавали как наложниц.

О самом положении христиан того времени достаточно хорошо пишется и в книге Л.И. Климовича «Книга о Коране, его происхождении и мифологии», где есть высказывание «праведного» халифа Омара: «...Девизом завоевателей стало следующее положение, приписываемое «праведному» халифу Омару I: «Подлинно, мусульмане будут питаться за счет этих (зиммиев, платящих подать), пока будут в живых; а когда мы умрем, и они умрут, то сыновья наши будут питаться за счет их сыновей вечно, пока будут существовать, так что они будут рабами последователей мусульманской веры, пока мусульманская вера будет оставаться преобладающей». Данный текст содержался в «Книге хараджа (Китаб аль-харадж)» написанной верховным судьей Абу Юсуфа (731-798) по поручению халифа Харун ар-Рашида и потому получившем значение юридического руководства для всех «исламских» халифов, эмиров и султанов.

В своей книге Вук Караджич писал что сербам было запрещено одеваться в дорогие одежды, носить одежду зеленого цвета, иметь хороших коней, прилюдно курить, тогда как турок мог избить его, материть его веру, крест, пост, насильно брать его на работу и насиловать сербских женщин, как и брать их насильно в гарем, где силой обращать в ислам.

Наконец, в работе профессора Сорбонского и Белградского университетов Миролуба Евтича «Современный джихад как война» приводится отрывок из книги английского археолога Эванса («Thought Bosnia and Herzegovina on foot”.Evans A.1877.London) о положении сербов в Боснии и Герцеговине находившейся под турецкой властью: «Христианский кмет, или тот, кто обрабатывает землю, в худшем положении от многих рабов в наших наимрачных временах и полностью отдан на милость мусульманских владельцев земли, подобно рабу».

Само положение христиан как лиц второго сорта на собственной земле казалось бы является достаточным основанием для вооруженного восстания против совершенно очевидных турецких агрессоров, хотя иные современные историки будут оспаривать это право, находя в агрессии турецких войск какие-то элементы социального освобождения сербских крестьян от сербских феодалов.

Однако очевидно, что после завоевания турками сербских земель, сербские крестьяне продолжали платить высокие подати туркам - иначе для чего турки бы вообще их земли завоевывали. К тому же турки ввели

новую подать для всех христиан - джизью - подушный налог, взимаемый в исламских государствах со взрослых и свободных немусульман мужского пола, согласно следующему хадису из Корана (9:29): «Сражайтесь с теми из людей Писания, которые не веруют ни в Аллаха, ни в Последний день, которые не считают запретным то, что запретили Аллах и Его Посланник, которые не исповедуют истинную религию, пока они не станут собственноручно платить дань, оставаясь униженными».

Разумеется турецкая власть нередко защищала христианское сельское население, так как оно платило ему подати, однако очевидно что подати эти были достаточно тяжелые хотя бы в силу больших затрат турецкой власти на содержание своей армии и ведение постоянных завоевательных войн.

Если уж в средневековой Европе восстания крестьян имели серьезные социальные причины, то нелогично отрицать такие же причины и у крестьян Турецкой империи. Однако если в средневековой Европе крестьяне, восставшие против феодалов, могли рассчитывать на защиту церкви, городов или королей, то в Турецкой империи им пути назад не было, и потому среди сербов, как, впрочем, и среди других покоренных турками народов – болгар, греков и валахов, возникали различные вооруженные группы, то занимавшиеся разбоем, а то и поднимавших восстания против турок и названных «гайдуками».

Так как христианам было запрещено носить оружие, как и применять его против мусульман, то каждый гайдук становился тем самым государственным преступником в Турецкой империи.

Разумеется «гайдуки» были нередко и разбойниками, но отказывать в праве «гайдукам» в национальных и религиозных идеях - значит вообще ничего не понимать ни в Балканах, ни в их истории, и ни в самой политике турок. Уже сам факт существования независимых вооруженных групп в Турции, в которых большинство составляла обесправленная исламскими законами «райя» (оружие христианам было строго запрещено иметь) являлся для турок государственным и религиозным преступлением.

Подробное описание гайдуков и их обычаев сделал сербский историк Вук Караджич. Согласно Караджичу гайдуки имели развитый кодекс чести, который при ознакомлении с ним, напоминает кодекс чести сербских средневековых рыцарей, о котором достаточно подробно писал полковник Радэ Раич в своей работе «О духе чести Обилича в сербстве (О духу Обилича части у сrbству)».

Сами гайдуки, как пишет Вук Караджич, нередко собирались в относительно большие, численностью в несколько десятков человек, отряды - четы и дружины во главе со своими вождями-харамбашими. Главными целями своих нападений гайдуки делали сборников харача - харачлий, но нередко грабили и богатых сербов, а то и обычный народ,

видимо считая, что покорность этого народа туркам являлась достаточным оправданием для подобных нападений.

Впрочем, Вук Караджич писал, что и сербские крестьяне нередко привлекались турками для облав против гайдуков, а также турки набирали из сербов и тех, кто бы боролся против гайдуков и которых звали бы пандурами. Сами гайдуки имели по Караджичу развитую сеть пособников, укрывавших их и звавшихся ятаками.

Одновременно часть гайдуков укрывалась на территориях соседних Австрии и Венецианской республики, и там они получали имя «ускоки» (ускочити — вскочить).

Ускоки отличались от гайдуков лишь тем, что жили на австрийских и венецианских землях в собственных домах и со своими семьями, и выбираемые ими вожди должны были координировать действия ускоков с властями Австрии и Венеции. При этом ускоками были не только сербы, составлявшие, конечно, большинство среди них, но и хорваты, а также немцы и итальянцы.

Так, в районе Синя под патронатом Венецианской республики в XVI–XVII веках существовала даже своеобразная «ускокская» республика, откуда ускоки нападали на турок и пиратствовали в Адриатике, как, впрочем, и британские и французские пираты, нападавшие на испанцев в интересах своих королей, от которых они получали патенты.

В дальнейшем из сербов была создана в Австрии в 1617 году „Военная граница“, являвшаяся уже военно-территориальным объединением, в котором сербы жили в своих селах, но при первой необходимости мобилизовывались в воинские части, тем более что и в мирное время они управлялись офицерами австрийской армии, являвшихся в основной своей массе сербами.

Хотя венгерская и хорватская знать созданием „Военной границы“ были недовольны, однако австрийские императоры защищали права сербов-„граничаров“. Сербские «граничары» как раз и являлись главным связующим звеном между такими сербскими «гайдуками» и австрийской регулярной армией и тем самым, будучи регулярными войсками, одновременно исполняли задачи, свойственные ныне войскам специального назначения.

Так как большие сербские восстания, как правило, начинались в годы войн против турок христианских государств, как, например, в ходе австро-турецкой войны 1591-1606 годов, в ходе Кандийской войны 1649-1665 ведшейся Венецией против Турции, в ходе Морейской войны 1683-1699 годов, которую вели против Турции Австрия, Россия, Польша и Венеция, то в силу этого отряды сербских повстанцев оказывались де-факто включенными в состав иностранных армий.

Так, в ходе Морейской войны австрийская армия прорвалась в Косово и как раз сербская поддержка дала возможность австрийским

войскам далеко войти вглубь турецких территорий, захватив города Скопье и Приштину в 1689 году.

Тогда под командованием австрийского генерала Пиколомини находились всего 4 000 австрийских солдат, однако действовали они при поддержке отрядов местных сербов, в том числе «гайдуков», обеспечивавших им надежные тыловые коммуникации. После нападения французского короля Людовика Четырнадцатого на Австрию и после смерти Пиколомини, император был вынужден дать приказ на отступление. Однако австрийцы поддержавших их сербов не бросили, а дали им возможность вместе с ними отступить в Австрию и поселиться там на специально выделенных императором землях. Само тогдашнее выселение сербов во главе с патриархом Арсением Третьим Черноевичем было описано сербским писателем Милошем Цырнянским в его романе „Переселения (Сеобы)“ .

Также и в ходе неудачной для Австрии войны 1736-39 годов, когда Австрия потеряла завоеванную ею северную Сербию, из Косово двинулись новые колонны сербских беженцев во главе с патриархом Арсением Четвертым Йовановичем.

В ходе австро-турецкой войны 1788-1791 годов, по разрешению австрийского императора полковник австрийской армии серб Михайло Михальевич создал отряды добровольцев в составе регулярной армии Австрии, в которые набирал всех тех сербов, что присоединялись к австрийским войскам на турецких землях. Эти отряды были названы „фрайкорами (Freichor)“ и насчитывали они согласно «Истории сербского народа» С.Гавриловича („Историја српског народа“.С.Гавриловић) до десятка тысяч человек. «Фрайкоры» практически самостоятельно вели боевые действия на территории Белградского пашалука, освободив Пожаревац, Парачин, Кладово, Чуприно, Неготин, Шабац и Лозницу.

Среди командиров этих отрядов выделялся капитан Коча Анжелькович, освободивший от турок большие территории в Подринье, ставших известными как «Кочина Краина». Во «фрайкорах» была установлена австрийская военная организация, и многие из тех, кто готовил затем сербское восстание против турок, как например Алекса Ненадович и Петр Новакович, получили в них боевой опыт. Так можно упомянуть Джордже (Георгий) Петровича, ставшего позднее известным как Караджордже (Карагеоргий), который в составе «фрайкора» получил чин австрийского унтер-офицера.

После австро-турецкого мира 1791 года, когда Порта запретила своим янычарам находиться на территории Белградского пашалука, реформы султана Селима Третьего лишили янычар выдававшихся им поместий-«читлуков», а новая организация армии – «низами-джедид» - лишала их былых привилегий, то в ответ янычары в 1792 году во главе с Кучук Алией, Хусейн агой, Мулой Юсуфом и Мехмед агой Фочичем (все были сербами

по национальности) подняли восстание против султана, поддержанное затем в 1795 году Османом Пазван-оглу из соседнего Белградскому пашалуку Видина.

В ходе войны против войск султана янычары три раза занимали Белград - в 1792, в 1795 и в 1797 годах, и в итоге тогдашний белградский паша Хаджи Мустафа, которого сами сербы прозвали „сербская мать“ за его благонаклонность к сербам, дал указание создать сербское войско во главе со Станко Харамбашичем, предназначенное для борьбы против янычар, как против врагов султана. Насчитывало оно, согласно Живко Марковичу, 16 тысяч человек. Многие его командиры, как например Алекса Ненадович, до того воевали в австрийских „фрайкорах“, и остальная масса сербов из „фрайкоров“ после того, как те были распущены австрийцами, просто перешла в состав войска Станко Харамбашича.

После того, как янычарам удалось в 1801 году добиться от султана восстановления своих привилегий и убить Хаджи Мустафу-пашу, так что новый Хафиз-паша уже не играл никакой самостоятельной роли, в Белградском пашалуке наступила пора беззакония и анархии, в которой сербское населения бесприпятственно грабилось, убивалось и насиловалось янычарами. Детей турки продавали в рабство, а красивых девушек отправляли в гаремы, где их заставляли принимать исламскую веру.

Так, сербский историк М. Стеванович („Први српски устанак“. М. Стевановић) писал, что в Руднике местный Селим-ага ввел право „первой брачной ночи“ с невестами местных сербов. Закономерно, что масса уже опытных сербских добровольцев, многие из которых имели к тому времени по десятку лет воинской службы, решили сами организовать и во главе с Алексом Ненадовичем, Ильей Бирчанином, Георгием Петровичем и рядом других своих командиров с марта 1803 года стали готовить восстание против турок.

Хотя вожди янычар - „дахии“ смогли узнать о готовящемся восстании и в так называемой „сече кнезова (рубке князей)“ смогли убить большую часть руководителей готовящегося восстания, Георгий Петрович, избежал смерти, когда его люди убили одного из дахий - Узун Мехмеда.

Георгий Петрович, прозванный „Черным Георгием“ или „Караджордже“, на съезде сербов в Орашце, прошедшем на праздник Сретенья 1804 года, был выбран вождем, и под его руководством сербы немедленно подняли восстание против турок. Как пишет сербский историк Стоян Новакович, Карагеоргий не принадлежал к тогдашней сербской знати и не был богатым, и очевидно выдвинулся благодаря своим воинским заслугам, а его организационные способности являлись ключевым фактором в успехе сербского восстания, к которому сразу же добровольно присоединились и многие гайдуки.

При этом гайдуки, которых многие историки считают до сих пор обычными разбойниками, проявляли тогда высокую храбрость и

самопожертвенность. Согласно книге „Война против дахий“ Вука Караджича („Војевање на дахије“. Вук Караџић) в бою под Чокешином две сотни гайдуков из отряда харамбаша Джордже Чурчии во главе с гайдуками братьями Недич и вместе с присоединившиеся к ним местными сербскими крестьянами добровольно остались сражаться против полуторатысячного боснийского отряда Мулы Ножина, и практически все погибли, убив при этом до тысячи турок.

Сам вождь Первого Сербского восстания (1804 года) Карагеоргий получал тогда большую поддержку «австрийских» сербов, так что в его войске сражалось против турок много «австрийских» граничар, добровольно вступивших в состав войск Карагеоргия, перейдя границу. Сами сербские повстанцы Карагеоргия имели в своих рядах стихийно сложившуюся своеобразную воинскую иерархию, и не имели иного выбора избежать смерти, кроме как подчиняться приказам Карагеоргия.

Повстанцы быстро нанесли поражение местным турецким гарнизонам и в самом начале востания в 1804 году освободили Рудник, Крагуевац, Ягодину, Вальево, Чачак, Пожаревац, Смедерево, а затем и захватили в плен дахий-вождей янычар и отрубили им головы.

В Россию повстанцы послали свою делегацию, а в следующем году освободили Карановац (Кральево) и Ужицы.

К тому времени, согласно книге „Сербия Караджорджевичей“ Живко Марковича, войско повстанцев насчитывало 39 000 человек. Турки были вынуждены прибегнуть к наемным „кырджалий“, тогдашних турецких разбойников, в ряды которых согласно Вуку Караджичу принимались люди всякой веры, однако промышляли они грабежами обычного населения. Впрочем „кырджалии“ под командованием Алии Гушанца показали себя как самая надежная опора Порты, ибо смогли прорваться в осажденный сербами Белград где Алия Гушанца стал представлять реальную власть, в отличии от немощного Сулеймана-белградского паши. Собранную турками пятнадцатитысячную армию повстанцы разбили под Ивановцами, и на следующий год в руки сербов попали Крушевац, Алексинац и Пореч.

Порта тогда подготовила с французской помощью три корпуса, однако наступление одного из них, численностью в 9000 человек, набранного в Боснии из местных мусульман, закончилось его полным разгромом в битве под Мишаром девяти тысячными сербскими войсками, находившимися под командованием лично Карагеоргия. Тогда турки потеряли две трети личного состава, как в самой битве, так и в ходе отступления в Боснию.

Затем были разбиты под Делиградом сербами Карагеоргия шеститысячные силы Шашит-паши, наступавшего с направления Лесковца, и в итоге был подписан мир с турками, согласно которому Порта оставляла лишь гарнизоны в городах, предоставляя сербам внутреннюю автономию. Так как силы „кырджалий“ Алии Гушанца отказались передать сербам

контроль над Белградом, Карагеоргий 1-го (13-го) декабря захватил Белград, а 17-го(29-го) декабря захватил и крепость Калемегдан, из которой по договору были выпущены силы Алии Гушанца, а затем 27-го декабря (8-го января) Сулейман-паша сдал последнее укрепление в Калемегдане. После этого сербами в 1807 году были освобождены Лозница и Шабац, а в это же время в Сербию вошли российские войска под командованием генерала Исаева, начавшие совместно с сербами боевые действия против турок.

После этого сербы перенесли боевые действия в Боснию и Герцеговину, где также вспыхнули восстания тамошних сербов. Силы Карагеоргия и тамошние сербские повстанцы освободили в Боснии Вишеград, Зворник и Беляну.

В 1809 году, после объявления Турцией войны России и после приказа Александра Первого русским войскам на наступление против турок на дунайском направлении, сербские войска стали важным союзником данной двадцатитысячной (согласно сербскому историку Стояну Новаковичу) группировки русских войск, имевшей целью перейти на правый берег Дуная.

К тому времени, согласно приведенному в книге „Сербия Караджорджевичей“ Живко Марковича фрагменту из книги М.Деспота „Иностранная современная пресса о первом сербском восстании“ („Страна современна штампа о Првом српском устанку“.М.Деспот), Карагеоргий располагал восьмидесятитысячной армией, из которых лишь 30 000 были выходцы из Сербии, тогда как остальные были выходцами из других краев Османской империи, являясь в прямом смысле добровольцами, и притом в значительной мере сербами они не были, а были греками, валахами и албанцами.

Сорокопятитысячная армия Карагеоргия совместно с русскими войсками генерала Прозоровского и силами черногорцев предприняла наступление на турок, и сербы захватили Сеницу на юге Сербии и осадили Нови Пазар, а затем армия Карагеоргия разбила турецкую армию Нуман-паши Махмуда Беговича под Суводолом. На Дринском направлении сербские войска напали на Беляну, а затем после контрнаступления турецких войск из Боснии под командованием Ибрахим-паши из Маглая, Хасан-паши из Сребреницы и Али-паши из Зворника сербы одержали над ними победу под Лозницей.

В данном случае следует напомнить, что формирование тогдашней сербской армии велось из стихийно созданных добровольческих отрядов без организованной и планомерной иностранной помощи, которую имели турки, поддерживаемые Наполеоном.

После ввода турками новых сил неравенство сил было достаточно очевидно и потому поражение сербов под селом Каменица вполне было закономерно. К тому же тогдашним русским наблюдателям была очевидна

борьба самолюбий различных сербских командиров. Так, героическая оборона сил сербского воеводы Стевана Синжелича на горе Чегар у села Каменица, где в конце концов сам Синжелич взорвал вместе с собою и своими людьми пороховой склад, не желая сдаваться в плен, была обусловлена отказом главнокомандующего сербскими войсками в этой битве Милоя Петковича послать помощь силам Синжелича, оказавшимся на направлении главного удара турок.

В данном случае война шла на взаимное уничтожение, и показателем тогдашнего отношения турок к сербам является так называемая «Челе-кула» в Нише, куда турки замуровали 952 головы погибших сербов из отряда Синжелича.

После победы под Каменицей семидесятитысячная турецкая армия, совершив нападение на Делиград и после длительной его осады, захватила его. Однако упорная его оборона сербами, как и сербская победа двухтысячного сербского отряда Танаско Раича над двенадцатитысячными силами Алии Гушанца под Таборином, дали возможность им выиграть время.

Тогда, после перемен в военном командовании русской армии, где командующим войсками стал князь Багратион, сменивший Прозоровского, и после успешного русского наступления на Дунае, последовало новое наступление сербских войск на турок в Сербии и потерянные сербами территории были возвращены.

Весной 1810 года в Сербию вступили русские войска генерал-майора Цукато, которые, согласно Н. Богуновичу („Одједи устанка у Еуропи“. Н.Богуновић) совместно с сербскими войсками «гайдука Велько» нанесли поражение туркам под Делиградом, а затем русский корпус генерал-лейтенанта Саса и сербские силы Младена Миловановича, согласно сербскому историку Цветичу, захватили Гургусовац (Княжевац). К сожалению, в рядах сербских командиров начались взаимные конфликты, о чем в своих письмах к ним, согласно книге „Сербия Караджорджевичей“, Живко Марковича сообщали как генерал-майор Цукато, так и заменивший Багратиона, новый русский главнокомандующий граф Каменский.

Однако, хотя новое наступление тридцатипяти тысячной турецкой армии Хуршид-паши повлекло сербские поражения под Свырлигом и Сокобаней, последовала новая победа русской армии графа Каменского над турками под Батином в Болгарии, где турки потеряли восемь тысяч убитыми, в том числе Алию Гушанца.

Затем объединенные силы русских войск под командованием генерал-майора Орурка и сербских войск под командованием Карагеоргия поразили силы Хуршид-паши под Варварином. В этой битве важную роль сыграл обходной маневр казачьего полка полковника Никича. В сербской истории битва под Варварином известна поединком между сербом Йованом Курсулой и турком, когда, согласно книге русского

генерала Владимира Гофмана „Великий вождь Карагеоргий“ („Велики вођ Карађорђе“. В.Гофман) последний сбежал от Курсулы, а также тем что известный сербский „гайдук Велько“ получил от Карагеоргия чин воеводы. Сербская армия Карагеоргия после упорной обороны Лозницы от сорокатысячной боснийской армии турок, перешла в наступление и под Тичаром разбила турок, отступивших потом в Боснию.

В феврале 1811 года, согласно сербскому историку А.Ивичу (“Ис доба Карађорђа и сина му кнеза Александра”. А.Ивић), в Сербию были введены два батальона русской армии под общим командованием полковника Александра Бала, и русские солдаты были распределены в Белграде, Шабце и в Делиграде, а в ноябре в Сербию вошли новые подразделения русской армии.

К тому времени силы сербов были на исходе и население голодало, так что все надежды сербы возлагали на Россию. Тем не менее на юге Сербии „гайдук Велько“ нанес два поражения туркам в боях под Брегово и Гырци, а затем в сражении под Грамадой сербскими войсками были разбиты силы Хуршид-паши выступившего из Ниша, тогда как на реке Лим воевода Милош Обренович разбил силы Нуман-паши, выступившего из Печи. Боснийская армия турок Сулейман-паши, в которой находились и французские инструкторы, к тому времени не решалась перейти Дрину, тогда как основные шестидесятитысячные силы турок были разгромлены Кутузовым под Рущчуком.

Сам Кутузов рассматривал Карагеоргия важным союзником и согласно переписке, приведенной в книге „Сербия Караджорджевичей“, Живко Марковича отправлял тому снаряжение, деньги и порох. В дальнейшем русское военное командование планировало осуществить силами русских и сербских войск наступление на Боснию, а затем и на Адриатику, дабы выбить отуда французов, и отправило в Сербию новые силы под командованием адмирала Чичагова. Однако подписанный в Бухаресте мир и угроза нападения Наполеона на Россию вынудили императора Александра вывести войска из Сербии, тогда как согласно договору из Бухареста, сербы обязаны были разрешить возвращение в города турецких гарнизонов и по сути распустить армию, сдав артиллерию и боеприпасы, за исключением личного холодного и огнестрельного вооружения.

Новое наступление двухсоттысячных турецких войск произошло в 1813 году в ходе тяжелой болезни Карагеоргия, которому, согласно книге русского генерала Владимира Гофмана, многие сербские командиры отказались подчиняться. В итоге пятидесятипяти тысячная сербская армия была разбита и Сербия снова попала под турецкую власть. После установления турецкой власти поставленный турками сербским вождем один из воевод Карагеоргия-Милош Обренович дал приказ убить большинство остальных сербских воевод, а в 1817 его людьми был убит и

сам Карагеоргий, который после разгрома сербских войск укрывался в России и откуда прибыл в Сербию для организации нового восстания.

В то время в сербском народе воинские заслуги приветствовались, и если человек отличался воинскими доблестями, то даже если свои воинские подвиги показал не в сербской армии, то все таки мог рассчитывать на уважение среди многих сербов. Причина тому лежала в самой сербской психологии, в формировании которой важную роль играли тогда понятия чести и достоинства, неразрывно связанные с воинским делом.

Хорошо также известна по воспоминаниям русских путешественников и практика черногорских владык, собиравших на войну фактически самостоятельные племена Цырной Горы и Бырда, путем простой отправки гонца, который, объезжая эти сербские села, выкрикивая «ко витез, ко цырногорац, ко за часни кырст (кто витязь, кто черногорец, кто за крест честный)» осуществлял сбор войска, и подобная практика ничем иным как добровольчеством названа быть не могла. Племенная структура Черногории являлась, по сути, воинской организацией, а сами черногорские племена вели частые войны с турками, в первую очередь с местными мусульманами сербского и албанского происхождения. По сути черногорцы вели здесь постоянную партизанскую войну, поддерживая сербов в соседних с Черногорией районах под турецкой властью. В силу этого закономерно, что в 1878 г., после окончания русско-турецкой войны царь Александр II своим манифестом отличил действия черногорцев, а тем самым, и добровольцев из соседних им сербских районов, укоров при том сербскую армию.

Впрочем, и после освобождения от турецкой власти Сербия достаточно эффективно использовала добровольцев. Так в ходе венгерской революции 1848-49 годов, когда сербы Срема, Баната и Бачки выступили в поддержку австрийской короны в войне против восставших венгров, то на помощь созданной тогда указом австрийского императора «Сербской Воеводине» Сербия в 1848 году послала корпус в двенадцать тысяч добровольцев под командованием Стевана Книджанина, и эти силы были включены в армию австрийского генерала (серба по национальности) Стевана Шупликаца. Как раз эти добровольцы под командованием Стевана Книджанина сыграли ключевую роль в победе над венгерскими войсками генерала Киша в битве под Панчево 2 января 1849 года. Согласно данным из работы «Добровольцы из Сербии и сербское движение в Венгрии 1848-49 годов» Ненада Урича («Добровольци у ослободилачким ратовима срба и црногораца». Институт за савремену историју.Београд.1996 година.Удружење ратних добровољаца 1912-1918,њихових потомака и поштовалаца/НИП «Комуна»-Кикинда.), тогдашний главнокомандующий сербскими войсками полковник Фердинанд Майерхофер на военном совете Воеводины предлагал сдать Панчево венграм и отступить в Сербию,

но Стеван Книджанин при поддержке капитана Адама Косанича на штабном совещании выступил против отступления.

В дальнейшем однако, во многом благодаря выводу большей части добровольцев в Сербию, совершенного под давлением австрийского правительства, сербско-австрийские войска генерала Кузмана Тодоровича стали терпеть поражение от венгров, сумевших восстановить контроль над большей частью Баната и Бачки после победы над австрийцами в битве при Кополне.

Однако отряд добровольцев из Сербии под командованием Стевана Книджанина, возвратившись из Сербии, смог, закрепившись на Тителском плато, сохранить в руках сербов Срем и тем самым предотвратить их полное поражение.

Также в 1862 году Сербия, после обстрелов турками Белграда, испытывая недостаток в подготовленных военных, согласно работе Бранко Бешлина - «Сербы из Габсбургской монархии – участники в боснийско-герцеговинском восстании и в сербско-турецких войнах 1875-78 годов» («Добровольцы у ослободилачким ратовима срба и црногораца». Институт за савремену историју. Београд, 1996 година. Удружење ратних добровољаца 1912-1918, њихових потомака и поштовалаца/НИП «Комуна»-Кикинда), создала в Вальево Югославский легион (так как уже тогда идея «югославства» получила популярность в Сербии), насчитывавший около трех тысяч человек и в основном это были сербы из Австрии, однако были и хорваты, немцы, поляки и чехи.

После поражения России в Крымской войне и отмены российского протектората над православными в Турецкой империи, положение православных ухудшилось, и после нескольких лет террора сербы в Боснии и Герцеговине и болгары в Болгарии подняли восстания. Дабы их подавить, турки решили перейти к репрессиям, для чего прибегли к помощи черкесов, выселявшихся с Кавказа после поражения в Кавказской войне и населенных турками в их европейских владениях. Черкесами, а также созданными турками из албанских и славянских мусульман отрядами «башибузуков», тогда были продемонстрированы «турецкие» методы противопартизанской войны, подразумевавшие полное уничтожение повстанцев и их семей.

В данном случае действия «башибузуков» были следствием достаточно продуманной политики Турции по полному подавлению всякого сопротивления христиан внутри Турецкой империи силою поселенных среди них мусульман, точнее, созданными последними милициями. Башибузуки были типичной восточной милицией и действовали типично восточными методами - отрубая тысячи голов православным при попустительстве правительства Великобритании, стремившегося таким образом покончить с русским влиянием на Балканах и укрепить позиции своего союзника - Турции.

Единственным препятствием для турок были действия Сербии и Черногории, организовавших поддержку повстанцев в Боснии и Герцеговине как оружием, так и отрядами добровольцев, тогда как в Болгарии повстанцы частично были разгромлены, а частично отступили в горы или в соседнюю Сербию.

С объявлением Сербией и Черногорией войны Турции 18 июня 1876 года, число добровольцев в сербских войсках увеличилось.

Согласно работе Бранко Бешлина - «Сербы из Габсбургской монархии – участники в боснийско-герцеговинском восстании и в сербско-турецких войнах 1875-78 годов», в 1876 году был создан «Добровольческий Корпус» сербской Дринской армии, в котором основную массу составляли сербские добровольцы из Боснии и Герцеговины, главным образом из регионов Семберии и Маевицы. Офицерские кадры в нем были составлены главным образом из «австрийских» сербов – офицеров австро-венгерской армии, многие из которых участвовали в войнах против Пруссии и Италии. В различных добровольческих отрядах, самыми крупными из которых были отряды «австрийских» сербов, «турецких» сербов и болгар, воевали представители разных национальностей – англичане, итальянцы, французы, греки, румыны, поляки, и тогда Сербия вообще принимала всех добровольцев, и, например, в лагере Бадовинцы Добровольческого Корпуса Дринской армии, согласно Бранко Бешлину, было много добровольцев из разных стран и городов, в том числе итальянские гарибальдийцы и прусские офицеры.

Среди последних можно было выделить прусских офицеров братьев Евгения и Павла Штурм. Последний, принимавший участие во франко-прусской войне и впоследствии добровольно вступивший в армию Сербии, переименовал фамилию на Юришич, и, оставшись в Сербии, сделал успешную военную карьеру, став в Первой Мировой войне прославленным командующим 3-ей Сербской армией.

Очевидно, что благодаря постоянно ведущимся войнам, от исхода которых зависела судьба всего народа, в сербском народе воинское ремесло было в 19-ом веке в почете. Достаточно показательной была биография короля Петра Караджорджевича - сына князя Александра Караджорджевича и внука самого Карагеоргия, который, приняв участие во франко-прусской войне добровольцем во французской армии, затем под именем Петр Мыркониц присоединился к сербским повстанцам в ходе сербского восстания против турок в Герцеговине в 1875 году. При этом одним из самых известных генералов в армии короля Петра был Павел Юришич, бывший прусский офицер Павел Штурм.

Еще один Караджорджевич - Арсений, сын князя Александра прослужив во французском иностранном легионе, затем с началом русско-японской войны 1905 года вступил в русскую армию, приняв участие в боях против японцев. По возвращении в Сербию Арсений получил от короля

Петра должность командира кавалерийской дивизии с которой участвовал в освобождении Косово и Метохии.

В ходе войны 1876-77 годов в Черногории по инициативе Гарибальди и поддерживавших его социалистических и масонских кругов, согласно работе «Итальянские добровольцы в Герцеговине, Черногории и Сербии (1875-76)» Миляны Алексич-Пейкович, был создан отряд из нескольких сот итальянских добровольцев. Эти добровольцы действовали достаточно успешно, в том числе участвуя в партизанских операциях в Герцеговине, хотя, однако, их связь с черногорскими либералами, возглавлявшимися Любибратичем, была причиной нередких их конфликтов с князем Николой. К тому же местная черногорская среда, согласно автору Миляне Алексич-Пайкович считала нередко, что эти добровольцы, среди которых было немало итальянских князей и офицеров, сбежали из Италии либо из-за нищеты, либо из-за какого-то уголовного преступления.

Однако, русское добровольческое движение было «... самым массовым и с большими последствиями» (из материалов книги болгарского историка Генова С. «Добровольческое движение на Балканах во время сербско-турецкой войны 1876 года» в сборнике «Congres international des etudes balkaniques et Sud Est Europeennes» 1-er 1966, Actes № 4, Sofia, 1969, p.234). Фактически вся Россия в лице русских добровольцев встала на защиту Сербии, и только благодаря этому армия Турции, силы которой далеко превосходили армию Сербии, несла большие потери.

К тому же Сербия на тот момент регулярной армии не имела, чему немалая «заслуга» самой сербской власти, находившейся под влиянием соседней Австрии, то судьба ее была предрешена. В этих условиях лишь вступление России в войну являлось гарантией спасения Сербии. Однако, Россия, как и всякая иная страна, была подвержена внутривнутриполитической борьбе и внешнеполитическому давлению.

В таких условиях был применен рецепт, успешно себя показавший еще в Греции в начале XIX в., заключающийся в создании отрядов из формально независимых от Российского государства русских добровольцев, которые в данном случае сыграли роль костяка, который смог скрепить сербскую армию.

Во главе этого движения встал генерал Михаил Григорьевич Черняев, герой завоевания Средней Азии. Генерал Черняев был без сомнения, большой идеалист, пожертвовавший своим именем ради достаточно неблагодарной в политике цели спасения заведомо обреченной на поражение армии, и никто не заставлял Милана Обреновича назначать Черняева командующим сербской армией, ибо правительство России тогда было против чересчур явного вмешательства в отношения между проанглийской Турцией и проавстрийской Сербией.

Сам Черняев, согласно работе Андрея Шемякина, силою своего имени сумел привлечь большое число представителей русской

аристократии, таких как Виссарион Комаров, Дмитрий Дохтуров, граф Коновницын, князь Чавчавадзе, Миних, граф Келлер, князь Николай Раевский, которые принесли в сербскую армию не только опыт, но и средства.

Согласно книге А.В. Окурокова «Русские добровольцы», основу добровольческого движения в Сербии составили патриотически настроенные офицеры Российской армии, представителями которой являлись полковник генерального штаба В.В. Комаров, В. Беккер, Д.П. Дохтуров.

По сути, русские офицеры составлявшие треть от всех русских добровольцев, которых к августу 1876 года насчитывалось около 2200 человек, и создали сербскую армию.

Как писал участник той войны Николай Васильевич Максимов, сам русский доброволец в сербско-турецкой войне 1876 -77 годов и газетный корреспондент при отряде генерала М. Д. Скобелева, во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов русские офицеры были невысокого мнения о сербской армии.

Впрочем об армии Сербии тогда были низкого мнения и сербские добровольцы из числа офицеров австрийской армии, и дело тут не только в том, что сербская армия тогда представляла собой главным образом сельское ополчение. Это могло бы быть преодолено, не будь совершенно бездарной деятельности тогдашнего (с 1876 года) начальника Генерального Штаба армии Сербии генерала Франтишка Заха, который хотя не имел никакого военного образования и боевого опыта, кроме участия в качестве чешского добровольца в польском восстании против России, по своему прибытию в Сербию сразу получил высокие командные должности благодаря «лоббистской» деятельности польских эмигрантов, точнее, созданной ими в Париже организации «Отель Ламбер», пользовавшейся покровительством турецкого султана, благодаря связям польской колонии в Адамополе под Стамбулом.

Когда же политика князя Милана Обреновича по созданию «югославского» государства за счет Турции и привела к войне в 1876 году с турками, то обнаружилось, что армия Сербии, создававшаяся «генералом» Франтишком Захом, малобоеспособна и в 1877 году Заха на должности срочно сменил сербский генерал Йован Драгашевич. Последний испытывал острую нехватку подготовленных командных кадров и потому, согласно книге А.В. Окурокова «Русские добровольцы», 27 июля 1876 года император Александр II и объявил о разрешении офицерам выходить во временную отставку, чтобы они могли выехать на театр боевых действий на Балканах, а оттуда уже все они могли возвращаться в свои части без ущерба для карьеры. Одновременно в Сербию по указанию императора был отправлен генерал Дандевиль как представитель петербургского славянского комитета, и В.Н. Теплов в качестве представителя московского

славянского комитета для координации по приему и распределению добровольцев. Часть добровольцев направлялась на командные должности – от командира роты до командира бригады в части армии Сербии, а другую часть отправляли в добровольческие отряды, состоявшие из сербов, выходцев из земель, находящихся под властью турок, как и из Черногории, а также из болгар. К концу войны появились отряды, которые состояли только из русских добровольцев. Наибольшее число русских добровольцев воевало в Тимочко-Моравской армии, количество их составляло около двух тысяч двухсот человек, из них 650 офицеров и 300 медперсонала.

Вместе с тем возможно что в данном случае куда рациональнее было Сербии активнее включиться в поддержку, организацию и снабжение сербских повстанцев действовавших на турецкой территории, создавая из них партизанские отряды. Тому примером было создание отрядов болгарских добровольцев, и важное место в создании болгарских дружин занимал майор русской армии А.В. Киреев, брат одного из ведущих идеологов и теоретиков славянофильства А.А. Киреева. Сам А.В. Киреев был ранен в бою в районе Великого Извора, когда он возглавил атаку болгарских дружинников 6 июля 1876 года на перевале Кадибогаз.

Когда под натиском турок болгарские повстанцы отступили на территорию Сербии, то они стали организовываться с помощью русских добровольцев в отдельные отряды Болгарского легиона. По большому счету этот легион мог бы при поддержке сербской армии развернуть в Болгарии партизанскую войну, так как турки не имели эффективного командования над своими силами из черкесов и местных башибузуков, которых больше интересовали грабежи и убийства, нежели исполнение воинского долга. Однако в данном случае следовало учитывать фактор, тогда малоучитываемый в России, а именно - национальную неприязнь между сербами и болгарами. Показательно, что сербские историки избегают часто упоминания роли болгарского легиона, на самом деле сыгравшего исключительно важную роль в той войне. Между тем в данном случае речь шла не об обычных болгарских крестьянах, а о тех, кто добровольно вступив в ряды повстанцев против заведомо более мощной силы, уже получил опыт в боях против как турецкой регулярной армии, так и турецких милиций.

То есть, в данном случае в силу естественного отбора, Сербия получила хорошо подготовленное и морально стойкое воинское соединение - Болгарский легион, который силами русских офицеров превращался в профессиональную регулярную силу. Однако в данном случае традиционная для всех Балкан логика перевесила доводы здравого смысла, и правительство Сербии по сути лишь терпело Болгарский легион, и то благодаря генералу Черняеву.

При этом стоит помнить, что строительство как сербской армии, так и Болгарского легиона велось под руководством группы энтузиастов без

прямого руководства Российского государства. В силу этого неудивительно, что планировавшийся Черняевым прорыв в Болгарию не удался.

Если Черняев и русские добровольцы стремились к достижению общей победы над турками, и закономерно видели в Болгарии поле для быстрого достижения таковой, путем организации и подготовки болгар, ибо генералу Черняеву тогда было выгоднее организовать партизанскую войну в Болгарии силами болгарского легиона и русских добровольцев, предоставив сербской армии обороняться от турок. Однако, генерал Черняев был в своих действиях ограничен требованиями сербского правительства, и лишь в сентябре-октябре 1876 г. были созданы 2 бригады из русских и болгарских добровольцев стараниями графа Келлера, успешно себя показавшие в боях в долине Моравы и поразившие турок и черкесов. При этом, данным бригадам пришлось в ходе действий на турецкой территории подавить выступления местных сербских мусульман и бороться с партизанскими действиями отрядов черкесов и арнаутов.

Тем не менее, в конечном итоге силы сербской армии, болгарского легиона и русских добровольцев 14 августа 1876 года под Фундином нанесли поражение сорокатысячной турецкой армии. Однако сербская армия, не имея достаточных сил и подготовки, не смогла тогда выполнить поставленную её правительством заведомо для нее невыполнимую задачу по наступлению на Косово, где вследствие большого процента албанского населения турки имели мощную мобилизационную базу, тогда как, согласно воспоминаниям русских участников из книги "Две войны 1876-1878 гг." Максимова Н. В., многие мобилизованные сербские крестьяне не слишком понимали смысла войны с турками, с которыми они шестьдесят лет до этого жили в каком-никаком, но мире.

В данном случае это было типичной болезнью только отмобилизованных армий, не имевших отлаженного военного механизма, ибо в Сербии до этого имелась армия, численностью в несколько тысяч человек, и Австрия своим влиянием препятствовала ее усилению. Попытка генерала Черняева создать из массы мобилизованных сербских крестьян регулярную армию с помощью русских добровольцев была не слишком успешной, вследствие того, что русские добровольцы не были организованной в России силою и не имели отработанных механизмов подготовки и командования сербами, язык которых они не понимали, и ни один другой полководец на месте Черняева не мог бы осуществить подобной задачи.

В данном случае, возможно, для генерала Черняева более целесообразно было создавать из сербских добровольцев Сербский легион с русским и сербским командным кадром, подобным болгарскому легиону, предоставив остальной сербской армии вести позиционную войну. В таком случае генерал Черняев получил бы куда больше сплоченную и

подготовленную силу, которая могла бы вести маневренные боевые действия против турок, в том числе рейды по их тылам.

В итоге сами турки, быстро отобили резервы, развернули наступление на сербскую крепость Алексинец. Хотя в ходе ожесточенных боев в районах Шуматовца и Горнег Адровца с 18 по 22 августа силы генерала Черняева смогли выстоять под ударом турок, однако, в результате обходного маневра турецкой армии эти силы были вынуждены отступить 1 сентября. Контрнаступление не удалось, так как большое число мобилизованных сербских ополченцев отказалось пойти в атаку.

Турция, многократно превосходившая численностью населения и Сербию и Черногорию, перебрасывала на данный театр всё новые резервы, тогда как сербы не имели достаточно людских резервов, а болгары за исключением добровольцев в войне не участвовали. В результате армия генерала Черняева была вынуждена отступить в новых сражениях под Горним Адровцем 17 октября 1876 года, а затем и под Джунисом 29 октября 1876 года, где до половины русских добровольцев погибло.

Согласно книге А.В. Огорокова «Русские добровольцы», после остановки активных боевых действий к 19-му января большая часть русских добровольцев выехала в Россию, но около полутора тысяч добровольцев осталась в Сербии в составе дивизии, созданной под командованием полковника Меженинова.

Однако после заключения мира Сербии и Турции 16 февраля 1877 года большая часть русских добровольцев возвратилась домой, кроме неполной сотни, оставшейся в составе русско-болгарской бригады полковника Милорадовича, которая после заключения мира между Сербией и Турцией была выведена в Плоэшт.

Тем не менее свою независимость Сербия завоевала как раз благодаря этим добровольцам, без активной роли которых российская армия вряд ли была бы послана против турок в 1877 году, и как раз русские добровольцы сыграли свою роль, подтолкнув Россию к вступлению в войну против Турции, в результате которой были освобождены как сербские, так и болгарские земли.

Однако когда перед началом русско-турецкой войны в Сербию был направлен генерал-лейтенант Никитин с целью подготовки армии Сербии и русских добровольческих частей, то в силу отказа руководства Сербии от активных наступательных действий его задача оказалась невыполнимой. Тем не менее, согласно книге А.В. Огорокова «Русские добровольцы», в тяжелых боях в сентябре 1878 года под Алексинцем где решалась судьба армии Сербии, силами корпуса полковника Хорватовича, командовали русские офицеры: левым корпусом – полковник Молостов, центром – полковник Клиндер, правым крылом – полковник Журавлев, тогда как в составе Дринской и Ибрской армий, находившихся на менее важных направлениях, было соответственно 50 и 130 русских добровольцев.

Важную роль русские добровольцы сыграли в формировании Болгарского ополчения, которое создавалось после окончания сербско-турецкой войны в феврале-марте 1877 года в Кишиневе. Вначале оно состояло из шести батальонов общей численностью до семи с половиной тысяч человек под командованием генерала русской армии Н.Г. Столетова, и это ополчение приняло участие в боях у Стара Загоры, Шипки и Шейново, и к концу войны в нем насчитывалось двенадцать батальонов.

В книге «Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и подвиг освободителей» известного болгарского историка Генова (Генов Ц.София: София Пресс, 1979 Перевод Кирилла Герасимова) пишется следующее: «...Независимо от целей и побуждений отдельных держав, вовлеченных в восточный кризис, русско-турецкая война 1877-1878 гг. завершилась победой русского оружия, мир был подписан. Главным ее результатом было образование Болгарского государства. Поэтому последнюю русско-турецкую войну XIX века болгарский народ по праву и с гордостью называет Освободительной».

Не менее важную роль добровольцы, но уже из сербских областей, оставшихся под властью Турции, сыграли в подготовке и в ходе Первой Балканской войны. Созданные «на общественных началах» из таких добровольцев «четнические» (чета в переводе рота, сотня) отряды с 1904 по 1912 год вели «партизанскую» войну в Косово и Метохии, в Македонии и в Южной Сербии. при поддержке местного сербского населения. После периода «частной» инициативы в ведении партизанской войны с 1904 года, ведшейся главным образом под патронатом «Сербского комитета» (созданного в 1903 году в Белграде), в 1906 году правительство Сербии установило прямой контроль над движением, которое впрочем и так от своего основания курировалось разведслужбой Генерального Штаба сербской армии и ее начальником Драгутином Димитриевичем - «Аписом».

В 1906 году при консульском отделении Министерства иностранных дел Сербии был создан комитет организации «Тайный союз сербских оборон», основанной в 1905 году. Этот комитет до 1908 года командовал операциями сербских четников, тем более что многие из них были выходцами из Косово и Метохии, и хорошо знали данную местность

В общем операции велись достаточно успешно, хотя иногда случались и разгромы четнических отрядов. Так это произошло в мае 1904 года в районе Шупли Камен под Куманово в Македонии и в районе Пасьяна под Гнилане в Косово в июле 1907 года. При этом сербы, согласно работе «Поражение сербских четников под Пасьяном (Гнилане)» (Добровольцы у ослободилачким ратовима срба и црногораца».Институт за савремену историју.Београд.1996 година), вели боевые действия и против таких же македонских «партизан», звавшихся «комитами».

После революции «младотурок» в 1908 году правительство Сербии отказалось от проведения «четнических» операций в Турции, однако продолжало подготовку созданных четнических отрядов, сыгравших столь важную роль в 1912 году в Первой Балканской войне, где они являясь авангардом сербских войск и вели разведывательную деятельность. К тому времени четники были в своем большинстве уже достаточно опытными бойцами.

Столь же важную роль согласно статье «Добровольцы в черногорской армии в ходе Первой Балканской войны 1912-13 годов» Митара Джуришича (Добровольцы у ослободилачким ратовима срба и црногораца». Институт за савремену историју.Београд.1996 година.) сыграли добровольцы и в действиях армии Черногории в Первой Балканской войне. Черногория перед началом войны создала отдельные батальоны из сербов, перебежавших в Черногорию из районов Санжака, Метохии и из области племени Васоевичей, остававшихся под властью Турции. В эти батальоны были включены и добровольцы из числа сербов Австро-Венгрии (главным образом из Боснии и Герцеговины и из района Боки Которской), а также и из числа иностранных добровольцев. Как раз благодаря большому числу местных добровольцев черногорский командир Янко Вукотич смог, располагая всего тремя бригадами, взять города Плевле, Бело Поле и Бераны, организовывая уже в ходе самих боевых действий батальоны добровольцев из числа местных сербов.

Важную роль сыграли четники и в ходе Первой Мировой войны. После оккупации Сербии войсками Австро-Венгрии силами четнических организаций была организована партизанская война против оккупационных сил. Так, согласно книге «Малая война - партизанство и диверсии» М.А. Дробова(Альманах «Вымпел». Москва.1998 год.), в Сербии «малую (партизанскую)» войну вели «четы(роты)» сербских добровольцев-«комитаджей», как Дробов называл сербских четников, называвшихся иностранными историками «комитами». Согласно Дробову, хотя общее число этих сербских «комитаджей» на территории Сербии достигало 6-7 тысяч, австро-венгерское военное командование было вынужденно держать против них воинский контингент численностью до 70 тысяч человек, а иной раз число этого контингента достигало 90 000 человек.

Когда в годы Первой Мировой войны, в январе 1916 года, на остров Корфу было эвакуировано около ста пятидесяти тысяч военнслужащих армии Сербии, а армия Черногории приказом короля Николы была распущена по домам, то по требованию царя Николая Второго, армия Сербии была переброшена на Салоникский фронт, сохранив тем самым политическое влияние правительства королевской Сербии. Тогда добровольцы стали важным фактором для сохранения боевой мощи сербской армии, терпевшей тяжелые потери. В этот период эмиграция из бывшей Югославии организовала набор добровольцев в армию Сербии, в

чем активную роль сыграл Югославский Комитет, в котором были как сербы, так и хорваты и словенцы. Тем не менее, основная масса добровольцев, набранных в США и Канаде, а также в Австралии и Новой Зеландии и Западной Европе, были сербы и по различным данным их число достигало десятка тысяч человек, а к этому числу следует добавить несколько тысяч добровольцев из числа военнопленных австро-венгерской армии, опять таки главным образом сербов.

В России указом царя Николая II в начале 1916 года был создан сербский добровольческий отряд из военнопленных югославян австро-венгерской армии со штабом в Одессе. В силу больших симпатий Николая II к сербскому королю Александру, последнему было разрешено послать в Россию группу офицеров сербской армии во главе с полковником Хаджичем. Созданная ими 1-я сербская добровольческая дивизия численностью около десяти тысяч человек после операции в 1916 году, задуманной союзниками с целью прорыва в Сербию, отличилась в боях, но понесла большие потери, и в следствие этого высказала командованию неповиновение и была выведена в тыл, где началась в ее командном составе борьба между сторонниками короля Александра и сторонниками организации «Черная рука». Одновременно хорватские и словенские офицеры, представлявшие меньшинство, стали требовать введения хорватских и словенских знаков различия. Однако вскоре произошла февральская революция, и на базе 1-й дивизии создается 2-я дивизия, после чего обе дивизии объединяются в Корпус сербов, хорватов и словенцев. К тому времени, когда стало очевидным, что Австро-Венгрия войну проигрывает, хорваты и словенцы на фронтах начали массово сдаваться в плен и вследствие этого, находившиеся в корпусе сербы, хоть и оставались в большинстве, но уже должны были считаться с хорватами и словенцами.

В 1918 году корпус был эвакуирован в созданную Югославию, а идея же создания Югославского корпуса, который помог бы Колчаку и Деникину в борьбе с Красной армией, так и остались лишь благими намерениями короля Александра, ибо сербское правительство Николы Пашича воспротивилось этим планам Александра.

С созданием королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, переименованного позднее в королевство Югославия, традиции добровольчества не были утеряны, хотя в данном случае важную роль сыграли русские белогвардейцы, принятые тогда на военную службу в армии нового королевства и получившие от короля Александра ее гражданство.

Согласно книге А.В. Огорокова «Русские добровольцы» («Русские добровольцы» А.В. Огороков «Авуар Консалтинг» 2004), в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев находился в эмиграции Ахмед-Бей-Зогу, который в 1924 году готовил заговор с целью свержения просоветского правительства в Албании во главе с Фан Ноли. Были созданы

добровольческие отряды из албанцев, в основном из племени матьян, а для организации артиллерийской батареи и пулеметного дивизиона по контракту пригласили русских белогвардейцев, главным образом из числа киевских гусар, численностью в 102 человека во главе с полковником Миклашевским, находившимся тогда на службе в сербской армии и соответственно подчинявшегося указаниям Генерального штаба армии королевства Сербов, Хорватов и Словенцев.

Как пишет А.В. О कोरोков, русско-албанский отряд Ахмед-Бей-Зогу 16 декабря перешел границу, а 17 декабря уже вступил в бои за село Пешкопья, которое успешно занял. После отдыха отряд продолжил наступление на Тирану, и после боев за Тирану 20-24 декабря успешно её занял 26 декабря.

Русский отряд продолжил свою службу у Ахмед-бей-Зогу, но уже под командованием полковника Берестовского, и хотя в 1926 году отряд был расформирован, всем его ветеранам была назначена пенсия в размере имевшегося жалования при условии проживания в Албании.

В самом королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, переименованном позднее в королевство Югославия, было решено после изучения опыта войны в Испании 1936-1939 гг. и аншлюса Австрии 1938 года возродить бывшие четнические формирования в составе армии.

По инициативе начальника генерального штаба генерала Душана Симовича и начальника его оперативного отделения полковника Бранка Поповича, согласно статье «Штурмовые (четнические) части армии королевства Югославии 1940-1941 годов» автора Ж.Животича (журнал «Vojnoistorijski glasnik»-номер 1/2 за 2003 год), был принят план боевых действий под кодовым обозначением «S», который предусматривал ведение «герильских» действий на территориях, откуда бы отступала армия.

После замены генерала Симовича на его должности генералом Петром Косичем в январе 1940 г. был принят новый план R-41, так же предусматривавший «герильские» действия и создание части специального назначения для ведения «герилы». В данном случае не были разделены понятия собственно разведывательно-диверсионных действий от понятия партизанской войны, под которой исторически и подразумевалась «герила». В силу этого, когда 8 мая 1940 г., согласно статье Ж.Животича тогдашний военный министр генерал Милан Недич подписал указ о создании «четнического» штаба для осуществления замысла о создании четнических частей для ведения герильских действий, с бывшими четниками войны 1912 г., общее у этого штаба было только название.

Было предусмотрено по сути создание разведывательно-диверсионных частей путем приема профессиональных военнослужащих регулярной армии и пополнении данных частей путем отбора из других частей армии с тем, что готовились, вооружались и оснащались они на порядок лучше других частей армии.

Подготовка четнических частей определялась секретной директивой «Указание о четнической борьбе» 1929 года, и в соответствии с ней их действия определялись как деятельность небольших групп, избегающих фронтальных действий.

В то же время, четнические действия различались в данном документе от «герилы», так как велись лишь на флангах своих войск или в непосредственном тылу действующего противника, тогда как под герилой понималась партизанская война на оккупированных противником территориях.

Однако, как пишет Животич, подробного описания самого ведения герилы не было, и по сути, не было механизмов по реализации и командованию местными повстанцами, хотя в соответствии с данной доктриной они и должны были быть основой для партизанской войны в случае захвата противником частично или полностью государственной территории. Хотя считалось, что четнические части будут пополняться призывниками из молодежного движения «Сокол», согласно Животичу офицеры четнических частей провели с этими призывниками лишь несколько занятий.

Хотя в этой доктрине было указано, что в случае разведывательно-диверсионных действий в интересах армии четнические части должны опираться на местное население, сил действующего резерва из местного населения создано не было, как и не было связи с населением через территориальные организации. Не было и идеологического фактора, тогда как четники 1912 г. были мотивированы сербским национализмом, и - что немаловажно - и православными христианскими идеями.

К тому же произошел набор в их состав не только сербов, но и хорватов и словенцев, так что естественно, что по требованию вице-премьера Югославии, хорвата по национальности Влатко Мачека 10 июля 1940 года четнические части были переименованы в штурмовые.

Командиром этих штурмовых сил был назначен бригадный генерал Михайло Михайлович, участник Первой и Второй Балканских войн и Первой Мировой войны, где он получил опыт разведывательно-диверсионных операций, а его начальником штаба стал майор Душан Анжелькович и оба эти офицера были сербами.

Согласно Животичу, штаб четнических-штурмовых сил находился в Новом Саде (перед началом войны он был перебазирован в Кралево) и подчинялся непосредственно Генеральному штабу. Ему было подчинено 6 четнических-штурмовых батальонов, дислоцированных в Новом Саде (1-ый батальон), в Сараево (2-ой батальон), в Скопье (3-ий батальон), в Карловце (4-ый батальон), в Нише (5-ый батальон), в Мостаре (6-ой батальон). Таким образом, батальоны находились либо на сербских территориях, либо на территориях, где сербы составляли от трети до половины населения, и, соответственно, действительные действия

внутреннего неприятеля в лице хорватских усташей в 1941 году на деятельность этих частей повлиять не могли.

Все батальоны имели по две роты, а 1-й и 3-й имели по три роты. В каждой роте было четыре взвода, а каждый взвод помимо командира и его зама имел 6 троек - каждая состояла из одного командира и двух солдат.

Пополнялись четнические-штурмовые батальоны путем приема добровольцев регулярной армии, а офицеры выбирались из пехотных частей своей военной области (военного округа). В силу этого батальоны были составлены из сербов, хорватов, словенцев, причем в 4-ом и 6-ом хорваты были в большинстве. Вооружены эти батальоны были лишь стрелковым вооружением, в основном карабинами М-24К калибра 7, 9 мм, а американские автоматы «Томпсон» были заказаны лишь перед войной и поступить в батальоны не успели, оставшись на складах. Противотанковые ружья на вооружение поступить также не успели, из мотосредств было лишь несколько мотоциклов. Пулеметов на вооружение тоже не было. При этом четники обучались действиям из засад, маршам на пересеченной местности, прыжкам с парашютами и преодолению водных преград.

Как пишет Животич, хотя 1 апреля 1941 г. данным батальонам и было возвращено имя четнических, а штаб был передислоцирован в Краљево, партизанской войны даже на сербских территориях не началось, так как Генеральный штаб решил собрать четнические батальоны в районе Краљево, куда был направлен 5-ый батальон из Ниша и где было начато создание еще одного - седьмого четнического батальона на основе одного подразделения 1-го батальона и одного подразделения 3-го батальона.

Одновременно был объявлен набор добровольцев в четнические батальоны из лиц славянского происхождения, за исключением болгар.

Однако уже на четвертый день войны четнический штаб вместе с силами 2-го и 7-го батальонов (кроме одной роты 7-го батальона, направленной в Косовскую Митровицу) начал движение в Боснию и 13 апреля он оказался в Рогатице, а 14 апреля в Калиновике.

Хотя в районе Калиновика местность была идеальной для партизанской войны - горы высотой 1500-2500 метров, поросшие лесом и с пещерами в горах, штаб оттуда был передислоцирован в Сараево. Там этот штаб 18 апреля сдался немцам вместе с силами 2-го и 7-го батальонов.

1-ый батальон до 11 апреля вообще не вступал в бой, охраняя штаб 1 армии, затем так же отступил в Боснии в район Беяны, где в боях с немецким парашютным десантом за аэродром под Беяной, как и с отрядом местных хорватских усташей, поднявших восстание, батальон был разбит, причем исход боя решил приход немецких танков.

Лишь небольшая группа солдат и офицеров этого батальона смогли избежать плена и в мае выйти на горный массив Равна гора, соединившись с отрядом офицера разведотдела Генштаба армии Югославии полковника Драже Михайловича.

3-ий четнический батальон так же был разбит в Качаницком ущелье 12 апреля и большей частью попал в плен, тогда как 4-ый батальон благодаря тому, что командование и большая часть офицеров были хорватами, в бой так и не вступил, и после передислокации из Карловца в Беловар сдался немцам.

5-ий батальон, до 8 апреля охраняя штаб 8-ой армии в Нише, в ходе общего отступления 14 апреля попал в плен в районе Кральево, а 6-ой батальон, переброшенный из Мостара в Сербию в город Младеновац 4 апреля, хотя 10 апреля вступил в бой с немцем под Крагуевцем, уже 15 апреля сдался немцам в плен в районе Горнего Милановца. Таким образом, четническая организация, созданная в составе регулярной армии, пережила полный крах. Часть четников, избежав плена, присоединились к четническому движению Драже Михайловича, вместе с членами различных организаций ветеранов-четников и добровольцами, однако это уже было совершенно иное движение, лишь номинально связанное с бывшей армией Югославии.

Список источников

1. «Русские добровольцы» А.В. Окорочков «Авуар Консалтинг» 2004
2. «Добровольческое движение на Балканах во время сербско-турецкой войны 1876 года».Генов С..» Congres international des etudes balkaniques et Sud Est Europeennes» 1-er 1966, Actes № 4, Sofia,1969, p.234
3. «Добровольци у ослободилачким тратовима срба и црногораца». Институт за савремену историју.Београд,1996 година. Удружење ратних добровољаца 1912-1918, њихових потомака и поштовалаца/НИП «Комуна»-Кикинда
4. «Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и подвиг освободителей». Генов Ц.София: София Пресс, 1979 . Перевод Кирилла Герасимова
5. “Јуришне (četničke) jedinice vojske Kraljevine Jugoslavije 1940.-1941. godine”. Aleksandar Ž. Životić.Vojnoistorijski glasnik, br. 1-2, Beograd 2003
6. Сайт «Военная литература»
7. «Генерал Черняев».Андрей Шемякин
8. «Малая война – партизанство и диверсии» М.А. Дробов. Альманах «Вымпел». Москва. 1998 год.
9. «Шариат и его социальная сущность». Керимов Г. М. Москва. 1978
10. «Современный джихад као рат». Мирољуб Јевтић, «Никола Пашић».Београд. 2001
11. «Генерал боевой и опальный».Александр Петров. Журнал «Родина».Номер 6 за 1994 год
12. „Карађорђева Србија(1804-1817)“. Живко В.Марковић.Берн.2006
13. „Историја лозе Карађорђевића“. “Орашац“. 1994

14. «Генерал боевой и опальный» Александр Петров. Журнал «Родина». Номер 6 за 1994 год
15. “Две войны 1876-1878 гг.”. Максимов Н. В. СПб., 1879
16. «О духу Обилича части у србству». Раде Рајић

Биография автора

Олег Валецкий родился в 1968 году на Украине (СССР). Участвовал в боевых действиях в период войны в Югославии как доброволец в войне в Боснии и Герцеговине в составе Армии Республики Сербской с марта 1993 года по январь 1995 года и в Косово в составе Армии Югославии с марта по июнь 1999 года.

Место жительства – Сербия.

Автор книг «Югославская война» (Издательство «Крафт+», Москва 2006 год, 2008 год), «Волки Белые (Сербский дневник русского добровольца 1993-1999 годов)» (Издательский дом «Грифон»-Москва.2006 год), «Новая стратегия США и НАТО и ее влияние на развитие зарубежных систем вооружения и боеприпасов» (Издательство «Арктика», Москва 2008 год), "Минное оружие. Вопросы минирования и разминирования". Издательство: Крафт+, 2009 г.), «Югославская война 1991-1995» (Издательство «Крафт+», Москва 2011 год).

Исследование славянских вед «Велесовой книги» как дополнительного источника информации, с позиции последних изысканий в области ДНК- генеалогии.

Веда 20

Георгий Максименко (Бондур)

*...Останься прост, беседея с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и твёрд с врагами и
друзьями,
Пусть все в свой час считаются с
тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег
-Тогда весь мир ты примешь во
владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!*

Редьярд Киплинг «Завет».
(Перевод Лозинского)

Содержание исследуемого первоисточника.

Исходный материал 20-й веды переложенный на кириллицу.

III-29

*Себ то трицехомь о Боние о ие годы и да иде слво наше о правдие и такво
обриецихомь првду и се рециехомь од старие словесы яковы истеця од оце
нашие иже бо бяще сылне и то имяхомь вржешетесе до бразды иех и тако
потрацете до оне се бо Асклд иде со ворязе све дены и се Асклд и е врг наш о се
рце намо яко иде озахць нашие и лже якожде и есе врг до Сете яко гръек и се
Аклд и есе вряг оружденъ про гостие и еланстие хрянете идежде идяци суге*

до Непря риеце и се Асклд придице до нои со Кнудием о двасет лияты по Алдориеху и хоцешеть првете нои и се Дирос еланесть о рце смиереосьва и се на стлесе прежде ове и се Асклд овраждете Дироса и ие се онь иедень на мисто то и такожде е врг наш и не хоцаехомь ие якожде врг. Старе реще не повядоуть нои якожде придыца на Русие инь Асклд и яко бендице трие Асклди врзи и то ие врзи себе жрияхоуть и не соуте нашии нижде цизы кнзие яковы не соуте кнзе нижде вое простие и сылоу похыце владстеве обо воя и се Ерек идье и спомыньемо якожде роместе орли пораждиене бяше од диеды нашии на устиу Данаиеву и се Трянь налиезе на дуленбе и се диед ове наша идоця на лиегы оние и розтщища иех и то бень ще о триеста лете до нашии доба и сие имяхомь држете о паменте и се не дайахомьсе до Ереку якомь ме не дахомь и прежде Инием имяхомь кнезы све. Ругу ием дахомь и Дащехомь до концие ни Роме ни еланитие не владничете нои и такожде пребендиехомь и се дуленбие риещашуте о нои и якожде се ме братарие о ове и то и есе истыща правда якожде тецияшуте о нои одо иедина коренце якожде и съме и се взпомыньемо якожде Троянь бя одо диеды нашии ростриченъ и легы ие одерене бряте бяще до поль нашиих и тамо труждешесе про нои десенте лияты и опуцене есе од нои и се ромие рекошуте якомь ме врвры и се гръцие риекота оба полы якомь ме врвры и то имяшуте о два хисенсть и оба двие жадашутьсе на земы нашии. Се зечь ие якожде взему ие мечем и крве и та и есе зечь се Троянь бещ за пентесты лияты до Годие и такождье дне се рциехомь якожде Волка наша не престание до концие жидьбы нашии. И се достыхомь пра тесе о житьбоу нашуу мещема се риещеть вамо Хоругынь сен од оце Хорыге и се есе просиць вашь о Бзех якожде даяшуте оны вамо сылу и владнесиць на земе вашуу околиенысь ме о вразиех и прящехомь се бяща Вронзенец риека и градьба и тамо оце нашии розтщиашхоу годие и тако съме розтщиашехомь врзе овы се собень ствы све одяхомь и рциехомь якожде бенде инь щас на не и тамо Матрь Сва Слава пишедь нам идеть якожде огень дашеть працуром нашим и се щуре нашии ве Сварзие рядяшутсе о нои се бо пытаре дияие моли о нои и се Оре зриящеть на све людь и се не можяехомь врнетете тылы сва врзием се бящ в щась онь Дирось и се бящ гьреколанець и тои по исщезне и приде на не Асклд и Ерек и то молихь Бзе позбавнте русе о злы тая

Авторский перевод.

Сами-то располагаемся в Боне в его годы, да идет слово наше в правде, и таково обретаем правду, это пересказываем со старых слов, которые истекают от отцов наших, ежели были сильны и то имели враждебное отношение к бороздам правления отцов наших. Так утратили их.

Аскольд идет вместе с варягами своим днем. Это Аскольд и есть враг наш. Сказано в речи было нам, что идет для защиты нашей. Лжёт, так как сам и есть враг от Сети, так как грек. Поэтому Аскольд и считается оружием варягов, когда был в гостях. Это оружие эллинов охраняющее их надежно, идущих к Днепру-реке. Аскольд пришёл к нам с Кнудием в двадцатые годы по Алдареху и хочет править

нами. Это Дирос эллинский в речи смиренный, поэтому на престоле раньше других. Аскольд обворожил Дироса и поэтому стал единственным представителем на место княжеское. Он так же враг наш и не хотим его, когда во врагах у нас.

Старые речи не поведают нам когда пришел на Русь другой Аскольд, так как было три Аскольда врага. То его варяги для самих себя жречествуют при князе и не ведают нашей нужды. Чужие князья, которые не ведают княжеской нужды по отношению к людям, являются воинами простыми. Силою похитили управление оба воина. Это Ерек идет и вспомним когда ромейские орлы поражены были дедами нашими на устье Дуная. Троян налез на дулебов, и это дедов наших вновь история будет, которые шли на легионы эллинов и раскололи их. То событие было еще в три столетия к нашему времени добавленное. Это должны держать в памяти и это не доходит до Ерека, как это мы не даем и прежде править другим нами и с Инеи имеем князей своих.

Ругу имеем дахами и Дацехом, до конца ни Рим, ни эллины не владели нами. Также прибываем и дулебами, рассказывают про нас, когда семьями братались вновь. То и есть истинная правда, так как текут в нас от единого корня, так же и сами. Давайте вспомним когда Троянь был от дедов наших отделен. Леги его дань собирали для полей наших и там трудились при нас десятки лет и упущение корней своих есть от нас. Это ромеи ворчат какие мы варвары, это греки кричат во все стороны какие мы варвары, когда сами имеют в двойне хищность свою и обоими движет жадность на земли наши.

Это земля будет его тогда, когда они завоевали ее мечом и кровью. Поэтому есть их там земля. Это Троянь будет за пятьсот лет до Годии, также во все дни это говорить не перестанем, когда волока это была наша. Говорить будем до конца жизни своей. Достанем ту пору, описанную в ведах тесанных в которой жизнь наша отмечена. Это говорит вам всем Хоругынь который от отца Хорыга. Это есть прошение ваше в Богах, когда дают они вам силу и владение землёю нашей. Закаленные мы врагами и прячем историю эту. Была Воронженец река и городища, там отцы наши раскололи годь. Так сами расколом врагов надвое и получим новых. Потом себе заставы свои возвращаем и рассказываем, когда будет новое время на них. Там Матерь Сва Слава пишет нам когда огонь придёт и дойдет до пращуров наших. Чуры наши во Сварге заботятся о нас, испытывают действием молитвы наши. Это Орей смотрит на своих людей со Сварги и поэтому не можем отдать тылы свои врагам. Во время другое был на самом деле Дирос, это был греколанец, тогда по его исчезновению и пришел на его место Аскольд и Ерек. То молим Богов, избавьте русов от злой тайны.

Выборка тем для исследования. Идентификация топонимики в ВК.

Бон.

Упоминание в ведах о Боне повествует об арийском городе Боне расположенном на территории современной Германии, на реке Рейн. Это город Бонн. Топоним дошёл до наших дней практически без изменений. На его месте было найдено древнейшее в Рейн-Вестфалии упоминание о существовании этого города, датированное приблизительно 30 г. до н. э. Археологи дают ему ещё более древнюю датировку. По имеющимся энциклопедическим данным: *история Бонна начинается с римских времен. В 11 году до н. э. Бонн стал лагерем римского войска. Именно с того времени, вероятно, происходит название города (Bonna), возможно, связанное с названием местного германского племени эбуронов. В позднюю античность город был захвачен варварами, но все же некоторые части города уцелели как, например, Münster basilica. В Бонне было найдено древнейшее в Рейн-Вестфалии упоминание о существовании этого города, датированное приблизительно 30 г. до н. э. Но археологи считают, что на территории Бонна были поселения 14000-летней древности.*

Северный Рейн-Вестфалия – не исторически сложившаяся территория Германии. Первую главу ее истории писали римляне, построившие на левом берегу Рейна свои города-колонии – Кельн, Бонн, Нойс, Крефельд, Ксантен.

Из Ксантена, где сейчас расположен единственный в своем роде археологический парк, и где воссоздан древний город Ульпия Траяна, легионы императора Варуса отправлялись на восток завоевывать земли германцев и славян. Потерпев сокрушительное поражение в Тевтобургском лесу от Арминия, римляне оставили эти завоевательные походы и принялись укреплять свою границу.

Эти места были мешаниной, где жили германские племена: саксонцы, вестфалы, вандалы, фризы, алеманы и т.д.

По сведениям из зарубежных первоисточников, таких, например, как Die Gruppe Oberlauterbach in Niederbayern и Verlag Lassleben, Kallmünz (1985) в бронзовом веке территорию Германии заселяли древнейшие народы, носители индоевропейских языков. По последним имеющимся данным – это носители арийской группы приобретённой в Европе и распространившейся по всему Евразийскому континенту вплоть до Индии и Ирана благодаря ариям носителям гаплогруппы R1a1 (А.А. Клёсов, 2008). Археологи эти племена относят к культуре шнуровой керамики, поглотивших местное автохтонное население предположительно гаплогруппы I1. Данная территория так же представлена более поздней археологической культурой ККК, к которой в ДНК генеалогии принято причислять гаплогруппу R1b. (А.А. Клёсов, 2010). Таким образом, в научном мире, сформировалось устойчивое мнение о том, что в бронзовом веке на территории Германии образовались такие этнические группы как кельты, охватывающие большую часть Европы и венеты (венеды, венды), обитавшие в античный период к

востоку от германцев и исчезнувшие после великого переселения народов, но оставившие своё название в германских языках. При этом признаётся миграция на части германских земель западнославянских племён, к которым они относят лютичей и лужичан, что несколько противоречит археологическим данным.

Самая древняя часть культуры шнуровой керамики относится к медному и бронзовому векам. Она распространена на обширных территориях Европы и датируется возрастом 5200 лет назад, является предшественницей культуры колоколовидных кубков. Отсюда вытекают некоторые нестыковки в выводах о том, что германские племена появились на данной территории ранее вендов. Говоря на языке ДНК-генеалогии, гаплогруппа R1a зафиксирована на данной территории ранее появления в Европе гаплогруппы R1b, которая появилась в Европе около 4800 лет назад и принесла в Европу культуру ККК, датируемую возрастом 4800—3900 лет назад. Следовательно, эрбины гаплогруппы R1b не могли принести с собой арийскую (индоевропейскую) группу языков, на которой общалась большая часть народов Европы и они ассимилировались в арийской языковой группе уже в Европе.

Упоминание в славяно-арийских ведах «Велесовой книги» о том, что *«Сами-то располагаемся в Боне в его годы, да идет слово наше в правде, и таково обретаем правду, это пересказываем со старых слов, которые истекают от отцов наших, ежели были сильны и то имели враждебное отношение к бороздам правления отцов наших. Так утратили их.»* свидетельствует о том, что город Бон может иметь более древнюю историю, корнями уходящую в период до появления эрбинов (гаплогруппы R1b) на данной территории, а его создателями являются племена, обитавшие на территории Германии до прихода эрбинов на эти земли.

Сеть.

Место нахождения и роль Рюрика (Ерека) с Аскольдом в перехвате власти на Руси.

В ведах имеется упоминание о том, что Аскольд пришёл на Русь с варягами *своим днем*, будучи врагом славян-ариев. На словах он появился на Днепре для защиты ариев-русичей от посягательства других народов. На деле оказалось – с целью прибрать к рукам южные территории Руси. В ведах говорится и о том, откуда он появился на Днепре - прибыл он из Сети. Данный период истории Киевского княжества совпадает с периодом перехвата власти у ариев-русичей в Новгородском княжестве варягом угорской гаплогруппы N1c1 Рюриком (Ериком). Принадлежность Рюрика – Ерека к данной гаплогруппе уже не раз разбиралась в Вестнике АДНК-генеалогии, включая и последний сентябрьский т.5 №9 2012 г (с. 1037) в статье **А.А. Клёсова** «ДНК-генеалогия русских князей гаплогрупп N1c1 и R1a». Арии-русичи и отмечают в ведах, что Аскольд являлся оружием варягов, когда был в гостях на юге Руси. Из описания становится понятным, что именно Аскольд уговорил эллина Дироса после захвата Киевского престола, возглавить

его. Т.е. с варягами имелась договорённость о разделе княжеского правления на Руси, поделив её на две части – северную и южную. Как известно из истории приход к власти Рюрика в Новгороде и Аскольда в Киеве произошёл практически в одно время в 862 году (по сведениям изложенным, в том числе, по более ранним летописям). Тема о перехвате власти на Руси была рассмотрена нами в Вестнике АДНК-генеалогии т. 4 № 4 за 2011 г., с. 904, 931 в разделах «Русь славянская и роль варягов в становлении государственности на Руси.» и «Перехват власти в Скуфи Киевской (середина IX в. н.э.)» (**Г.З. Максименко**), а так же в Вестниках т.4 № 12 за 2011 г был опубликован материал на данную тему при исследовании 11-й веды и (с. 2282) и проведены дополнительные исследования в Вестнике т.5 №2 за 2012 г (с. 114) «Веда 12. Дополнительная информация о перехвате власти на Руси в период правления Рюриковичей (IX в. н.э.)» (**Г.З. Максименко**). Эта тема была раскрыта достаточным образом с исследованием всех церковно-славянских летописей, где нашли своё подтверждение строки указанные в ВК:

«...это либо пришли варяги до Непры. Там же имеем землю нашу, его той вершат люди и землю под селения берут, то либо не имеем в соглашении инога, как только о мече нашем и Ерека отрешите от земель наших. Турните под зад, откуда придет, это либо границы наши, врагами окружены. Земли наши попирает враг, и то его обязанность (защищать), наша иная, жертвовать не хотим. (ВК-12)

Вот как описывает свои изыскания **А.А. Клёсов** в работе «ДНК-генеалогия русских князей гаплогрупп N1c1 и R1a.» (с. 1041), невольно и практически подтверждая тем самым подлинность описываемых в ВК событий:

Иначе говоря, кем бы ни был общий предок княжеской линии предполагаемых рюриковичей гаплогруппы N1c1, он был не из каких-то мифических «немцев», «шведов» или «норманнов», он был из предков современных славян. Не неким чужаком-наемником, а своим, призванным сформировать воинский гарнизон и его возглавить. Оттого и слова в летописи - «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет». Те, кто служил в армии и ходил в наряд, хорошо знают, что это такое. Тест можно было вполне перевести как «Земля наша велика и обильна, а воинского гарнизона в ней нет». Нет наёмников. Надо найти. В Европе это было обычным делом, но это никогда не считалось указанием, что жители были бестолковые, что у них не было порядка.

Однако стараниями «академических» историков повсеместно известно, что древние славяне были настолько бестолковы, настолько не могли навести у себя порядок, что пригласили хозяев со стороны, то ли немцев, то ли шведов. Во всех соответствующих учебниках приведен следующий текст, переложенный из «Повести Временных лет» (Лаврентьевской летописи) академиком Д.С. Лихачевым: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет».

Чтобы не уподобляться академическим источникам, приведем варианты этого короткого фрагмента из разных летописей, собранные К. Пензевым:

- «земля наша велика и обилна, а наряда у насъ нету (Синодальный список Новгородской Первой летописи)
 - «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ» (Лаврентьевская летопись)
 - «Земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нетъ (Ипатьевская летопись)
 - «Вся земля наша добра есть и велика и изобилна всемъ, а нарядника в ней нсть» (Типографская летопись)
 - «Земля наша добра и велика есть, изъобилна всем, а нарядника в неи нет» (Никифоровская летопись)
 - «Вся земля наша добра есть и велика и изобильна всем, а рядника в ней нет» (Пискаревский летописец)
 - «Земля наша добра и велика есть, изобилна всимъ, а нарядника в ней нетъ» (Супрасльская летопись)
- Как видно, перевод слов «наряд» и «нарядник» в то, что у славян нет порядка, принципиально меняет смысл сказанного.

... В отношении «княжеской» ветви вывод остался тем же – это, безусловно, княжеская ветвь, но кто был ее общим предком в 1-м тысячелетии нашей эры – вопрос открыт. Это был, скорее всего, профессиональный военный, часть элиты общества, который дал потомственных профессиональных военных, опять же продолживших элиту. Был ли это Рюрик, или кто другой – вопрос опять же открыт. Да, наверное, это не столь важно. Потомками были люди, служившие России. Военно-боевой состав высшего звена.

После проведённых исследований становится понятным почему арии-русичи считали варягов «оружием» эллинов охраняющим их надежно во время посещения варягов с эллинами Днепра и чем это закончилось для ариев-русичей. Эллина, утратив свои колонии в 20-е годы IX века начали присматриваться к возврату южных земель Руси вдоль Черноморского Побережья. Аскольд шёл на Днепр воеводой с конкретной целью перехватить власть на Руси в Киевском княжестве. Шёл с Кнудием и только после захвата Киевского престола уговорил грека Дироса взойти на Киевский престол. Власть была захвачена Аскольдом незаконно, силовым путём, как и захватил власть воевода Рюрик в Новгородском княжестве. Нас же в данный момент интересует другой вопрос: откуда пришли на Русь Аскольд с Кнудием и где находится та самая Сеть о которой говорится в ведах. Ясно только то, что искать её надо в Европе и, возможно, в Средиземноморском бассейне, либо на севере, по соседству с Новгородом на Волхве реке.

Первые поиски Сети в районе Средиземноморья привели в город-порт Сет (фр. Ste [st], окс. Seta [seta]; до 1927 года название писалось Cette, встречается и как Cete). Город расположен на юге Франции, у берега Адриатического моря, неподалеку от реки Роны. Имеет свой порт на побережье Лионского залива, в департаменте Эро и относится к региону Лангедок — Руссильон. По сведениям **А. Акулова** регион расположен на берегу Средиземного моря и простирается от границы с Испанией до дельты реки Роны. На этой территории были найдены древнейшие в Европе стоянки человека, но на этом все поиски и кончаются. На мой взгляд, этот след оказался ложный. И поиски были перенесены к северным границам Руси. Перечитав ещё раз внимательно веды, стало ясно, что следы ведут именно в этот регион и Сеть следует искать там, у оз. Ильмень или где-то по соседству, в районе

Твери (Тиверцы). Помог случай. Этот топоним всплыл сам собой при обсуждении темы войн ариев русичей с варягами и споре было ли на Руси монголо-татарское иго.

История этого поиска такова. Я разместил ссылку, отметив, что есть хорошая подборка доказательств по монголо-татарскому игу на Руси, поставив его под сомнение. Был показан факт наличия гражданских войн с целью возврата ариями-русичами власти на Руси и попытки свержения незаконно захвативших власть рюриковичей.

[url="http://www.youtube.com/watch?v=RirDNctvamM&feature=share"]
http://www.youtube.com/watch?v=RirDNctvamM&feature=share[/url][/quote]

На неё активно отреагировал участник под ником '**Slaven**', он сообщил:

< Нашел немного по родине своей. Ярославль 1257 год, неизвестно по какому побуждению, выгнать ли татар из города, или не впустить их в город жители взяли за оружие и вступили в кровопролитную битву с неприятелем на том самом месте, которое называется ныне Туговой горой. (здесь так и не определена причина столкновения) Естественно всех горожан и князей побили и враг ушел а как только ушел на место битвы пришли жены, дети, друзья погибших. Тела убитых были преданы земле.

*Взято из "Ярославские губернские ведомости" 1848 год, 3 декабря, стр. 284-285. Тот же 13 век по датировкам ученых начало и скорее всего совпадает с битвой **на реке Сить**.*

Все вроде одинаково и там и там резня но почерк разный. В первом случае, неприятель уходит и появляются родичи с плачем и печалью. Во втором случае город опустошен, убитые свалены в кучи и засыпаны всем, что попало под руку. Оба варианта не подходят для монголо-татарского ига. В первом неприятель должен был после одержанной победы войти в город, собрать дань, забрать пленных и уже тогда удалиться, а не сразу с поля битвы. (По легенде мы дань платили монголам.) Во втором ну даже если совсем опустошен и похоронить людей было некому то новые поселенцы сделали бы это.

Скорее всего, после этого город долгое время использовался, как военная база а трупы были свалены на неиспользовавшейся территории. Причем сидели там явно не монголы. На кой монголам база в лесах? Идеология живучести монгольского войска "ДВИЖЕНИЕ" а не сидение за обуглившимся забором.

Ещё один момент не стыкующийся с монголами "Нападавшие разбивали головы жертв палицами и булавами" среди степняков это оружие было не популярно.

Так этот топоним и был обнаружен по реке Сить, благодаря случаю. Очевидно, в древние времена это река носила название Сеть и на ней или где-то поблизости было укрепленное поселение военного типа с таким же названием, где и были сосредоточены дружины. Не исключено, что река Сеть являлась пограничной

территорией между княжествами. Отсюда и постоянная «возня» в том регионе. Над выяснением этого обстоятельства еще предстоит потрудиться. События описанные в ВК, это конечно же не события развернувшиеся в XIII веке н.э., а гораздо более ранние, происходящие в IX веке н.э., т.е. за три столетия до этого, если конечно датировки в летописях точны и в них нет растяжки одного и того же события на триста лет. К этой теме вернёмся ниже, чтобы понять, кому и главное, зачем понадобились эти триста, возможно «мифических» лет растяжки истории.

Давайте немного отойдём от заданной темы и посмотрим на другое историческое событие. Возможно, ответ найдется всё в той же ВК, в которой недвусмысленно говорится, что князь Славен, продвинувшийся в постледниковый период назад на родные земли Руси 4420 лет назад основал на территории оз. Ильмень город Словенск, который был в последствии уничтожен. И только спустя века эти территории опять перешли в руки ариев-русичей и 3400 лет назад у оз. Ильмень был основан Новгород. Эта тема достаточно полно раскрыта в Вестнике т. 4.№ 12 за 2011 г. (**Г.З. Максименко**) Полностью совпадающие с ВК первоисточники, это – «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске» из Хронографа 1679 года (Опубликовано в **Полном собрании русских летописей. Т.31. Л., 1977**, а так же был получен положительный сравнительный результат в летописи Холмопского монастыря на реке Мологе, хронограф академика М. Н. Тихомирова, «Записки о Московии» **С. Герберштейна**, записанные этнографами. В этих записках так же отмечается, что первая столица Руси был – город Словенск, основанный в 2409 г. до н.э. или по старому календарю в 3099 г. от сотворения мира., т.е. 4420 лет назад. Эти данные хорошо совместимы и с данными полученными через ДНК-генеалогию. Разнообразие гаплотипов на Русской равнине укладывается на дерево гаплотипов с общим предком, который жил 4750±500 лет назад (**Клёсов, 2008a; Klyosov, 2009b**).

По мере исследований возраст образования самой Руси переходит все ранее известные границы и ведёт исследователей в доледниковый период, с затуханием освоения данной территории в результате резкого похолодания около 12 000 – 11 000 лет назад и последующим её возрождением около 4420 и 3400 лет назад, вплоть до разорения Словенска. Гаплогруппа N1c1 появилась на Русской равнине, если сопоставить две ветви: финно-угорскую и южно-балтийскую и свести её к общему предку, то общий предок всей гаплогруппы N1c1 отодвигается во времени до 4200 лет назад без указания разноса достоверности. (**А.А. Клёсов, 2012**). Сопоставим датировки появления в районе Русской равнины города Словенска 4420 лет назад и появление в этом регионе до разделения N1c1 – 4200 лет назад. Могли N1c1, прибыв из-за Урала разорить и уничтожить Словенск? Судя по совпадениям датировок – могли. Кто ещё мог? Претендентов не так много, можно пересчитать «на пальцах одной руки». Поэтому в контексте изучения Рюриковичей и их ветви, эти детали не столь важны, а вот в плане того кто мог разорить Словенск и по какой причине, они приобретают большую значимость. От этого во многом зависит понимание того, когда, в какую эпоху совместного обитания N1c1 и какая ветвь влилась на Руси в славянский этнос и по какой причине. Думаю, историческую правду будет интересно и полезно знать многим

гаплогруппам сегодня обитающим в Европе, а так же самим славянам: R1a1, I2a и N1c1. И что это было на самом деле, междоусобные стычки на Руси или это были войны за обладание территорией Руси.

Внимание привлекла версия о том, что Аскольд был якобы потомком князя Кия — легендарного основателя Киева. Согласно ПВЛ Аскольд и Дир были боярами (дружинниками) князя Рюрика, отпустившего их в поход на Царьград, и они обосновались в Киеве, захватив власть над полянами, которые в это время не имели своего князя. Но эта гипотеза легко разбивается, т.к. они не могли ходить военным походом на Царьград. Эта тема была рассмотрена в предыдущих работах. Все эти натяжки нужны были в истории для того, чтобы оправдать незаконный перехват власти на Руси и сокрытия исторической правды. По этой же причине Дирос отмечен в христианских летописях не полным именем а как Дир, иначе стало бы очевидным, что он имеет греческое имя распространённое на юге в Средиземноморье, а не на севере и есть все основания полагать, что в «Велесовой книге» (пер. Г.З. Максименко) содержится достоверная информация о данном событии с указанием истинных причин появления Аскольда на Киевском престоле, прибывшего на Русь из Сети располагавшейся некогда на реке Сить в современном её поименовании и впадающей в районе Рыбинского водохранилища в Волгу.

Инея и её причастность к территории Арии.

Этот территориальный экзоним уже рассматривался ранее в связи с частым упоминанием в других ведах и был идентифицирован по реке Инн имевшей в древности своё название Инь. Ранее в исследованиях была идентифицирована территория Арии только в её эпицентре на горном плато, в районе «слияния» рек Роны, Рейна и реки Инн. Утверждать, что Инея, расположенная ниже по течению р. Инн входила в состав Арии, было преждевременно, но сегодня открываются новые факты говорящие в пользу того, что территория Арии распространялась вплоть до нижней части Дуная. В частности об этом свидетельствует топонимика Ратиарии (лат. Ratiaria), античного периода, как было обнаружено во время исследования истории Римской империи. В словаре античности **Й. Ирмшер** говорится о том, что Ратиария в 1 веке н. э. являлась стоянкой одного из римских легионов и являлась опорным пунктом флота. Со времён Траяна получила ранг колонии и стала таможенной станцией с перегрузочным центром вблизи Железных Ворот. Располагалось поселение в Верхней Мёзии (современный Арчар близ Видина в Болгарии). Этой информации крайне недостаточно для определения восточной части границ Арии, но если исследования найдут своё подтверждение дополнительными данными, тогда можно будет говорить о том, что её восточная граница доходила до Западной части Чёрного моря.

Накапливается всё больше информации о том, что в ледниковый период носители гаплогруппы R1a пришли на Балканы (в район верховий реки Инн), с заходом со

стороны Карпат, которые очевидно уже были заселены гаплогруппой I1 (или её ветвями). Не исключено, R1a могли прийти с северо-восточной части, предположительно с района Онежского озера. Эта тема будет разобрана в следующих работах. Не стоит отбрасывать со счетов гипотезу о том, что свою мутацию R1a могли получить не за Уралом, как это предполагалось ранее, а на Русской равнине. Следы их прапредков могут оказаться на территории археологического комплекса Костёнок. С самих Костёнок заход на Балканы лучше искать вдоль Дона с выходом к Азовскому и Чёрному морям и вдоль побережья к Дунаю с проходом вверх по его течению. А вот от района Онежского озера путь возможен с проходом на Дунай через Карпаты, в районе Судетского нагорья. Это пока только предположение, требующее дополнительных изысканий, для перевода его в разряд гипотезы.

Дацих.

Ругу имеем, дахам и Дацехом, до конца ни Рим, ни эллины не владели нами. Также прибываем и дулебами, рассказывают про нас, когда семьями братались вновь. То и есть истинная правда, так как текут в нас от единого корня, так же и сами. (BK-20)

Руга достаточно полно была рассмотрена в предыдущих работах Вестника АДНК-генеалогии т. 3 № 9 за 2010 г (с. 1611) в разделе «Следы продвижения ариев гаплогруппы R1a1 к Балтийскому морю и освоение острова Рюген» и было определено её точное место расположения. Им оказался о. Рюген. Дацих, судя по описаниям, следует искать где-то в северной части Балканского полуострова, между Балканами и Карпатами. Поиски, в конечном итоге, привели в историческую область времён классической античности – Дакию или, как её ещё называли арии, – Дахию.

Согласно энциклопедическим данным во времена Римской империи к Дакии причисляли обширные горные и равнинные земли, прилегающие к северу Балканского полуострова, располагавшиеся между Тисой, Дунаем, Днестром и Карпатами. Обитатели этой страны - даки, причислялись к фракийско-гетскому племени и относились к индоевропейской группе языков. Частыми набегами на римлян (особенно под предводительством Децебала при императоре Домициане) они заставили Траяна прибегнуть к истребительной войне. В двух походах (101-102 и 105 – 107 н. э.) даки были разбиты; их главный город, Сармизегетуза, был взят; большая часть страны превращена в римскую провинцию, так называемую Римскую Дакию со значительным количеством римских колоний.

Сармизегетуза ставшая главным военным, религиозным и политическим центром независимой доримской Дакии являлась резиденцией дакийских царей, последним из которых оказался Децебал. Это одна из шести крепостей оборонительной системы, которая

была разрушена римскими войсками в ходе войн. После разгрома даков римскими войсками императора Траяна в 101—106 гг. в 50 км от дакийской резиденции была возведена новая столица римской провинции Дакии — Ульпия Траяна (Сармизегетуза), существовавшая с 106 по 271 гг. н. э.

У некоторых исследователей Дакии античного периода существует мнение, что Децебал это не собственное имя, а титул — «царь» или «князь». Но достаточных оснований для выдвижения такой гипотезы нет. С таким же успехом можно предположить и то, что это не княжеский титул, а название центрального городища где пребывали правители Дакии. Но не будем гадать. По описанным признакам в ведах, *Дацихом* это не городище под названием Дацих, как предполагалось первоначально, а собственно сама территория дахов – Дацехом, т.е. это и есть античная Дакия, уходящая своими корнями за VI век до н.э. Население этой территории имело родственные связи с ариями-русичами, в результате братания и некогда именовавшими себя дулебами. Т.е. дахи и есть собственно даки — дулебы, имеющие предположительно гаплогруппу I1 (одной из её ветвей). История даков и Дакии (Дациха) своей историей тесно связана с войнами Римской империи, поэтому остальные вопросы Дакской истории рассмотрим ниже в разделах о Траяне и Траяновых валах.

Троянь

В теме о Трояне рассматриваемые веда подчёркивают события происходящие в устье Дуная развернувшиеся в 87 году. Им предшествовало следующее: римский император Домициан начал наступление против независимой Дакии, доставлявшей со своей стороны Римским провинциям неприятности, вплоть до вторжения дакского войска под руководством Диурпана (Децебала) в 86 году через Дунай в Мизию. Легат провинции, по сведениям из истории, был разбит и пал в сражении. Тогда Домициан лично явился на театр военных действий, чтобы отвлечь противника. Так выглядит современная история той эпохи. Римская армия была отдана под командование Фуска, который вместе с пятью или шестью легионами пересек Дунай и столкнувшись с даками у Тапае потерпел серьёзное поражение. Даки, уничтожив противника, захватили знамена и военные трофеи, Фукс погиб в бою. Победу одержал Децебал, после чего был избран правителем даков. С чего собственно и началась месть и экспансия на даков со стороны Римской империи. Об этом говорится и в ведах: *«...и вспомним когда ромейские орлы поражены были дедами нашими на устье Дуная.»* Ромейскими орлами они названы по причине изображения орлов на щитах и трофеях.

Далее в ведах сказано: *«Троян налез на дулебов, и это дедов наших вновь история будет, которые шли на легионы эллинов и раскололи их. То событие было еще в три столетия к нашему времени добавленное. Это должны держать в памяти»* (ВК-20)

О чём идёт речь? Одно историческое событие, вероятно, было растянуто на три столетия. Это надо помнить и перепроверять. О каких трёх столетиях идёт речь? В

разницу 300 лет, история Трои, воспетая **Гомером** в поэме «Илиада» не вписывается. События, воспетые Гомером, в нынешнем представлении историков относятся к крито-македонской эпохе. Согласно изысканиям **А.Г.Кузьмина** Троя пала около 1260 г. до н. э. Вокруг этой или примерно этой даты и крутятся события, описанные в «Илиаде». Следовательно, если наложение истории в 300 лет имеется, его надо искать в другом месте. Ближе всего донное наложение возможно связано с римским полководцем Траяном (по другим первоисточникам Трояном), о чём собственно и говорится в ведах. После победы Трояна во вторую компанию 105-106 гг. над даками Децебала дальнейшая история римских войн перемещается в Переднюю Азию и начинаются Римско-персидские войны. В 115 году Троян вторгся на территорию Передней Азии (в Армению), где встретил упорное сопротивление. Это сопротивление вынудило империю временно приостановить свою экспансию на этом направлении. Последующие военные действия также не привели к установлению римского контроля над данной территорией и было заключено перемирие.

Дальше в официальной истории войн начинается хронологическая путаница сильно похожая на хронологический сдвиг. У **Аммиана Марцеллина** описывающего Римскую историю между 367 и 368 годами, Траян всплывает в истории дуксом Египта, а между 371 и 374 годами в должности *comes rei militaris* на Востоке, где вместе с алеманским царем Вадомаром воевал против империи Сасанидов. В конце зимы, персидский царь со своим войском двинулся на территорию Римской империи. Император Валент послал Вадомара и Трояна против него с сильной армией, чтобы сохранить контроль над персами, но римляне потерпели поражение. Полководцы в конце подписали перемирие. В 374 году, Троян командует римскими войсками в Армении. Позже он был повышен до звания *magister peditum* и был отправлен во Фракию воевать с готами. Далее говорится, что два полководца решили бороться с вражеской армией со своими армянскими войсками, которые отбросили готов в долины, где римляне надеялись уморить их голодом. Римские войска значительно уступают по количеству готам и подкрепление во главе с Фридегидом не пришло. Троян решил уйти и объединиться с армией Рихомера недалеко от города Салис. Здесь произошла битва римлян и готов (?). Погиб Троян в 378 г, в Адрианопольской битве с Севастианом.

Салис ниже на карте расположен в районе нижнего Дуная и обозначен как Салиций.

Согласно **Иордану** во времена царя Филимера готы от берегов Вислы достигли северного побережья Чёрного моря, расселившись между Днепром и Азовским морем. Это единственное, что известно о приходе готов в Северное Причерноморье из письменных источников. По ареалу памятников Черняховской культуры область расселения готских племён к IV веку простиралась от Северного Донца и среднего Днепра до Карпат и нижнего Дуная.

Готы вступили в столкновения с Римской империей на нижнем Дунае при императоре Каракалле в 210-е годы. В фрагменте писателя IV века Петра Магистра содержится рассказ о том, что в 230 году готы уже получали ежегодную дань от римлян.

Согласно историку **Дексиппу** при императоре Бальбине в 238 году началась Скифская война, когда карпы напали на римскую провинцию Мезия, прилегающую к южному берегу Дуная в его нижнем течении. Римские историки называли эту войну Готской по имени наиболее сильного племени в варварской коалиции. Скифская или Готская война длилась примерно 30 лет, отмечена крупными морскими экспедициями готов по Чёрному и Средиземному морям и закончилась в 271 году разгромом готов в их землях императором Аврелианом. Аврелиан по пути в Малую Азию совершил успешный поход на готов за Дунай, где «уничтожил вождя готов Каннаба, или Каннабауда [Cannabaudes], с пятью тысячами человек».

После этого готы совершали лишь эпизодические набеги, пока император Константин Великий не разбил их в 332 год, уничтожив голодом и холодом почти 100 тысяч варваров, после чего принял их в число союзников-федератов. Готы поставили в римские войска 40 тыс. человек и обязались не пропускать к дунайской границе другие племена, за что римляне выплачивали им ежегодно денежные суммы. В середине IV века готские отряды отмечены в

составе римской армии на войне с персами. (Информация взята из Википедии Готская война (377—382)).

Так готская это была война или скифская? И были ли готы вообще участниками этой войны? В ведах говорится о том, что сопротивление Римской империи и её колониям оказывали арийские племена, в состав которых на Западном Причерноморье входили скифы, образовавшие свой племенной союз и ни Рим, ни эллины не владели этими племенами. Помимо гаплогруппы R1a1 в союз входили дулебы (даки), представляющие ветвь или ветви гаплогруппы I1), которые находились в семейных связях с R1a1, так как развивались не только самостоятельно, но и с ариями – русичами, сблизившись своими корнями.

Но это не столь важно в данной теме. Ищем наложение в 300 лет, о котором говорится в ведах. О Трояне имеются также упоминания в «Слове о полку Игореве» (СОПИ). Там тоже есть строки, упоминающие о войне Трояна с даками. **Буслаев Ф. И.** анализируя СОПИ в «Исторических очерках русской народной словесности и искусства» (т. I. СПб., 1861, с. 384—385) отмечает: *«К ...мифическим преданиям в замыслах Бояна относится загадочная личность Трояна (а не Траяна). ...эпоху историческую певец вел от древнейшей, мифологической, представителем которой является здесь Троян. Века или времена «трояни» для него древнейшая эпоха, предшествовавшая старому Ярославу... Не знаю, имеет ли какое отношение наш Троян к римскому императору Траяну... Но сказочные предания и поверья сербов и болгар о некотором царе Трояне, без сомнения, принадлежат к одному общему эпическому циклу, из которого и наш Боян черпал свои песни о веках и земле Трояновой».*

Автор отмечает, что **по Нерону**: « ... царствова Траиянь лѣтъ 9, и разболевъся умре. И тѣ бѣ благо, и ненавидя злаго, и любяи правду тольма бяше, яко обнаживъ нѣкогда оружье предѣ вельможами, дасть епархови, глаголя: *«Приими оружье се. Аще добръ владѣю, по мнѣ да будетъ, аще ли злѣ, да на мя се будетъ».* Хрон. Амарт., 308 (XIII—XIV вв. - XI в.). По Траианѣ же царствова Андрѣянь иже и Елии, зять его, лѣтъ 20 и 4. Там же. Съ Карѣ Персиду и Ктисифонѣта плѣнивъ третье, се бысть о преже царствовавшимъ римлянѣмъ, Траияномъ, и Севиромъ, причитаемѣи от Карова быша плѣнения. Там же, 326.

Что имеем? Имеем две даты и двух Траянов (Троянов) в первом случае с датой 87 год н.э. и второй датой 378 год н.э. Это и есть тот самый разрыв в истории, или говоря проще искусственная растяжка одного исторического события на 300 лет. По 300 лет наши герои не живут, поэтому, на мой взгляд, в данном случае, чтобы не путать троянские события описанные Гомером в поэме «Илиада» по Трое и Римские войны древние историки Трояна переименовали в Траяна употребив простую логику мышления. А в войнах Римской империи в первом случае Трояна описали как императора – полководца, а во втором как дукса Египта – полководца Римской империи. Не думаю, что это было сделано намеренно. Похоже на то, что у

авторов (равно как или отдельного автора) было два разных первоисточника описывающих одно и то же событие, но с разными датировками или наложением исторических событий по истории войн Римской империи, которые были разведены по причине невозможности состыковки этих событий между этими двумя первоисточниками. Либо было в истории действительно два Трояна, оба римские полководцы воевавшие с одним и тем же врагом, в одних и тех же местах, в одной и той же последовательности, но с разницей, грубо говоря, в 300 лет. В любом случае это всего лишь догадки и предположения требующие дополнительных исследований и отражённые в данной работе.

Ещё одним свидетельством о том, что война была со скифами, а не с готами свидетельствуют строки из данной веды:

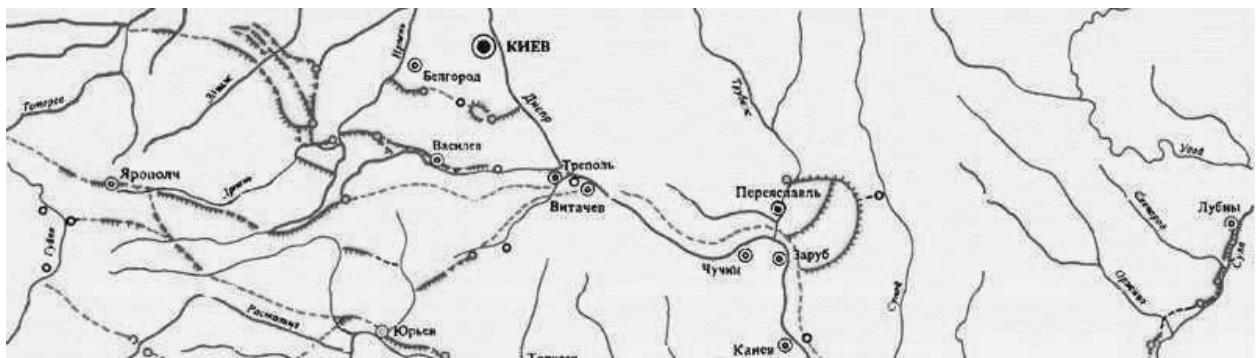
Это Троянь будет за пятьсот лет до Годии, также во все дни это говорить не перестанем, когда волока это была наша. Говорить будем до конца жизни своей. (ВК-20)

Годия (Готия) была образована в Крыму в Византийский период, уже после распада Римской империи, судя по ведам спустя 500 лет после образования Ульпии Траяна (Трои), т.е. в VI-VII веках. В ведах Ульпии Траяна фигурирует под названием «Троянь» (Троя). Это ещё одно свидетельство невозможности именно готской войны с римской империей в обозначенный период 377—382 гг. Война, очевидно, была скифской.

Имел ли Троян отношение к строительству «Трояновых валов»?

Тема Трояна сама по себе обширная, требующая отдельного материала и исследования начиная с Трои Гомера, Траяна Нерона, Трояна СОПИ и кончая информацией о Трояне и Трояновых валах, изложенной в ведах ВК, в которых говорится о том, что строили оборонительные валы арии – русичи совместно с дружественными им племенами (включая дахов) для защиты своих территорий от внешнего врага и разбросаны они по разным древним территориям обитания ариев - русичей. Названы они Трояновыми валами (через «о») по причине своего трёхрядия. А там где они шли одним или двумя рядами вдоль рельефа их называли «Змиевыми валами» за длину и извилистость. Остатки валов можно встретить на территориях Украины, Молдавии, Румынии, между Дунаем и Чёрным морем, в Приднестровье и Буковине.

На карте ниже изображены Змиевы валы на юге Руси.

Мог ли Троян в период своего правления возвести Трояновы валы на территории захваченной им Дакии и за её пределами? Дакия была покорена Трояном во вторую кампанию 105-106 года н.э. Сармизегетузу, столицу Дакии Троян захватил только в 106 году. Триумф победы состоялся в 107 году и длился 123 дня. В 107 г Троян послал армию в столицу Аравии Петру для аннексии Аравии в новую провинцию Каменистой Аравии. В начале 111 г. было начато строительство дороги ведущей с юга на север через всю Аравию, а в 114 г. Троян уже вёл войны с Парфией в Передней Азии, а в 117 году скончался на пути из Калики в Рим. За столь короткий срок Троян, отвлекая силы на постоянные войны в различных регионах, не мог воздвигнуть оборонительные валы имеющие свою протяжённость в тысячи километров, да ещё за пределами Римской империи. Трёхрядье некоторых заградительных валов наблюдается вплоть до Азовского моря. Трояновы валы прослеживаются у Черноморского побережья Румынии. Укрепленная линия длиной около 60 км пересекает перешеек между Дунаем и Черным морем в районе Констанцы и так же состоит из трех валов: двух земляных и одного каменного с высотой от 3 до 6 м.

На территории СССР массивная оборонительная линия Трояновых валов расположена в Молдавии и на юге Одесской области. Здесь различают Верхний и Нижний Трояновы валы. Верхний Троянов начинается на правом берегу Днестра в 12 км южнее Бендер и тянется непрерывной стокилометровой линией через низины и водоразделы на запад к городу Леово, расположенному на реке Прут. Отсюда начинался другой вал, который шел на юг по левому берегу Прута до селения Вадалуй-Исаки. Но это еще не Нижний Троянов. Нижний Троянов начинается у реки Прут и ломаной линией соединяет реку с северными оконечностями дунайско-черноморских озер-лиманов: Ялпуг, Катлабуг, Китай и Сасык. Винницкой, Хмельницкой, Тернопольской и Львовской областях. Их общая протяженность более 400 км.

Киевский исследователь А.С. Бугай многократно извлекал из основания валов угли, попавшие туда в период строительства. Результаты анализов показали, что возраст находок весьма солиден и определяется (для различных образцов, взятых из разных валов) от 2100 до 1200 лет! Другими словами, обследованные А.С. Бугаем валы строились в период со II века до нашей эры до VII века нашей эры. (Из доклада на конференции 1988 г.)

Не вдаваясь в подробности касательно датировок строительства валов как оборонительных сооружений, **Андрей Дмитрук (2008)** в своей работе «Тайна змиевых валов» отмечает, что разнообразные анализы валов, произведенные в 1981-1982 годах, сузили диапазон с XXIV века до н. э. по II век н.э. В завершение приведу выдержку по данной теме из седьмой веды , в которой говорится, что к моменту первой военной кампании Трояна при нападении на даков оборонительные валы в низовьях Дуная уже существовали и на них римляне потерпели поражение:

... колы Данаевы обведены троянь валами. Те просто трижды легли. Стрибно, воинственно пляшут об них, плача за овсеню. В зиме студеной громыхают, спотыкаясь об них. Голуби дивные. Тацась ругаются, как погибали те в Славе. Не оставили земли своей врагам. (ВК-7)

Римская армия под командованием Фуска, столкнувшись с даками, у Тапае потерпела серьёзное поражение. Позже, в 101 г. Троян захватил в первую компанию Тапае, но даки заманили Трояна к заградительным валам и победа римлян при Тапае оказалась бессмысленной. Войдя в ущелье реки Бистры, армия Трояна неожиданно натолкнулась на шестиметровую по высоте каменную стену, перегораживающей вход в ущелье. На стеле в честь победы Трояна в Дакской войне хорошо видно как даки организованно отходят за эту стену, а Троян удручённо смотрит на неприступный бастион сжимая в руке дакийскую стрелу. Прямо на него со стен смотрят черепа римских солдат и офицеров, погибших и обезглавленных очевидно при Домициане. Эта сцена, запечатлённая на колонне Трояна, является ещё одним свидетельством того, что оборонительные валы с каменной стеной существовали ещё до прихода Трояна в Дакию.

Можно было бы затронуть ещё и тему уплаты дани римлянами, как сообщают историки, за ненападение и неразорение римских колоний на Балканах. В ведах тоже упомянуто об этом, с той лишь разницей, что причина уплаты этой дани была несколько иной:

Давайте вспомним когда Троянь был от дедов наших отделен. Леги его дань собирали для полей наших и там трудились при нас десятки лет и упущение корней своих есть от нас. Это ромеи ворчат какие мы варвары, это греки кричат во все стороны какие мы варвары, когда сами имеют в двойне хищность свою и обоими движет жадность на земли наши. . (ВК-20)

Вероятно, дань платили римляне за использование полей и территорий бывших земель ариев-русичей на Балканах, по левую сторону Дуная. Взаимоотношения с Римом были более сложными, чем это представлено сегодня историками в до и после Троянский период правления. Балканские земли, очевидно, рассматривались как сельскохозяйственные колонии для бедного населения Рима, с переселением римлян на эти земли для их обработки, о чём говорится в ведах отмечающих трудовую деятельность на полях, что приводило к постепенному смешиванию с местным арийским населением. Примерно та же ситуация складывалась и во время греческой колонизации Черноморского побережья в V-IV веке до н.э. при захвате торговых городищ и организации на этих местах своих колоний.

Заключительная часть.

Подводя итоги исследований 20-й веды, следует отметить, что в ней содержится достоверная информация о жизни ариев-русичей, охватывающая широкий диапазон исторических событий, включая в себя как войны Римской империи с

участием Трояна в начале II века, так и события связанные с перехватом власти на Руси в IX веке. На основании исследований можно сделать следующие выводы:

1. Рассмотренная в ведах топонимика показывает причастность ариев-русичей к историческим событиям, развивающимся в данных регионах. Упоминаемый в ведах Бон не претерпел больших изменений и идентифицируется как город Бонн, расположенный на территории современной Германии, на Рейне.
2. Топоним Сеть в древности был связан с воинским станом, располагался у реки Сеть и утратил своё существование.
3. Инея является территориальным образованием ариев-русичей располагавшаяся на реке Инн. Является начальной территорией места пребывания ариев – русичей в период укрытия в последний ледниковый период.
4. Троянь является топонимом образованным в период Римских войн Трояна с даками после победы римлян над Децебалом и известна в истории под названием Ульпии Траяна.
5. Трояновы валы являются оборонительными сооружениями ариев-русичей. Просматриваются на всём протяжении от Дуная до Днестра, имеются на подступах к Киеву и были сооружены до начала войн Римской империи с даками. Троян не мог быть инициатором сооружения этих валов, т.к. они были возведены до его прихода в Дакию.

Следует отметить, что исторические события войн Римской империи с участием Трояна растянутые почти на три столетия 101- 368 являются хронологической ошибкой связанной с использованием нескольких разных первоисточников описывающих одно и то же историческое событие. Данный вопрос требует дополнительных исследований этих первоисточников для установления более точной хронологической датировки и внесения поправок в это историческое событие.

Литература.

Аскольд, князь київський. Малий словник історії України . Відповід. ред. В. Смолій. Либідь, 1997.

Буслаев Ф.И. Рец. на кн.: Слово о полку Игореве. М., 1866.

Голдсуорти А. Во имя Рима. (перевод: М. Алферова, М. Королев.) «Транзиткнига». М. 2006.

Герберштейн С. Записки о Московии. (пер. А. В. Назаренко). М. МГУ. 1988

Гомер. Илиада. Пер. Н.И. Гнедича. Ст. и прим. А.И. Зайцева. Отв. ред. Я.М. Боровский. Серия «Литературные памятники». Наука, СПб. 2008.

Древнерусские княжества X—XIII вв. Под ред. Л.Г. Безкровного. М., Наука, 1975.

Клёсов А.А. Откуда появились славяне и «индоевропейцы» и где их прародина? Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. Т. 1 № 3 2008

Клёсов А.А. Гаплотипы южных и балтийских русских славян: четверо племен? (дополненная и исправленная версия). Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии т. 2 №5 2009

Клёсов А.А. Основная загадка во взаимоотношениях индоевропейской и тюркской языковых семей и попытка ее решения с помощью ДНК-генеалогии: соображения нелингвиста. Вестник РА ДНК-генеалогии Том 3, № 1 за 2010 г.

Клёсов А.А. ДНК-генеалогия русских князей гаплогрупп N1c1 и R1a. Вестник АДНК-генеалогии т.5 №9 за 2012 г.

Кузьмин А.Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси (1969); Начальные этапы древнерусского летописания (1977). Научные труды. История России с древнейших времен до 1618 года в 2-х томах (2004)

Королев А. С. Загадки первых русских князей. М. Вече, 2002.

Котляр М. Ф. Киевские князья Кий и Аскольд. Военна історія. № 1, 2002..

Максименко Г.З. Велесова книга. Веды об укладе жизни и истоке веры славян, НОУ «Академия управления», 2-е изд., М., 2010.

Максименко Г.З. о перехвате власти на Руси Вестник АДНК-генеалогии «Русь славянская и роль варягов в становлении государственности на Руси.» т. 4 № 4 за 2011 г., с. 904; «Перехват власти в Скуфи Киевской (середина IX в. н.э.)» т. 4 № 4 за 2011 г., с. 931; т.4 № 12 за 2011 с. 2282; «Веда 12. Дополнительная информация о перехвате власти на Руси в период правления Рюриковичей (IX в. н.э.)» т.5 №2 за 2012 г (с. 114); «Следы продвижения ариев гаплогруппы R1a1 к Балтийскому морю и освоение острова Рюген» т. 3 № 9 за 2010 г (с. 1611)
Марцеллин А. Римская история. (Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни под ред. Л. Ю. Лукомского). Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история». СПб. Алетей. 3-е изд. СПб, 2000.

Полизаров Н. А. Исследование славянской цивилизации. 2008.

Рубцов С. М. Легионы Рима на Нижнем Дунае: Военная история римско-дакийских войн. «Филоматис», М., 2003.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М. Наука, 1993.

Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костёнковско - Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. Материалы и исследования по археологии СССР, № 59, М.- Л., 1957.

Соколова Л.В., "Троян в "Слове о полку Игореве" (обзор существующих точек зрения). Труды отдела древнерусской литературы. Т. 44. Изд-во "Наука", Л-д, 1990.

Синицын А. А. Исследование памятников древнейшего этапа верхнего палеолита Восточной Европы. Раскопки стоянки Костенки-14 (Маркина Гора), Институт истории материальной культуры РАН, 2004.

Фадеева Т. М., Шапошников А. К. Княжество Феодоро и его князья. Симферополь, 2005.

Хронограф 1679 года «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске». Полное собрание русских летописей. Т.31. Л., 1977

Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях, академический проект, Шахматов А.А. 1908,1938, Кучково поле 2001 (ISBN 5-901679-02-4; ISBN 5-8291-0007-X)

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Сарсизлетуза. Т. 82. СПб., 1890—1907.

Дакия. Т.82. СПб., 1890—1907.

Die Gruppe Oberlauterbach in Niederbayern и Verlag Lassleben, Kallmünz 1985

Интернет

Армия Децебала и его союзников (Рубцов С. М.)

<http://www.roman-glory.com/02-08-02>

Бонн

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%EE%ED%ED>

Германия Северный Рейн-Вестфалия

<http://gidtravel.com/country/germany/nordrhein-westfalen/>

Доисторическая Германия

http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%EE%E8%F1%F2%EE%F0%E8%F7%E5%F1%EA%E0%FF_%C3%E5%F0%EC%E0%ED%E8%FF

Инн

[http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%ED%ED_\(%F0%E5%EA%E0\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%ED%ED_(%F0%E5%EA%E0))

Кто такой Троян?

<http://tochka.gerodot.ru/slovo/trojan.htm>

Римско-персидские войны.

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%E8%EC%F1%EA%EE-%EF%E5%F0%F1%E8%E4%F1%EA%E8%E5_%E2%EE%E9%ED%FB

Словарь античности. Ирмшер Й., Йоне Р.

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/slovar/index.php?T=%D0%C0%D2%C8%C0%D0%C8%DF

Сет

[http://www.travellers.ru/city-set-\(gorod\)](http://www.travellers.ru/city-set-(gorod))

Троянь

http://dic.academic.ru/dic.nsf/slovo_o_polku_igoreve/959/%D0%A2%D1%80%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D1%8C

Веда 21 Бродившая по рукам.

Содержание исследуемого первоисточника.

Авторский перевод.

III-30

Храны имеем для испытаний когда ты есть суженый её и стоишь напротив будущей матери, это испытание проводится перед объединением корней. Суженая идёт руки поднося и опуская на хлеб, даже когда уже беременная. Такую имеем жизнь нашу. Женщину свиваем в Славе его, это против него земля наша и ту храним так же как отцы наши. Повинуемся Сварге и Земле. Справляем свадьбы в той, так как ожидаем, это творец его Сварежь и против мужа - жена его. Празднование умеем делать, когда объединилась пара в муже и жене и сами мы дети его. При обряде в хране так говорим:

- Будьте вы здоровы, будете счастливы, и имейте детей много.

Похвалите, это и так видно до вод, будет великоплодна и это дает муж ее в своем питаре. Да в будущем твоём будет полноплодие и овощей и зерна. Заботимся о той, и огурцы они едят. То будет так до конечного дня, ибо верны твои молитвы о блаженстве и доброте, да будет их живот усеян в потребности и в жертве это они, в том держите все в ладу своём, виергунь может в хляби давать с умением нужды наши. Молимся молитвами отражёнными в тесе, ибо данность имеем такую, каков его иной перунец.

У северных ворягов на гербе нанесён в торче головы его и направлен в небо. Кидает в мор и пучит его. Сушь натечет борзая в крае чужом. Там его до времени ожидает испытание. Отвести можно ночью идя ко сну и извергнуть на ней. Толките его. А то все молятся Богам на то жалуясь, и горе тем.

Сидели Боги в меже той перед Сварогом и той оде вечной руки свои. Ода бродит и повелевает дождям течь всем до гомыте той. Перст поникший носить все могут свободно, ибо ожидающий, и злачно у всех может торчать до отвердения.

Несколько слов о качестве переводов «Велесовой книги».

Данная веда по своему содержанию не нуждается в особых комментариях, т.к. изложенная в ней обрядовая традиция венчания в славянских храмах, сохранила многие постулаты заложенные с давних времён образования славянской веры и, несмотря на её замещение при христианизации Руси, не претерпели сильных изменений. Многие традиции были сохранены либо из-за нежелания населения менять их, либо претерпели незначительные изменения. Многие, но далеко не все. Что же касается обряда венчания, у читателя есть возможность ознакомиться со старой традицией и сравнить её с современной свадебной. У меня же появилась возможность несколько отойти от привычного в этой серии исследований направления и показать на примере этой самой сложной в плане перевода веды, как и в какой последовательности следует продвигаться, чтобы получить положительный результат – качественный перевод.

Несколько слов о самом качестве переводов. Удивительным образом даётся оценка качеству, основным критерием у большинства людей да и профессиональных критиков по отношению к «Велесовой книге» (ВК) является принцип: нравится или не нравится содержание или автор перевода, подходит или не подходит к собственным умозаключениям или, к ставшими догмой, историческим данным. А у тех исследователей, что уже успели ознакомиться с содержимым ВК и выдать ошибочные высказывания, на основе неверных переводов, так и вовсе оценка основывается на принципе устраивает или не устраивает тот или иной перевод. Находятся даже такие «специалисты по оценке», которые половину ВК признают – устраивает, а вторую половину не признают – не устраивает. Тему подлинности или фальсификации первоисточника пока не рассматриваем.

И так, возьмём в качестве примера переводы первых нескольких строк из данной веды (III-30) и сравним переводы историка, лингвиста и духовного наставника:

СЕБОХРНІАЩЕХОМЬПОІТАРЕДІАІЕІАКОЖДЕТОІЕОСОБЕНЬІЕСТАЩЕТЬОМ
АТРІ
ПРОТІЕВЕСЕБОТЕБЕНЬЩЕОСОВСТЕНПЛЕНІАДОКОРОІНЫТАІДІАШЕТЬРЕН
ЦЕМ
ОІВЗДІАДОХЛЕНБЫСЕДАЩЕТЬДАЖЕІАКОЖДЕІДЕІНАЩЕТЫТОІМІАХОМ
БЖО
ІТЕНЬНАШІУЖНІУВІЕНХОМЬОСЛАВЕІЕСЕБОПРОТІЕВЕІЕЗЕМЕНАШІАІТУ
ХРАН ІХОМЬІАКОЖДЕОЦОІ НАШЕІСЕ ПОВІЕНЦЕХОМЬСВАРЗЕІЗЕМІЕ

А.И. Асов (исследователь):

И вот храни приняли Патера Дья, чтобы он стоял особо напротив Матери. И стало так, что потеплел родник, и река вздулась от хлябей. И это дал нам Дажьбог, который пришёл и принёс это (тепло). И мы имели жизнь нашу и жниву – солому свивали во славу его. И вот напротив его - земля наша, и её мы хранили, как и отцы наши. И это ведали и в Сварге, и на Земле.

Н.В. Слатин (лингвист):

Се, храним мы Питара Дия, потому как Он особо стоит после Матери Протевы. Се, ведь то бывает при совступлении в источники и Она идёт, руки воздымая ко хлябям. И это даёт дождь, который идёт и насыщает Её. И имеем мы жито наше и жатву жнём во славу Её. Ведь Протева есть Земля наша, и Её храним, как и отцы наши.

И вот венчаем Сваргу и Землю.

Богумил Мурин (духовный наставник):

Се же храним Праотца Дья, ибо Тот особо стоит против Матери. То бывает при хождении до источников, и Та идёт, руками возводя до хлябей и даёт дождь, коий идёт и насыщает. И (от) того имеем жизнь нашу и жниво жнём во славу Её. Се бо перед (нами) наша, и ту храним, как и отцы наши. И се повенчаем Сваргу и Землю ...

Полагаю трёх вариантов перевода для сравнения достаточно. Большой охват ничего не даст, только расширит смысл переводимого. Переводчики перевели текст по разному, и допустили в ряде мест одни и тех же ошибки. О чём это свидетельствует:

1. отсутствовала серьёзная работа над разбивкой текста и его огласовкой;
2. ни один из авторов не уделил достаточного внимания изучению языка оригинала;
3. авторы при переводе занимались заимствованием между собой;
4. в большинстве случаев авторы переводов игнорировали дословный перевод, перед тем как сделать авторский.

Это основные недоработки, которыми «страдают» большинство имеющихся на сегодня переводов, независимо от того делал его лингвист, историк, духовный наставник или просто исследователь - любитель. Знакомясь с трудами других переводчиков «Велесовой книги», были выявлены слабые места в наиболее сложных для перевода текстах. Это привело к всестороннему изучению древнеславянской письменности. При изучении стало очевидным, что написаны отдельные веды в разное время и по разным правилам письменности. В таком виде они и были переписаны в общий свод, который сегодня принято называть «Велесовой Книгой».

Несмотря на сплошное написание, при изучении текста были обнаружены разделители между предложениями выраженные буквой «А». В нескольких ведах это правило было использовано через букву «И», как например в 21-й веде.

Гласные буквы убраны только в тех местах где они воспринимаются недвусмысленно. По содержанию «Велесовой книги» видно, что это многовековой труд разных авторов. Обнаруживается в ней не только широта лексического разнорядя, но также исторические повторения одного и того же события с разных точек зрения. Что из себя представляет «Велесова книга»? Без ответа на этот вопрос исследование её становится крайне проблематичным и бессмысленным. «Велесова книга» является сводом 26 славяно-арийских вед отобранных из всех имеющихся в наличии на период её написания. Отобранные Веды были разбиты на две части: веды старых времён и веды времён новых, примерно в одинаковой пропорции по объёму информации. Старых вед оказалось восемь, а новых вед - восемнадцать. Все они были переписаны слово в слово на языке своего времени. Единственное, что позволили себе авторы переписи - это написать вступление ко второй части вед нового времени, уместив свою информацию на одной дощечке с двух сторон. Она известна среди исследователей под номером 16 а. и 16.б. Вот собственно и весь тот минимум знаний, без которых перевод ВК становится проблематичным. В качестве примера для тех, кто решил попробовать свои силы в переводе или перепроверить тексты переводов покажу, как это делается.

Работа над переводом на наглядном примере 21 веды.

Исходный материал.

ЗЕ БУ ХРН ПЩЕ ХУМБ ПШТАРЭ ДПАК ПКУЖДЕ ТЫ Е УСУБЕНБ И
РПНПРШТИ БЕСЕ БУ ТЕНЕНБЩЕ УСУБЕСТЕНПЛЕ ПДЕУК УРШНБ ТРА Д ПШЕ ТБР
НЦЕМШБЗ Д П ДУХ ЛЕНБЫ СЕ Д ПЩЕ ТБ Д ПЖЕ ПКУЖДЕ Д Е И НА С Ц Е Т Б И Т Ш П
ХУМБ Ж Ш ТЕНБ Н П Ш И У П Ж Е И П У Б И Е Н Х У М Б У С Л П Б Е И Е С Е Б У П Р Ш Т И Е Б Е И Е З Е М Е Н П Ш
П И Т У Х P A H И X У М Б П К У Ж Д Е У Ц Ш Н П Ш И Е С Е П У Б И Е Н Ц Е Х У М Б С Б А P З Е И З Е М И Е П P
П Б И X У М Б С Б A П Д И Е Б Б У Т Ш П К У Ж Д Е X У М Б С E T B A P Ц Б И E C B A P E Ж Б И П P Ш Т И E B E I E
Ж Е Н П И Е I C E П P A З Д E H C T Ш П П X У М Б Д И E П T E П K U Ж Д E У М У Ж E Ж Е И E I C B M E Д
Ц E I E T A K Y P E Ц I E X У М Б E H Д E Ц E T E T E З Д P A B I E Б Ш T E П Щ A C T E H E П I M A T E Д E
T Ш П H Ш Г P A I C E Б У X B E A П Ц E T E C E I T A K Y З P П T E Д У Б Б Л Д Б У Д E B E Л E П Л Ш Д H П I
C E Д П П Щ E T E M E H Ж E У С B E П I T A P E I Д П Ш Б E H Ц E T E T B E I E M Б У Д I E Ш E П Л H П П I
Д I E У Б Б Ц Б I E P H Ш I C E P A Д I E X У М Б У T Ш И I Y P P A З Д Б П Щ E T B T I E I T У Б П Щ E T E
T A K Y Д У K Y H E Ц E H Б Д E H C E Б У B I E P H Ш T B I E X M Y I П Ц У T Б У Б Л A З I E X I Д У B I E X Д
П Б E H Д E Ц E T E I X M A Ж Ш Б У T Б У C H Ц E H Б У П T P I E B H Ш I У Ж P П T E C E T I E X T У M Y Д P
З E Ц E T E C E H У Б У Л A H У C Ц E T B П B I E P Г Y H Б Б У M Ж A П Щ E T Б У X I П Б E Д A П П Щ E T
C E X I M П X У M Б H Y Ж E H A Ш I E I M X I X У M Б Y T E C E Б У X H Д E P E I M П X У M Б П K E B B I E X Д
I H B П A P Y H E Ц Б I C E B E P Ж Д E B P З E H A X P B E T E Ц E I T A K Y Ж Д E У T P Ц E Г Л A B Ш I E I Ж
Ц E Ц E T Б У H E B Ш I K I Д Б H I E X M Y P A П U Ц E I C E C Y Ц E H A T E C E B У P A I E X K P A I E C Y Ж Д
E H T A M Y I E Д У Ц H C Ш Ж Б Д E П Ш T A P E I E У Д У B E H Д E M Y Ж Д E H У C Ц E I Д П Ш E T E X C
H I E T E I B E P Ж Д E C E T E H A H E I T A E H Ц E T E I E H T У C E H M Y I П X Y P E C E M Y T A Ж A I E I
Г Y P Y H I E T Ш E I C I Ц E C T A P Y З E E M E Ж E T Ш П E P E H Д E C B A P Г Б I T Ш I У Д E B E T Ц E P Y
Ц E C B A I A Д E B P A Д E I П У B E I П Ц E T Б Д A П Ж Д E T E C I П Ц E T E C E H A Д У Г Y M Ш T E T E T Y I A
C E П E P C T Y C X X I П H A C I Ц E T E C E H M Y Ж A П Ц E T Б У Б B Л I E B Y Ж Д E C B T E I З Л A П Ц E C E H
M Y Ж A П Ц Y T E C E T Y P Ц A T E Д У T B A P Д E E

Разбивка текста (дешифровка)
исходного материала.

ЗЕ БУ ХРН ПЩЕ ХУМБ ПШТАРЭ ДПАК ПКУЖДЕ ТЫ Е УСУБЕНБ И
РПНПРШТИ БЕСЕ БУ ТЕНЕНБЩЕ УСУБЕСТЕНПЛЕ ПДЕУК УРШНБ ТРА Д ПШЕ ТБР
НЦЕМШБЗ Д П ДУХ ЛЕНБЫ СЕ Д ПЩЕ ТБ Д ПЖЕ ПКУЖДЕ Д Е И НА С Ц Е Т Б И Т Ш П
ХУМБ Ж Ш ТЕНБ Н П Ш И У П Ж Е И П У Б И Е Н Х У М Б У С Л П Б Е И Е С Е Б У П Р Ш Т И Е Б Е И Е З Е М Е Н П Ш
П И Т У Х P A H И X У М Б П К У Ж Д Е У Ц Ш Н П Ш И Е С Е П У Б И Е Н Ц Е Х У М Б С Б A P З Е И З Е М И Е П P
П Б И X У М Б С Б A П Д И Е Б Б У Т Ш П К У Ж Д E X У М Б С E T B A P Ц Б И E C B A P E Ж Б И П P Ш T И E B E I E
Ж Е Н П И Е I C E П P A З Д E H C T Ш П П X У М Б Д И E П T E П K U Ж Д E У М У Ж E Ж Е И E I C B M E Д
Ц E I E T A K Y P E Ц I E X У М Б E H Д E Ц E T E T E З Д P A B I E Б Ш T E П Щ A C T E H E П I M A T E Д E
T Ш П H Ш Г P A I C E Б У X B E A П Ц E T E C E I T A K Y З P П T E Д У Б Б Л Д Б У Д E B E Л E П Л Ш Д H П I
C E Д П П Щ E T E M E H Ж E У С B E П I T A P E I Д П Ш Б E H Ц E T E T B E I E M Б У Д I E Ш E П Л H П П I
Д I E У Б Б Ц Б I E P H Ш I C E P A Д I E X У М Б У T Ш И I Y P P A З Д Б П Щ E T B T I E I T У Б П Щ E T E
T A K Y Д У K Y H E Ц E H Б Д E H C E Б У B I E P H Ш T B I E X M Y I П Ц У T Б У Б Л A З I E X I Д У B I E X Д
П Б E H Д E Ц E T E I X M A Ж Ш Б У T Б У C H Ц E H Б У П T P I E B H Ш I У Ж P П T E C E T I E X T У M Y Д P
З E Ц E T E C E H У Б У Л A H У C Ц E T B П B I E P Г Y H Б Б У M Ж A П Щ E T Б У X I П Б E Д A П П Щ E T
C E X I M П X У M Б H Y Ж E H A Ш I E I M X I X У M Б Y T E C E Б У X H Д E P E I M П X У M Б П K E B B I E X Д
I H B П A P Y H E Ц Б I C E B E P Ж Д E B P З E H A X P B E T E Ц E I T A K Y Ж Д E У T P Ц E Г Л A B Ш I E I Ж
Ц E Ц E T Б У H E B Ш I K I Д Б H I E X M Y P A П U Ц E I C E C Y Ц E H A T E C E B У P A I E X K P A I E C Y Ж Д
E H T A M Y I E Д У Ц H C Ш Ж Б Д E П Ш T A P E I E У Д У B E H Д E M Y Ж Д E H У C Ц E I Д П Ш E T E X C
H I E T E I B E P Ж Д E C E T E H A H E I T A E H Ц E T E I E H T У C E H M Y I П X Y P E C E M Y T A Ж A I E I
Г Y P Y H I E T Ш E I C I Ц E C T A P Y З E E M E Ж E T Ш П E P E H Д E C B A P Г Б I T Ш I У Д E B E T Ц E P Y
Ц E C B A I A Д E B P A Д E I П У B E I П Ц E T Б Д A П Ж Д E T E C I П Ц E T E C E H A Д У Г Y M Ш T E T E T Y I A
C E П E P C T Y C X X I П H A C I Ц E T E C E H M Y Ж A П Ц E T Б У Б B Л I E B Y Ж Д E C B T E I З Л A П Ц E C E H
M Y Ж A П Ц Y T E C E T Y P Ц A T E Д У T B A P Д E E

Исходный материал
переложенный на кириллицу.

Се бо хрн ящехомъ пыгаре дяие якожде тои е особень ие стащеть о матри протиеве се бо те бень ще о совстенплена до корынь и та идяшетъ ренцеми вздя до хленбъ и седащеть даже якожде иде и насыцеть и то имяхомъ жытень нашиу и жениу виенхомъ о славе ие се бо протиеве ие земе нашя и ту хранихомъ якожде оцы нашие и се повиенцехомъ Сварзе и земие и правихомъ свадиебъ о тои яко ждехомъ се твариць ие Сварежь и протиеве ие жена ие и се празденсты имяхомъ диеате якожде о муже и жение и сьме дице ие и тако рециехомъ бендешете те здравие бытея щастене и имате деты многа и се бо ухвалищете се и тако зряте до вод боуде велеплодня и се даящете менж е о све питаре и да о бенщете твием будиеше полняплдие и овощъ и зерны и се радиехомъ о тои и огураздь ящеть тие и то бящете тако до конешень ден се бо виерны твие омолящуть о блазиех и добиех да бендешете ихма животь уснцень о птриебны и о жряте се тие о тому дрзщете сен о воладносще твя виергунъ бо можашеть о хлябе даящете со имяхомъ нуже нашие и молихомъ о тесе бо ондере имяхомъ якевь ие инъ парунець и севержде врзе на хрбе теще и такожде о трще главы ие и жещещеть о небы и кидьние о мора и пуще и се суше натече борзие о краие цужде. Тамо ие до щасы ажъде пыгаре ие одовенде може носще идяшете о сните и верждесете на не и тленщете ие. То сен моляху Бзем о та жалие и горуние тые и сицеста Бозе о меже тои перенде Сваргъ и тои оде ветще руце свои. Оде браде и повелящеть дажде тецащете сен до гомыте тои. И се перст усохля насыцете сен можашеть о волие бо ждесьте и злаще сен можашутесе торцате до твардее

Дословный перевод.

III-30

Это ибо храны имеем для испытаний когда ты есть суженый её и стоишь напротив бедующей матери, это ибо бывает еще до объединения корней и та идёт руки поднося и опуская на хлеб, даже когда уже вынашивает. То имеем жизнь нашу. Женщину свиваем в Славе его, это ибо против него земля наша и ту храним так же как отцы наши. Это повинuemся Сварге и Земле. Справляем свадьбы в той, так как ждем, это творец его Сварежь и против него жена его. Празднование умеем делать, когда в муже и жене и сами дети его. Так говорим:

- Будьте вы здоровы, будете счастливы, и имейте детей много.

Похвалите, это и так видно до вод, будет великоплодна и это дает муж ее в своем питаре. Да в будущем твоём будет полноплодие и овощей и зерна. Это заботимся о той, и огурцы едят они. То будет так до конечного дня, ибо верны твои молитвы о блаженстве и доброте, да будет их живот усеян в потребности и в жертве это они, в том держите все в ладности твоей, виергунъ ибо может в хляби давать с умением нужды наши. Молимся в тесе, ибо одерень имеем такую, каков его иной парунець.

У северных ворягов на гербе нанесён и так же в торче головы его и направлен в небо. Кидает в мор и пучит его. Сушь натечет борзая в крае чужом. Там его до времени ожидает испытание. Отвести можно ночью идя ко сну и извергнуть на ней. Толките его. А то все молятся Богам на то жалуюсь и горе тем.

Сидели Боги в меже той перед Сварогом и той оде вечной руки свои. Ода бродит и повелевает дождям течь всем до гомыте той. И это перст поникший носить все могут свободно, ибо ожидающий, и злачно у всех может торчать до отвердения.

Заключение.

Вывод по исследованию данной веды можно сделать следующий. Здесь отражён древний обряд венчания в славянском хране и даются наставления будущим супружеским парам: как и где следует проводить свадебный обряд при образовании семьи. Излагаются простые истины о том как бережно и с заботою наши предки относились к таким ценностям как зарождение новой семьи в своём роду, чтобы продолжить его в потомках, как бережно и трепетно относились к своим богам, являвшимся их покровителями.

Литература.

Асов А.И. Велесова книга (перевод и комментарии). «Менеджер», М. 1994 (с. 186).

Богумил Мурин. Велесова книга: Боги и Предки. Тип. «Наука», М. 2006 (с.118).

Слатин Н.В. Велесова книга (литературный перевод её текстов). 3-е изд. «Русская правда». М. – Омск. 2003 (с.68)

Максименко Г.З. Велесова книга. Веды об укладе жизни и истоке веры славян, НОУ «Академия управления», 2-е изд., М., 2010.

Веда 22 Славления богов.

При обсуждении серии материалов «Исследование славянских вед «Велесовой книги» как дополнительного источника информации, с позиции последних изысканий в области ДНК-генеалогии.» опубликованных в Вестнике АДНК-генеалогии, при обсуждении публикаций на форуме, меня упрекнули в том, что пренебрегал исходным материалом, публикуя текст отделяя предложения заглавными буквами. Серия этих публикаций подходит к завершению. Исследовать остались всего три веды. Пользуясь случаем хочу отметить, что делалось это исключительно с целью не загромождения и экономии места в вестнике, дабы не злоупотреблять его объёмами. 21 и 22 веды являются короткими по содержанию и понятными читателям. На примере этих двух вед показано как осуществлялся перевод перед тем как приступить к изучению содержания первоисточника. Покажу как это делалась начиная с дешифровки, переложения на кириллицу, до её огласовки и дословного перевода. Только после всей этой непростой процедуры делался литературный перевод где можно позволить свободную интерпретацию внутри текста. Как это выглядит показано ниже.

Пожешемо ти Бъже яко се намо деяцеси суру пити смъртну. На врзи грендешеси. Тоя бияшеси мещем твоём мовлено мзгоу. Свэнтем мрщиши ощесы. Аньщна не натенчаше. Бо исян знащенти то оубо Пероуну. То мовленхомь сен яко нъс не възбавитихомь севрзи грябэ Ида Инде то Иден яко хоццеси тои. Зобых имо упрензвенцеси. Грѣмити на нои. То бо исте сила тва на нь поля о плоднящи. Грѣми жде лиящети сен. О нь и тъму сен оиблази яко идехом по вѣли твое(и до) Азь бо утренья слва ти ренще на имах. Тако рцемо яко блг есь. Подтащ благ наших (.) Упрѣщаная о нои суте як овци. Утешашуть ...да имещи нои ве все дни. Да будехомь ти вирни и до конце славы твоя (.)

Отще бо наше сен да вожде. Да бендищи тако во си дни(.) Жьртву ти првихомь о вщане брацно. Тако поем слву. Великоща твоя ... славихомь Даьбо. Буде ты нашъ пькровител. Застоупищ од Коляды до Коляды. Плоди на полех. Даяшет трвы на скотия. Да намо во све дни е гвядя о умножити сея зьрна житня множеств. Быхом медь вищи затвржети. Пещи Бга свт. Слвити соуронже бость одрещен одо зимы. Теци на льто тому бо поемо славу яко оци по полэх.

Славихом Огнебга Семырѣгла древо грызуща. Сла му. Огнекуде лице розвияштя во утиев ден. Вчери. Тому быхом дящи за соутворене брашнэза пития яко есь едине храним во попели. Того въздымо. Горит и земе наше улежеса од суна. До суна све нрожи. Влки суте тамо бо хороси луци. Тамо ведымо говяды. Проплодिति се имо волю Дажьбу его же славихом (и Огебга Смрѣла)

Огласовка текста.

III-31

Пожешемо ти Боже яко се намо деяцеси суру пити смертну. На ворази грендешеси. Тоя бияшеси мещем твоём мовлено мзгоу. Свэнтем морщиши ощесы. Анешна не натенчаше. Бо исяно знащенти то (л)оубо Пероуну. То мовленхомь сен яко нес не възбавитихомь северзи грябэ Ида Инде то Иден яко хоццеси тои. Зобыхо имо упереназвенцеси. Громити на нои. То бо исте сила твоя на ней поля о плодонящи. Громи жде лиящети сен. О ние и тъму сен оиблази яко идехом по воли твое(и до) Азие бо утренья слава тои ренще на имах. Тако рцемо яко благо есь. Подтащ благ наших (.) Упрящаная о нои суте яко овци. Утешашуть ...да имещи нои ве все дни. Да будехомь ти вирни и до конце славы твоя (.)

Отще бо наше сен да вожде. Да бендищи тако во си дни(.) Жьртву ти правихомь о вешане брацно. Тако поем славу. Великоща твоя ... славихомь Дажьбо. Буде ты нашъ покровител. Застоупищ од Коляды до Коляды. Плоди на полех. Даяшет травы на скотия. Да намо во све дни ие говядя о умножити сея зерна житня множести. Быхом медь вищи затвржети. Пещи Бога свет. Славити соуронже боисть одрещены одо зимы. Теци на лето тому бо поемо славу яко оци по полэх.

Славихом Огнебога Семырҕла древо грызуща. Слава ему. Огнекуде лице розвияштя во утиев ден. Вечери. Тому быхом дящи за соутворене брашнэа пития яко есь единае храним во попели. Того вздымо. Горит и земе наше улежеса од суна. До суна свое нарожеи. Велики соуте тамо бо Хороси луци. Тамо ведымо говяды. Проплодоти се имо волею Дажьбу его же славихом (и Огнебога Семаргла)

Дословный перевод.

III-31

Славление Перуна.

Пожертвуем тебе Боже, так как это нам дает суру пить смертну. На врагов наступаем. Тем разбиваешь мечом твоим молниеносно мглу. Светом морщинишь очи. Анечна не затеняешь. Либо истинно значение то, либо Перуну. То молвим всем как нес, не сократим северной гряды, Ида, Инда, то Иден, как хочется той. Забылось имя в переназвании. Громите на нас. То либо истинная сила твоя, на ней поля в плодородии. Громи, ждут полива все. В ней и тьму всю облазил, так как идем по воле твоей до Азии, либо утренняя Слава тебе раньше на именах. Так провозглашаем, так как благо есть. Под стать благ наших. Упрощенны в нас ведь, как овцы. Утекают (от нас), да имеют нас во все дни.

Да будем тебе верны и до конца Славы твоей!

Славление Дажьбо.

Отче либо наш всем, да вождь!

Да будет так во все дни!

Жертву тебе справляем в вечном союзе!

Так поем Славу!

Величие твое (мы) Славим Дажьбо! Будешь ты наш покровитель. Заступник от Коляды до Коляды. Плоди на полях. Дает травы на скота. Да нам во все дни говядина умножается, сея зерна, житна множатся. Будет мед лучше затвердевать. Печи Бога - Свет!

Славьте Суронж, будете отрешены до зимы. Течи на лето, тому либо поем Славу, как отцы по полям!

Славление Огнебога Семаргла.

Славим Огнебога Семаргла дерево грызущего!

Слава ему!

Огнекудрое лицо развивается в тот день. Вечери. Тому будем давать за сотворение браженного пития, которое есть, отдельно храним в погребке.

Того раздуваем. Горит и земля наша уложенная от солнца. До солнца свое нарождаем. Волки ведь там, либо хороши луга. Там водится говядина. Приплодится это им волею Дажьбу, его же Славим и Огнебога Семаргла!

Авторский перевод.

Славление Перуна.

Пожертвуем тебе Боже, так как это нам дает сурью пить смертную, на врагов наступая. Тем разбиваешь мечом своим молниеносно мглу. От света морщиятся очи и анечна не затеняешь. Истинно значение то, любо Перуну. Молвим всем как нес ты нас, не сократим северной гряды: Ида, Инда, то был Иден, как хочется той. Забылось имя в переназвании. Громите на нас. То истинная сила твоя, которой поля плодородят. Громи в Сварге, ждут полива все. В ней и тьму всю облазил, так как идем по воле твоей в Азию. Ранняя Слава тебе раньше других богов была в имени твоём. Так славу провозглашаем тебе, так как благо есть в тебе. Эти блага под стать благ наших. Упрощенны в нас ведь, как овцы. Утекают от нас, да имеют нас во все дни.

Будем верны тебе до конца Славы твоей!

Славление Дажьбо.

Отче ты наш всем, да вождь!

Да будет так во все дни!

Жертву тебе справляем в вечном союзе!

Так поем Славу!

Величие твое мы Славим Дажьбо! Будешь ты наш покровитель. Заступник от Коляды до Коляды. Плоди на полях. Дает это травы много для скота. Да нам во все дни говядина умножается. Сея зерна, житна множатся. Будет мед лучше затвердевать. Печи Бога - Свет!

Славьте Суронж, будете отрешены от зимы. Течи на лето, тому Славу поем, как отцы наши на полях!

Славление Огнебога Семаргла.

Славим Огнебога Семаргла огонь возводя!

Слава ему!

Огнекудрое лицо развивается, в тот день и вечера. Огнебогу будем требы давать за сотворение браженного питья, которое есть и которое отдельно храним в погребе.

Огонь раздуваем и горит он по всей земле нашей спрятанной от солнца. До восхода солнца свое огнём порождаем. Волки ведь там где есть хорошие луга. Где есть луга, там и говядина водится. Приплод имеет скотина своею волею Дажьбу, его же Славим и Огнебога Семаргла!

Литература.

Асов А.И. Велесова книга (перевод и комментарии). «Менеджер», М. 1994 (с. 186).

Максименко Г.З. Велесова книга. Веды об укладе жизни и истоке веры славян, НОУ «Академия управления», 2-е изд., М., 2010.

ДИСКУССИИ - DISCUSSIONS

Для всех любителей характерно стремление к грандиозности, широким необоснованным обобщениям, ссылкам на сомнительные авторитеты и неуважение к специалистам и накопленным знаниям.

Для всех профессионалов характерны стремление к мелкотемью, боязнь широких обобщений, ссылки только на устоявшиеся авторитеты, чиновочитание и чрезмерное уважение к общепринятым догмам.
(Из сети)

Дискуссия по теме «Миграции ариев [R1a] и их прародина»

Славер:

Помогите уточнить датировки. По данным популяционных генетиков (см. Wikia и Википедия) возраст R1 составляет 25 000-30 000 лет, R2-M124 - 30 000 - 35 000 лет.

Что там по датировкам на самом деле? Подскажите где можно посмотреть.

В. П. Юрковец:

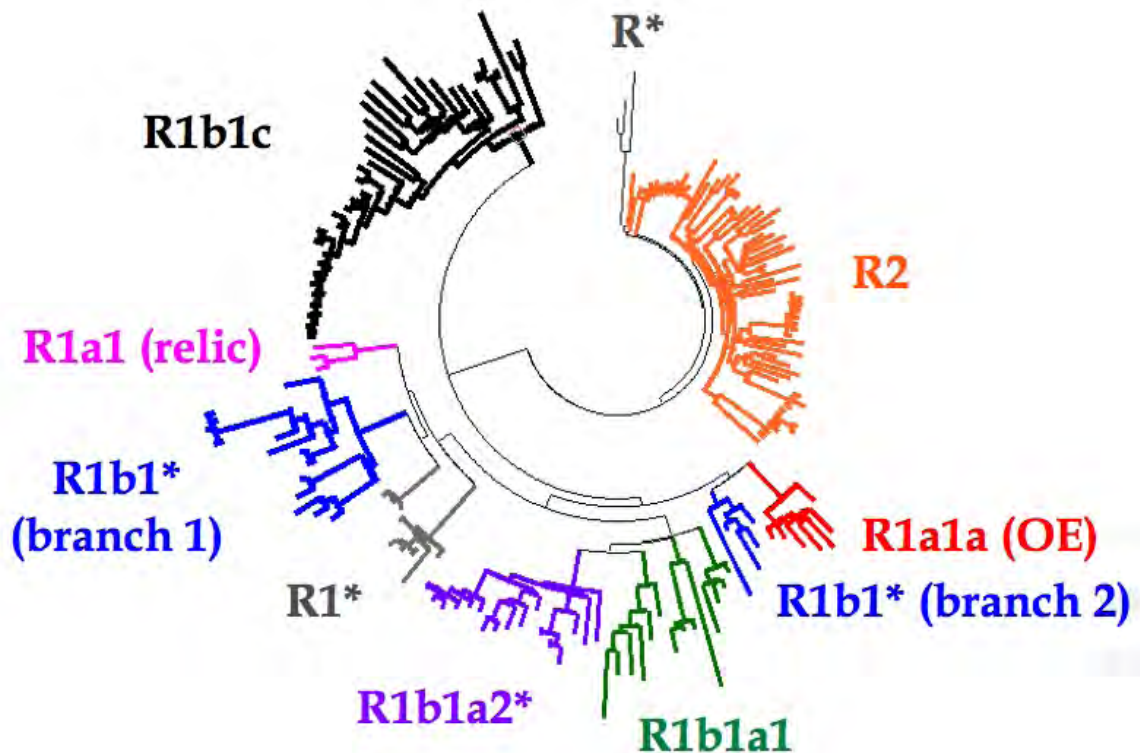
Смотрите таблицу климатических корреляций на странице

<http://www.rodstvo.ru/forum/index.php?show...amp;#entry96182>

И.Л. Рожанский:

Некоторое время назад специально прорабатывал этот вопрос, для чего собрал все возможные реликтовые гаплотипы R, какие были доступны. Среди них оказались R*, что по снипам не попали ни в R1, ни в R2 (Средняя Азия и север Индии), R1* (Западная Европа), R1a1* (Западная Европа и Русская равнина) и R1b1* (разбросаны от Британии до Пакистана). Любопытно, что на проектах FTDNA не оказалось ни одного гаплотипа, что по снипам был бы подтвержден как R1a* (L62+, L63+, L145+, M420+, SRY10831.2-) или R1b* (M343+, L278-, M415-, P25-).

Вот дерево этих гаплотипов в 32-маркерном формате, общем для FTDNA-37 и SMGF-43. В него также включены гаплотипы из R2, старой европейской ветви R1a1a1 (M417-) и редких субкладов R1b: R1b1c (V88), R1b1a1 (M73) и R1b1a2* (M269, DYS426=11):

Хорошо видно, что для алгоритма оказалось сложно выстроить корректную иерархию реликтовых R1*, R1a1* и R1b1*, настолько близки их базовые гаплотипы. По физическому смыслу это означает, что процесс расхождения всех этих ветвей происходил в течение относительно небольшого промежутка времени. Оценки дают время до общего предка всех R1 около 20 тысяч лет назад, причем оно почти совпадает с временами до общих предков как R1a1, так и R1b1. Принятые сейчас датировки в 20 и 16 тысяч лет, соответственно, были вычислены на сверхкоротких гаплотипах, когда еще не был известен субклад R1b1c (V88). Оценки, сделанные по протяженным панелям и медленному 22-маркерному набору, дают более раннюю датировку для его выделения из R1b1.

А вот R2 и реликтовые R* из Средней Азии отстраиваются от R1 вполне

отчетливо, с разрывом около 8000 лет. Кстати R2 относится к одним из самых древних генеалогических линий, что показывают стабильный рост с времен более 6500 лет назад, наряду с западнофриканской E1b1a, ближневосточными E1b1b1c, J2a1b и J2a2h, и субкладами восточноазиатской O3.

Следовательно, на вопрос, заданный выше, можно ответить, дав две ключевые датировки:

- а) около 28 тыс. лет назад - общий предок гаплогрупп R1, R2 и реликтовой R*;
- б) около 20 тыс. лет назад - общий предок R1a и R1b.

Первый из них, скорее всего, жил где-то в Центральной Азии.

Где жил второй - пока не совсем ясно. Возможно, что там же, но надо смотреть варианты и увязывать с палеоклиматологией и палеодемографией.

Наконец, на заре своей истории R1a1 (SRY10831.2) и R1b1 (P25) были настолько переплетены, что, скорее всего, входили в состав одной и той же группы этносов. Их разделение пошло существенно позже после серии бутылочных горлышек, разорвавших единую некогда популяцию. Судя по возрасту более молодых субкладов, это могло случиться, начиная с 12 тыс. лет назад, и далее по нарастающей.

Славер:

Игорь Львович, благодарю. Это как раз то, что мне было нужно. По моим изысканиям R1a и R1b разошлись на Русской равнине в последний доледниковый максимум. Получается что R1 зародились там же. Подробности напишу очевидно завтра.

aklyosov:

Надо помнить, что такие выводы требуют серьезных доказательств, и увязывания со всеми существующими представлениями. Интерпретации старинных текстов в этом отношении не сработают. Надо учесть, что древние R1a есть и в Монголии и Средней Азии, и в Северном Китае, и в Анатолии примерно 10 тыс лет назад, и в Египте и Омане, и в Индии, и это не арии 2-го тыс до н.э. Более продвинутая гипотеза должна это все объяснить, включая все гаплотипы и ветви.

То, что R1a якобы появились 15-10 тыс лет назад в причерноземных степях высказывалось уже давно, но, как оказалось, абсолютно без всяких обоснований, просто с потолка. Никаких гаплотипов и не рассматривалось. Не стоит им уподобляться, хотя я уверен, что Вы не будете.

Славер:

Речь идёт о периоде в 12,000 лет и глубже. И конечно же мне не хотелось бы просто повторять чьи то мысли о том, что русы R1a зародились на Русской равнине, потому, что есть Костёнки со своими археологическими данными. Они пока мало о чём говорят в этом плане, а домысливать можно до бесконечности. Я попробую подойти к данной теме с другой стороны, попытаюсь дать своим предположениям обоснование не только с точки зрения интерпретаций перевода Велесовой Книги (хотя и это может сыграть свою пользу и быть полезным "компасом" в поиске), но хочу понять как это может выглядеть с точки зрения ДНК-генеалогии. Если не получится, то и ладно. Значит допустил где-то ошибку и можно будет меня аргументировано опровергнуть. Для обсуждения на форуме ничего страшного в этом не вижу. Не ждать же с моря погоды (ископаемых Y ДНК) по Русской равнине. Они могут появиться не скоро, а двигаться надо потихоньку вперёд.

Славер:

Взвесив все за и против, насчёт расхождения R1a и R1b на Русской равнине придётся умерить свои аппетиты, повременить и дождаться сведений по ископаемым. Вообще первоначально на мысль натолкнули сведения о том, что на реке Пра (приток Оки) имеется озеро Годь. По данным государственного водного реестра России Пра относится к Окскому бассейновому округу. Там же по сведениям ВК существовала Годия и Русколань (по р. Рузе в том же Окском бассейне). Река Воронеж располагалась на территории Русколани в водном бассейне Дона. Это две территории на Русской равнине расположены по соседству. Река Пра захватывает территории Московской и Рязанской областей, а река Воронеж: Тамбовскую, Липецкую и Воронежскую области. Это и навело меня на мысль о возможном зарождении и расхождении R1a и R1b на Русской равнине.

В таком случае это могло произойти около 20000 лет назад из-за конфликта между собой племён R1 расколовшихся на две части, после чего R1a (руссы) осталась на Русской равнине, а R1b (годь) ушла за Урал куда то в Среднюю Азию на родину предков R*. А далее Б.Кавказ - М.Кавказ - Аравийский п-ов

- Египет и т.д. по уже исследованному и описанному маршруту. Отсюда может быть и специфический язык эрбинов. Но чего гадать. Надо продолжать исследования имея ввиду возможное развитие событий в данном направлении.

aklyosov:

А почему именно зарождение? R1b были на Русской равнине еще 12 тысяч лет назад, если хвалынская, средневожская и самарская культура это они. А кто же еще? R1a были там же от 5 тыс лет назад и позже. Так что их маршруты пересекались на Русской равнине.

И.Л. Рожанский:

Вопрос, кто жил на Русской равнине 5 и более тысяч лет назад, отнюдь не так прост, как кажется. Носители гаплогруппы N появились там едва ли не последними из основных ныне существующих линий. С I1 и I2 ситуация темная, поскольку первые вообще "обнулились" порядка 4300 лет назад (по уточненным данным с учетом недавно открытых нисходящих сніпов), а все реликты I2 обнаруживаются в Западной Европе. На Русской равнине представлена единственная ее ветвь I2a1b плюс единичные вкрапления I2a2, похожие на "туристов". R1a1a1 (M417) стали активно расселяться с 5000 лет назад, причем сначала в степной зоне.

Методом исключения остаются R1b и, возможно, какие-нибудь реликтовые R1a1* или R1*. В коммерческих базах данных и научных статьях такие экзотические гаплотипы проскакивают. Например, в Тамбовской и Рязанской областях, а также в Белоруссии. Все остальные генеалогические линии, что могли заселять Русскую равнину до появления ариев, похоже, потомков здесь не оставили.

Славер:

Средневожская 8000- 7000 лн., самарская 7500-6800, хвалынская культура 7000-6000 лет назад. Если это R1b, которые были там ещё 12 000 лн., то почему они не могли зародиться 20 000 лн. в центре Русской равнины разойдясь с R1a, и 12 000 лн. переместиться за Урал в Среднюю Азию и после потепления вернуться обратно на Русскую равнину (в районе выше перечисленных культур), а с Русской равнины уйти 6500 л.н. на Б. Кавказ (Майкопская культура), спустя 400 лет передвинуться на М. Кавказ, после того, как на смену им пришли R1a1 (дольменная культура). Может, поэтому их близость рассматривается как переходная с Майкопской на дольменную? Тогда пересеклись они всё же на Б.Кавказе 6100 лн. в период

продвижения R1a1 (Z 93) за Урал. На русской равнине R1a1 появились 5000 лн. и позже. Это были очевидно уже другие R1a1 (Z280). Обратите внимание на то, что прослеживается схожесть средневожской культуры со среднедонской:

Средневожская культура сформировалась после глобального похолодания на рубеже VII и VI тысячелетий до н. э. на бывшей территории елианской культуры в результате миграции на север населения из нижнего Поволжья[10]. Родственна ряду других восточноевропейских культур: прикаспийской, среднедонской и днепро-днецкой. Сменяется самарской культурой раннегэнеолита. (Вики)

Alexandr:

Могла ли гаплогруппа R быть автохтонной на территории Восточной Европы, Центральной России и являться носителем палеолитической культуры Костёнок?

Теоретически это возможно.

Приведём известные сведения по возрасту гаплогруппы R. *«Предполагается, что гаплогруппа R могла зародиться где-нибудь на северо-западе Азии между 30 000 и 35 000 лет назад. Однако большинство разновидностей гаплогруппы R найдено среди населения Средней Азии, Сибири и Индийского субконтинента. Одна изолированная подгруппа, принадлежащая к R, найдена среди коренного населения северного Камеруна на западе центральной Африки; как полагают, эта подгруппа возникла как результат доисторического перемещения древнего евразийского населения обратно в Африку».*

Если взять возраст гаплогруппы R, то он совпадает или немного меньше возраста слоя вулканического пепла, образование которого связывается с извержением вулканической системы Флегрейских полей в Италии, датированным 35 тысяч лет до наших дней. Ниже данного слоя в Костёнках располагается ещё три культурных слоя.

На уровне рабочей гипотезы позже указанной катастрофы Костёнки могли заселить представители гаплогруппы R. Эта восточная ветвь гаплогруппы R выдала мутацию - гаплогруппу R1, которая, в свою очередь, 26 тысяч лет назад мутировала - получилась гаплогруппа R1a.

Следует отметить, что к возрасту 25 тысяч лет некоторые исследователи относят особую Сунгирь-Костёнковскую культуру.

Т.е., таким образом, можно выйти на предлагаемый уважаемым Славёром

вариант дальнейшего развития событий: Сунгирь-Костёнковская культура гаплогруппы R1a (Русколань) и рядом существующая к востоку от неё культура гаплогруппы R1 (Годия).

Начало Ледникового периода (ледник надвигался с северо-запада) приводит к движению гаплогрупп R1a и R1 на юг и юго-восток. Максимум ледникового оледенения – 18 тысяч лет назад. Появление гаплогруппы R1b датируется 16 тысяч лет назад. Возможно, не все представители гаплогруппы R1b ушли в Среднюю Азию, а кто-то остался на Нижней Волге и Северном Кавказе. И наоборот, отдельная группа R1a ушла на Восток, дав на Алтае возраст 20 тысяч лет.

По зарождению сельскохозяйственных навыков у жителей Костёнок. (см. <http://www.rojdenierus.ru/forum/viewtopic.php?t=456>)

«Сложное и нетрадиционное устройство очагов в двух синхронных жилищах одного поселения свидетельствует о сложной и развитой процедуре одного из основных видов приготовления пищи (и ныне доминирующего в деятельности домохозяйств). Именно в Костенках вместе с обычными остатками мясной пищи в виде многочисленных мелких осколков костей животных были собраны в большом числе песты-терочники и настоящие зернотерочные плиты из гранита, кварцита и шокиинского песчаника. Приготовление растительной пищи обычными способами, похожими на способы, применяемые в земледельческих культурах, в палеолите - явление довольно редкое, но не исключительное».

С периодом максимального оледенения, возможно, связана Мезинская палеолитическая стоянка — археологический памятник позднего палеолита. Находится возле села Мезин Коропского района, Черниговской области, Украина. Датировка: около 18,000 лет до н. э. «Стоянка известна большим количеством художественных произведений - фигурками птиц, покрытыми орнаментом, браслетами из мамонтового бивня, один из которых покрыт первым известным изображением меандра. Считается, что браслеты были изготовлены из прямых пластин бивня мамонта, что были загнуты неизвестным способом».

Следует отметить, во-первых, что использована технология изгиба пластин бивня мамонта. Аналогичная технология использовалась на стоянке Сунгирь для выпрямления длинных пластин бивней мамонта и изготовления из них копий и дротиков. Во-вторых, отметим первое изображение меандра, которое позднее обнаруживается у эллинов. Как известно, компоненты меандра перекликаются с арийским коловратом. Исходя из совокупности фактов эллины (можно дать такой перевод «эль-инь» - «белый-северный» человек), наиболее вероятно, гаплогруппа R1a,

ахейцы – гаплогруппа R1b, представители остальных гаплогрупп – собственно греки или фрайки.

С территории Восточной Европы на Балканы гаплогруппа R1a, уже имеющая навыки земледелия, попадает в период следующего катаклизма – таяния ледника («Всемирного потопа» и «Гибели Атлантиды» - 11600 лет назад). Но нельзя исключать, что часть гаплогруппы R1a во время данного катаклизма (потопа) ушла в Семиречье, откуда пришла на Балканы южным маршрутом, через Анатолию, прихватив на востоке такие сельскохозяйственные культуры, как просо, ячмень, пшеница, горох. Кстати, в этот же период с Северного Кавказа гаплогруппа R1b первой волной ушла на Ближний Восток и в Африку. До Европы первая волна не добралась.

Отдельные представители гаплогруппы R1a, возможно, каким-то чудом спаслись на Русской равнине во время потопа, например ильмеры, и теперь они «засветились» в некоторых областях России и Белоруссии. Возможно, всё происходило по-иному, вместе с тем, в сообщении приведены факты, которые не исключают и данный вариант событий и соответствуют сведениям «Велесовой книги».

И.Л. Рожанский:

Цитата:

«Приведём известные сведения по возрасту гаплогруппы R. Предполагается, что гаплогруппа R могла зародиться где-нибудь на северо-западе Азии между 30 000 и 35 000 лет назад. Однако большинство разновидностей гаплогруппы R найдено среди населения Средней Азии, Сибири и Индийского субконтинента. Одна изолированная подгруппа, принадлежащая к R, найдена среди коренного населения северного Камеруна на западе центральной Африки; как полагают, эта подгруппа возникла как результат доисторического перемещения древнего евразийского населения обратно в Африку».

Где Вы откапываете такие пассажи? Несколькими сообщениями выше было дерево реликтовых ветвей гаплогруппы R, с географией и расчетом датировок перекрестными методами. Что там непонятного?

Кстати, "изолированная подгруппа из Камеруна" на дереве тоже имеется, в компании родственников с Ближнего Востока и из Средиземноморья. Видимо, автор, которого Вы процитировали, не знал о существовании субклада R1b1c (V88).

Славер:

Делая расклад в датировках, надо всё же придерживаться последних более точных датировок, расчётов ДНК-генеалогии, т.к. данные популяристов значительно разнятся и не в лучшую сторону. Последние уточнённые расчёты были любезно представлены Игорем Львовичем в данной теме, где говорится о возрасте общих предков 20 и 28 тыс лет.

Таким образом, про разницу между 20 000 лет для R1a и 16 000 лет для R1b, похоже, пора забыть, хотя ещё несколько дней назад мы пользовались этими данными. Разошлись они обе с R1, так получается, 20 000 лет назад. Это укрепляет предположение о том, что не только R1a, но и R1b могла быть на Русской равнине автохтонной зародившейся от R1* там же (вдоль реки Воронеж, проходящей в ВК как река Воронженец). А тот факт, что имелось круговое городище Воронженец, орошённое данной рекой и располагалось на левобережье, свидетельствует о том, что оно располагалось где-то рядом с Воронежем, либо непосредственно на его левобережной территории. Хотя справедливости ради следует отметить, что сам Воронеж по описанию не очень подходит, а вот округлый изгиб реки возле Костёнок подходит гораздо ближе, с той лишь разницей, что сами Костёнки находятся на правобережье, а городище располагалось на левом берегу. Т.е. искать его надо начинать от Костёнок и далее вверх по течению до впадения Лесного и Польного Воронежа в реку Воронеж. На этом участке можно найти все 10 городищ Русколани.

К чему я всё это уточняю? Разрыва в 4000 лет между зарождением R1a и R1b как показали последние исследования не было, что позволяет сделать вывод о единстве их культуры 20 000 лет назад и компактном месте пребывания на одной территории, которой всё очевидней является Русская равнина в районе бассейнов рек Волги Дона и Оки. Т.е. границей Русколани с западной стороны являлся Дон с его притоком Р. Воронеж, а с восточной стороны Волга (Дивуна). Северную и Южную границы надо уточнять.

aklyosov:

>Если это R1b, которые были там ещё 12 000 лн., то почему они не могли зародиться 20 000 лн. в центре Русской равнины...

Вопрос "почему они не могли" звучит не совсем в научном стиле. А почему они не могли в Австралии зародиться? И оттуда приплыть к любым берегам, как захотели? Тоже могли, не так ли?

Но проблема в том, что таких данных нет. Если появятся, картина будет

перестроена.

Нет данных и по зарождению R1b на Русской равнине. А когда нет данных, то мы исходим из более общей картины, по которым данные есть, и если не данные, то логичные выводы и наблюдения. Это приводит к довольно зыбкой картине, которая постепенно модифицируется и стабилизируется по мере поступления новых данных.

Эта зыбкая картина в настоящее время имеет фрагмент, в котором фигурирует сводная гаплогруппа K-M526, которая еще недавно называлась MNOPS. По сути, она ей и осталась. В свою очередь она образовалась из сводной гаплогруппы IJK. Мы знаем, что IJK разошлись, причем I сейчас сугубо европейская гаплогруппа (точнее, ее нисходящие I1 и I2), J занимает большую территорию на Ближнем Востоке, на юг вплоть до Йемена, на север до Турции и Кавказа, а также Средиземноморье, а NO+P прошли до Сибири и Юго-Восточной Азии. Заметьте, P прошла на восток, а не осталась на Русской равнине.

А почему на восток? Потому что есть ряд фактов и логических выводов, говорящих об этом. P разошлась на Q и R, и произошло это примерно 45-40 тысяч лет назад. Древнейшее местопребывание Q - это Сибирь, Центральная Азия, Монголия. Оттуда Q ушли в Америку, а поскольку появились там - по разным данным от 20 до 15 тысяч лет назад, да еще прибавьте тысячелетия на миграцию, которая могли занять 15-20 тысяч лет (часто принимается темп миграции 1 км в год), то так и получается, что Q могли уйти 30-40 тыс лет назад. Поскольку других данных нет, то по принципу Оккама (не умножай сущностей без нужды) мы должны поместить образование R там же, где и Q, а именно в Центральной Азии, Южная Сибирь, Алтай. А почему Южная Сибирь, Алтай? Да потому, что оттуда пошла алтайская языковая семья, в которой есть место и для N, и для O, и для R. Все их сегодняшние или реконструированные языки содержат общие элементы. Именно к южносибирскому, алтайскому региону сходятся N, O, P, Q, R.

Помимо того, есть данные археологии, о том, что более 20 тыс лет назад (а когда именно, не очень известно) была миграция с запада в прибайкальский регион. Данные есть в нашей книге "Происхождение человека". Далее, европеоиды издавна проживали в южносибирском регионе, и А. Назарова это показывала еще в 1990-х на основании "генетических расстояний". Она вообще показывала, что они там впервые появились.

Есть данные по культурам северного Казахстана, уходящие на 12-10 тысяч

лет назад, например, маханджарская культура. По первым оценкам, археологи, которые ее копают, связывают ее с R1b, о чем у меня с ними переписка. Причем предложили R1b именно археологи, не я, и у них есть основания, о которых я пока умолчу, потому что это основания их, и они пока не опубликованы.

Как видите, есть ткань данных, и ее нельзя просто так разорвать и декламировать, что R появилась в районе Волги, или где-то поблизости. Тогда ломается вся структура, рвется та самая ткань. Нужны совершенно экстраординарные доказательства для этого. Например, чтобы на Волге нашли кости с датировкой 20 тыс лет назад, и они R1b. Но этого же ничего нет. Как же можно выхватывать свои соображения из общей структуры, и на основании чего? Причем эту общую структуру даже не рассматривая.

Так нельзя.

Далее,

>К чему я всё это уточняю? Разрыва в 4000 лет между зарождение R1a и R1b как показали последние исследования не было...

Не было никаких "последних исследований", которые бы настолько уточнили возраст этих гаплогрупп. Расчеты дают 20 тыс лет назад для R1a (это опубликовано) и 16 тыс лет назад для R1b (это опубликовано).

Естественно, никак нельзя утверждать, что эти цифры окончательные и точные. У каждой есть свой интервал погрешности, и вполне может оказаться, что R1b станет 20 тыс лет назад, а R1a - 16 тыс лет назад, или любые варианты между ними.

>...что позволяет сделать вывод о единстве их культуры 20 000 лет назад и компактном месте пребывания на одной территории, которой всё очевидней является Русская равнина

Как видите, эта цитата не имеет никакого смысла. Ни в ее первом "выводе", ни тем более во втором.

И.Л. Рожанский:

>Не было никаких "последних исследований", которые бы настолько уточнили возраст гаплогрупп.

Были при подготовке схемы из статьи "Re-Examining the "Out of Africa"

Theory and the Origin of Europeoids (Caucasoids) in Light of DNA Genealogy". На рисунке там не выписаны цифры в явном виде, но масштаб соблюден строго. Развилка R1 и R2 в 28 тыс. лет назад там отмечена.

А 20,000 вместо прежних 16,000 для R1b - результат анализа довольно большого массива длинных гаплотипов R1b1c (V88). В свое время извлек из SMGF несколько десятков 43-маркерных R1b1c африканцев (Камерун, Нигерия, Кот д'Ивуар), а на проектах FTDNA снип V88 нашли у группы евреев ашкенази и разрозненных средиземноморцев, что до того относили к парагруппе R1b1*. Они-то сообщают и "утянули" базовый гаплотип V88 на примерно 9000 лет назад, "состарив" тем самым базовый гаплотип всей R1b. Перекрестная проверка по реликтовым R1b1* подтвердила датировку. Эти расчеты были использованы при построении сводного дерева гаплогрупп из статьи в *Advances in Anthropology*.

aklyosov:

В сообщении выше ключевое слово "настолько". Все, кто рассчитывали времена жизни общих предков, прекрасно понимают масштабы погрешностей, особенно на временах порядка 16-20 тысяч лет назад. Там плюс-минус тысячелетия, и при погрешности даже 20% - это уже плюс-минус 4 тысячи лет. Именно это я имел в виду. Эти времена имеют скорее концептуальное значение, что на самом деле очень немало.

Далее, возраст гаплогруппы R1b в 16 тысяч лет был показан вовсе не на «сверхкоротких» гаплотипах, а на 67-маркерных и 22-маркерных медленных гаплотипах. Это опубликовано в *Adv. Anthropol.* (2012) том 2, № 2, стр. 87-105. Как уже отмечено, это вовсе не означает, что цифра точно такая, как рассчитана, там есть своя погрешность расчетов, и если я увижу, что значение 20 тысяч лет получено на большем числе гаплотипов и с меньшей погрешностью, то я с удовольствием такую цифру приму. Я на 16 тысяч лет для R1b никакой ставки не делаю, мне, собственно, все равно, какая цифра получится, лишь бы была наиболее обоснованная.

Наконец, в отношении «переплетения» гаплотипов R1a и R1b. Давайте сравним их «медленные» предковые 22-маркерные гаплотипы, опубликованные в статье про «Африку» в *Adv. Anthropol.* (2012) том 2, № 2, стр. 80-86:

12 12 13 - 11 11 -11 - 11 8 16 16 8 10 8 12 10 12 12 8 12 11 11 12 (R1a)

12 **13** 13 - 11 11 -11 - 11 8 **15** 16 8 10 8 12 10 12 12 8 **11** 11 11 12 (R1b1)

Между ними – три мутации, что для 22-маркерных гаплотипов соответствует $3/0.006 = 500 \rightarrow 537$ поколений, то есть 13,400 лет между их общими предками. Какое же это «переплетение»?

Если принять возраст R1a за 20 тыс лет, а возраст R1b за 16 тыс лет, то их общий предок, то есть R1, жил $(13400+20000+16000)/2 = 24,700$ лет назад.

Поскольку мы опять имеем погрешность, то я не удивлюсь, если их общий предок, то есть R1, жил 20 тыс лет назад, или 30 тыс лет назад. На самом деле это ровным счетом ни на что не будет влиять. Это опять «концептуальное значение» возраста.

Обращения читателей и персональные случаи ДНК-генеалогии

Part 44

Anatole A. Klyosov

Newton, Massachusetts 02459, U.S.A.
<http://aklyosov.home.comcast.net>

LETTER 150

Please consider two haplotypes, one (mine) is a 111-marker one, the second if a 37-marker haplotype. Both of us are male, Jewish, Levis, different surnames, both live in Israel. Both fathers were born in Poland pre-WWII in towns 100 kilometers apart, but had no knowledge of being related. Both of us are R1a1a. I'm L342 positive, he does not know (probably yes).

MY RESPONSE:

You share with his 37 marker haplotype 32 alleles from 37, that is there are only 5 mutations between you two in the 37 marker haplotypes. 5 mutations translate to $5/0.09 = 56 \rightarrow 60$ "conditional" generations (1500 years) between you two, therefore, your common ancestor lived ~ 750 years ago, approximately in the middle of the 13th century. However, with only 5 mutations and in only 37 marker haplotypes a margin of error is rather wide. 111 marker haplotypes will be much more accurate with the dating.

He also very likely to have L342.

CONTINUATION:

Please explain why you did divide the 5 mutations to 0.09? Why the 0.09 figure?

Also, please explain how will the margin of error narrow by obtaining his 111 marker haplotypes?

MY RESPONSE:

1. The mutation rate constant for the 37 marker haplotypes is 0.09 mutations per haplotype per a conditional generation of 25 years. The complete list is given in the latest paper on the subject (Advances in Anthropology, vol. 1, No. 2, pp. 26-34):

<http://www.scirp.org/journal/aa/>

2. Since there are only 5 mutations between your and his two 37 marker haplotypes, the margin of error is plus-minus 49% (this is ridiculously precise number in this particular case; the calculations are also explained in the above paper).

In the 111 marker haplotypes the expected number of mutations is 11. The margin of error in this case would be 32%.

LETTER 151

Here is a question based on your article "Haplogroup R1a, Its Subclades and Branches..." in Adv. Anthropol. v. 2, No. 3, pp. 139-156. You write (regarding the haplotype tree of the Tenths, with DYS388=10):

The base 111-marker haplotype of the old branch splits into two sub-branches as follows:

[BRANCH ONE]

13 25 16 10 11 14 12 10 10 13 11 30-15 9 10 11 11 24 14 18 31 12 15 15
16-11 11 19 24 16 15 19 20 33 39 12 11-11 8 17 17 8 12 10 8 11 10 12 22 22
16 10 12 12 14 8 14 23 22 12 13 11 13 11 11 12 13-31 15 9 16 12 26 27 18 13
12 12 12 11 10 12 11 10 11 11 31 12 15 24 12 9 10 19 15 20 12 23 15 12 15 25 12
23 19 10 15 18 9 11 11

[BRANCH TWO]

13 25 15 10 11 14 12 10 10 13 11 31-15 9 10 11 11 25 14 19 31 12 14 14
17-12 11 19 23 15 16 18 19 34 37 12 11-11 8 17 17 8 12 10 8 11 10 12 22 22
15 10 12 12 13 8 14 23 22 12 12 11 13 11 11 14 13-32 15 9 15 12 26 27 19 12
12 12 12 10 9 12 11 10 11 11 31 12 14 24 13 9

which differ by as much as 33 mutations. One branch (shown first)... with a common ancestor of 2125 ± 280 ybp (0.139 mutations per marker), another... is 2025 ± 260 years "old" (0.133 mutations per marker).

What is surprising is that according to your paper in Proceedings (2012) vol. 5, No. 2, pp. 30-37, the Prendergast branch contains almost the same base haplotype in the first 67 markers, with only two mutations, as follows:

13 25 16 10 11 14 12 10 10 13 11 30—15 9 10 11 11 24 14 **19** 31 12 15 15 16—11 11 19
24 16 15 **18** 20 33 39 12 11—11 8 17 17 8 12 10 8 11 10 12 22 22 16 10 12 12 14 8 14 23
22 12 13 11 13 11 11 12 13

However, a common ancestor of the Prendergasts lived only 1000 years before the present. Isn't it stange that more than thousand years between two common ancesors results in only two mutations in their 67 marker haplotypes?

MY RESPONSE:

The 111-marker haplotype and the respective calculations on p. 142 of the R1a paper are correct, as well as the 67-marker base haplotype and the respective calculations on p. 31 of the Proceedings. The first sub-branch in the Tenth haplotype tree contains not only the Prendergast haplotypes, it is broader, and includes 21 of 67-marker haplotypes, all of which contain 196 mutations. It gives $196/21/67 = 0.139$ mutations per marker, as indicated in the paper, which corresponds to $196/21/0.12 = 78 \rightarrow 85$ generations, or 2125 years to a common ancestor of the branch, exactly as indicated in the paper. The Prendergast branch is a more narrow fragment of the branch, however, with almost the same base haplotype, and contains 0.063 muttations per marker, which gives about 1000 years to a common ancestor. In other words, the Prendergast branch is a descendant of the "first branch", hence, younger.

As I understand, you were surprised that the base haplotype is almost the same in two common ancestors who lived 2125 and 1000 years ago. It happens, and some folks who live today have their haplotype identical with the base haplotype of their common ancestor who lived a thousand years ago, or even earlier.

LETTER 152

Here is my 102 marker haplotype. Is this an Old European or am I a Carpatho? Trying to understand...

13 25 15 12 11 14 12 12 10 13 11 30 -- 15 9 10 11 11 24 14 20 33 12 14 15 16 - 11 12 19
23 16 15 20 19 34 43 12 11 - 11 8 17 17 8 12 11 8 10 11 12 22 22 15 10 12 12 13 8 13 23
22 13 12 11 13 11 11 12 13 - 31 14 9 15 12 26 27 19 12 11 12 12 10 9 12 11 10 11 11 30
12 13 24 13 9 10 19 15 21 11 23 16 12 15 24 12 23 19 10 15 17 9 11 11

MY RESPONSE:

What makes you think that it is related to the Old European branch? It seems that it can be assigned to Z93 (South-Eastern R1a), Z283 (Eurasian), Z280 (Central Eurasian), Z284 (Scandinavian) haplotypes, however, it would be helpful if you have your SNPs tested.

CONTINUATION:

Here is the nomenclature for my haplogroup:

M417+
PK5-
P98-
M64.2-
M56-
M458-
M434-
M157.1-
L176.1-

So I am not sure if this goes back beyond the 3000 ybp or does the M417+ mutation define the haplogroup

MY RESPONSE:

I have to slightly disappoint you. Your SNPs represent an eclectic bunch of assorted markers, which leave huge holes in the classification. Yes, you are M417+, as far most of other R1a folks in Europe (and beyond). It does not say much, when it is positive. All other your markers are obsolete and/or not informative. As I have said earlier, you can be Z93 (South-Eastern R1a), Z283 (Eurasian), Z280 (Central Eurasian), Z284 (Scandinavian). Unfortunately, you have not tested anyone of those SNPs.

It seems that you belong to the Scandinavian branch, however, it has to be verified by Z284 snip.

Your 67 marker haplotypes deviates by 23 mutations from the base (ancestral) 67 marker haplotype of the "Old Scandinavian branch", which gives $23/0.12 = 192 \rightarrow 238$ generations, or 5950 years between you and the common ancestor of the Old Scandinavians (4300 ybp), which makes you common ancestor to live at $(4300+5950)/2 = 5125$ years ago. It makes sense (see the next paragraph).

If you look at page 150 of the R1a paper (the end of the 2nd column) in *Advances in Anthropology* (2012), vol. 2, No. 3, pp. 139-156, it describes a common ancestor of Z284 and Z280 to live at 5,200 ybp (or more). This might be your common ancestor.

Regards,